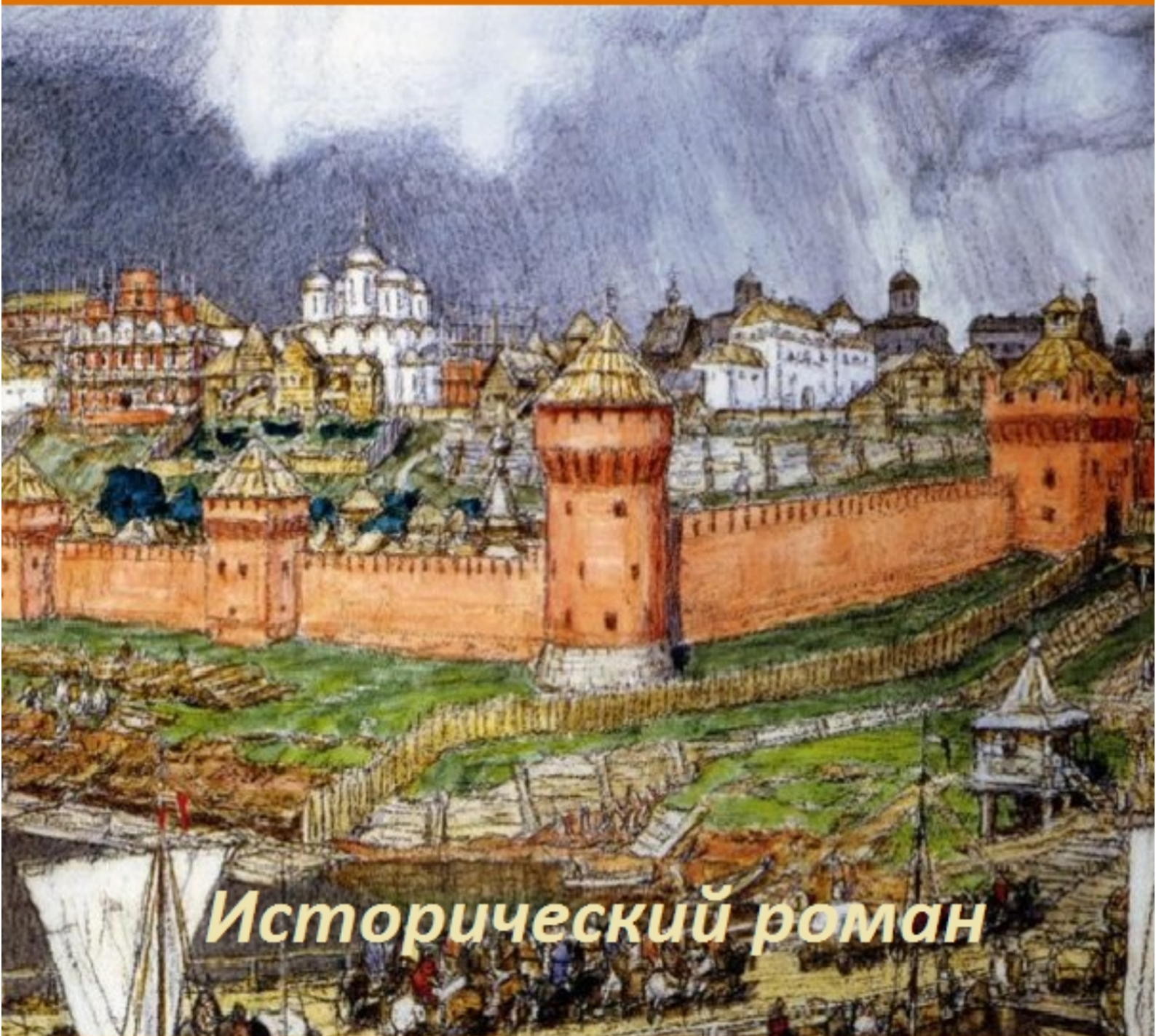

Людмила Гордеева

Исторический роман

Иоанн III Великий

Части 1 - 2

16+

Людмила Гордеева

**Иоанн III Великий. Исторический
роман. Книга 1, часть 1—2**

«ЛитРес: Самиздат»

1996

Гордеева Л. И.

Иоанн III Великий. Исторический роман. Книга 1, часть 1—2 /
Л. И. Гордеева — «ЛитРес: Самиздат», 1996

Роман охватывает важнейший период создания Российского государства — конец XV века. Главный ее герой — первый государь всея Руси Иоанн III Великий, его мать, братья, полководцы и бояре, иноки. Лирическая линия книги повествует о судьбе героя, его женах, о второй супруге Софье Палеолог. Мы узнаем о возведении современного Московского Кремля, о жизни и присоединении к Москве Великого Новгорода, о борьбе страны за единство и независимость. На обложке: фрагмент картины А. М. Васнецова «Московский Кремль при Иване III».

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	32
Глава IV	37
Глава V	49
Глава VI	64
Глава VII	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Предисловие

Роман, опираясь на документы, рассказывает о важнейшем периоде русской истории – второй половине XV века, когда на месте удельных княжеств, враждующих меж собой за первенство, на арену мировой истории является единое мощное государство, которое получает новое наименование: сначала Русия, затем Руссия, которое носит почти два столетия. В своем процессе объединения и укрепления оно опередило многие страны Европы. Ее великий князь Иоанн III впервые именуется государем и самодержцем всея Руси, а в дипломатических сношениях также и «заморскими» титулами – царем и даже императором. Современники и потомки называют его и великим. Иоанн в несколько раз увеличивает территорию своей страны, расширяя свои владения до Белого моря на севере и за Урал на востоке. Он окончательно избавляет ее от татарского ига. Роман знакомит читателя с важной ролью в развитии духовности и просвещения Русской земли ее религиозных деятелей. Среди героев книги – преподобные игумены монастырей Пафнутий Боровский и Иосиф Волоцкий, пустынник Нил Сорский, архиепископ Геннадий Новгородский и другие.

Все события книги исторически достоверны и подтверждены сохранившимися документами: летописями, духовными, закладными, жалованными и другими грамотами, посланиями и прочими, а также литературными трудами героев романа.

Часть первая

Феодосия, княжна Рязанская

Глава I

Невесты

«В лето 6977 (1469 от Р. Х.). Тое же зимы февраля 11 прииде из Рима от кардинала Виссариона Грек Юрьи именем к великому князю с листом, в нем же писано, что есть в Риме деспота Амореискаго Фомы Ветхословца от царства Константина града дщи его, именем Софья, православнаа христианка. «Аще восхочешь понятии ея, то аз учиню ея в твоём государстве, а присылалися к ней король Франчюжскыи и князь великий Мадельянскыи, но она не хочет в Латынство».
«Московский летописный свод конца XV века»

Здоровый, полный сил и внешне вполне привлекательный тридцатилетний великий князь Владимирский, Московский, Новгородский и пр. и государь всея Руси Иоанн Васильевич вот уже два года вдовел: его жена Мария Борисовна Тверская умерла, оставив ему девятилетнего сына, тоже Ивана, прозванного для отличия от отца Молодым. И только начало было ближайшее окружение государя, оглядевшись после траура, подыскивать ему невесту, как прибыл в Москву посол из далекого Рима от самых влиятельных там людей – папы Павла II и кардинала Виссариона. Грек Юрий Мануилович Траханиот привез от них письмо, в котором предлагалась Иоанну в жены царевна Софья, племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога, погибшего при обороне Константинополя от турок. Посол доверительно рассказал, что царевна – сирота, что земли ее предков захвачены османами, а живет она с двумя братьями на папскую пенсию. Однако, несмотря на все тяготы беженки, хранит верность православию и отказала уже двум знатным женихам лишь потому, что они католики. Привез Грек и папские пропускные листы для проезда по Европе русских послов.

Предложение заинтересовало Иоанна. Ибо на Руси с давних времен сложилось особое отношение к Византии. Оттуда получила она крещение, отсюда столетиями поставлялись митрополиты на московский святейший престол. Хранительницей и продолжательницей традиций православия считала себя Русь после захвата Константинополя турками. Такая жена, как Софья, вполне могла поднять престиж великокняжеской власти в Москве, а Иоанн в этом нуждался теперь как никогда.

Но одно дело, что говорит приехавший посол из окружения самой Софьи, а совсем иное – что есть на самом деле. Ведь молодому государю жена нужна не только для представительства и укрепления авторитета, но и для жизни. А тут и все остальное важно: и лик, и душа, и возраст, о котором Грек умолчал. На разведку снарядил Иоанн в дальний путь служившего в Москве итальянца Джана Баттисту дела Вольпе, прозванного в Москве Ивашкой Фрязиным. Ради порядка приставил к нему еще двух своих послов – опытного Федора Спенка и юного Федора Курицына для науки, ну и, конечно, казначея – Матвея Татищева для учета расходов. Приказал все разузнать подробнее: какова царевна, сколько лет, чему обучена, на каких языках говорит, не глупа ли, не больна ли, не хрома. Непременно надо было самим повидать ее, побеседовать, о родне узнать подробнее. Ну и о приданом, разумеется. Тут Иоанн Васильевич на многое не рассчитывал – что взять с сироты бездомной! Тем не менее, порядок есть порядок. 20 марта 1469 года посольство тронулось в путь, а уже через восемь месяцев, по первому

снегу, воротилось обратно. Иоанну не терпелось узнать о результатах поездки. Оттого он не стал тянуть. Сведав вечером о прибытии Фрязина, уже на следующий день перед вечерней службой назначил ему встречу в приемной палате. Пригласил и ближних бояр: их мнением он дорожил.

...Сотворив у входа в палату замысловатые движения, обозначающие приветствие и почтение, Ивашка сделал несколько шагов вперед и уж после этого, как было положено по местному обычаю, поклонился сначала совсем низко самому великому князю, затем по сторонам, боярам. Следом согнули спины его спутники – казначей Татищев, да Федор Спенек с Курицыным.

– Ну, то-то, – не сердито заметил Иоанн Фрязину, – а то я уж поначалу подумал, что ты там, в иноземщине, по нашему-то и кланяться разучился.

Великий князь сидел на высоком, из желтого дерева кресле, с большими подлокотниками и резной спинкой, обрамляющей, как сияние, его плечи и голову. К креслу вели две ступеньки. На голове великого князя красовалась отделанная соболем шапка с узорчатой, усыпанной дорогими камнями тульей, слева от кресла стоял тяжелый посох, украшенный сверху золотым крестом. Как и на всех посольских приемах, рядом с государем стояли телохранители-рынды с золочеными узорчатыми топорами, в нарядных светлых кафтанах с красными стоячими воротниками, в красных шапках и в такого же цвета красных сапогах с загнутыми кверху носами. Еще несколько рынд замерли у входной двери.

Фрязин, отвешивая поклоны, краем глаза оглядывал палату, в которой оказался впервые. Высокие стрельчатые оконные проемы были застеклены мозаичным узорочьем, и оттого, несмотря на предзимнюю неяркую погоду, комната выглядела светлой и радостной. Вдоль стен располагались широкие лавки, покрытые тяжелыми, расшитыми дорожками – полавочниками, – для бояр. Особо, на почетном месте – ближе всех к государю, стояли стулья для его родных братьев. Место митрополита пустовало. С ним и с матушкой Иоанн хотел поговорить отдельно.

Правый угол палаты украшали несколько икон, среди которых выделялась сияющая золотой кружевной оправой икона Божией Матери, как утверждали русичи, – их защитницы и покровительницы. Неподалеку от государева места за небольшим столиком сидел дьяк с бумагами – для записи речей. Никаких излишеств в этой приемной палате не было. Вся она даже по виду предназначалась только для работы, для совета.

Присутствовали лишь два брата из четырех, Юрий и Андрей Меньшой, прозванный так для отличия от старшего брата. Двое других находились в своих уделах. На стульях и лавках сидели около десятка бояр. Из них Фрязин хорошо знал лишь князей Ряполовского, Патрикева да Палицкого.

– Приветствую тебя, господин мой, – еще раз низко склонился посол. – Ваше повеление я благодаря Господу Богу благополучно выполнил, – доложил он на хорошем русском языке, которым вполне овладел за пять лет службы в Московском княжестве. Хотя и говорил с большим акцентом. – Дважды принимал нас его высокопреосвященство папа Павел II, много раз встречались мы и беседовали с кардиналом Виссарионом. Все оказывали нам, как твоим подданным, величайшие почет и уважение. Мы привезли тебе глубокую благодарность за дары и вот эту грамоту.

Фрязин обернулся и взял у Федора Спенка свернутую трубкой плотную бумагу с красной подвесной печатью. Иоанн принял ее, развернул, посмотрел и вернул Фрязину.

– На, переведи, я по латыни не разумею.

Посол принял бумагу и начал читать: «Любезнейший сын мой, государь Московии, Новгорода, Пскова и других земель...»

При этих словах по лицу великого князя скользнула довольная улыбка – ему нравилось столь почтительное обращение могущественного папы.

Поблагодарив за подарки, за внимание, папа писал далее, что надеется на скорейшее решение их общего деликатного вопроса, и сообщал, что посылает великому князю Московскому специальные листы, которые позволят послам его беспрепятственно ходить по всем землям, присягающим папе, – до самого Рима.

– Листы вместе с дарами здесь, – сообщил Фрязин и, обернувшись, подал знак, – его помощники внесли в палату деревянный резной сундучок, отделанный металлом и запертый на замок.

– Вот ключ, – посол подал его в руки самому государю, сундук поставили у ног.

Он принял ключ и убрал в карман своего кафтана. Потом кивнул дьяку, и тот унес дар в соседнюю дверь. Затем пригласил Фрязина присесть на подготовленную заранее скамью. Тот с удовольствием принял этот знак уважения, низким поклоном поблагодарив хозяина.

– Ну, рассказывай, что видел, что слышал, беседовал ли с царевной, как она глянулась тебе?

– Беседовал, и не раз. Хороша невеста. Да я тебе, государь, парсуну с нее привез, образ ее, на доске писанный, он там, в сундучке с дарами. Казначей за него художнику фунт – по-вашему, гривенку серебра заплатил, да связку шкур собольих. Хороший мастер писал тот образ, сам кардинал его приглашал из Флоренции.

– Я отблагодарю тебя. А что, деньги-то и дары, что с собой брали, все потратили? – обратился он к казначею.

– Да, мой государь, почти все. Но в расчеты уложились.

– О том я еще подробно тебя допрошу – позже отчитаешься. А ты дальше рассказывай.

– Софья Фоминична живет с братьями в отдельном доме под опекой кардинала Виссариона. Она три языка знает, говорили мы по-гречески, со слугами она на латинском общается, на итальянском. Русский, конечно, не понимает, но посол кардинала Юрий Траханиот уже начал ей уроки русского языка давать, он неплохо по-вашему говорит, когда-то сербский язык изучал.

– Стало быть, сама она замуж хочет на Русь выйти?

– Да, государь, хочет. Несладко ей там живется, сирота. Каждый может куском хлеба попрекнуть, хоть по роду своему она выше всех их. Юрий Грек, небось, докладывал, да я повторю, может, кто не знает, – Фрязин обвел глазами внимательно слушавших его бояр. – Софья Палеолог – внучка знаменитого византийского императора Мануила Палеолога, племянница двух последних императоров Иоанна VIII и Константина IX. Оба они были бездетными, так что претендентом на престол был их третий брат – отец царевны Морейский правитель Фома Палеолог. После того как Морею захватили турки, Фома Палеолог с семьей бежал на остров Корфу, родину жены. Около пяти лет назад, после смерти обоих родителей, Софья переехала в Рим – ее с братьями взял под свое покровительство кардинал Виссарион их земляк и тоже грек, бывший никейский митрополит.

Фрязин сыпал именами и фактами – было видно, что хорошо изучил биографию невесты и подготовился к беседе с великим князем. Он периодически поглядывал на бояр и, видя, что его внимательно слушают, охотно и быстро продолжал рассказывать.

– В Риме Софья Фоминична, – Фрязин назвал возможную невесту великого князя по местному обычаю по имени-отчеству и, заколебавшись, говорить или нет дальше, решительно продолжил, – царевна была вынуждена принять католическую веру с именем Зоя. Увидев мгновенно помрачневшее лицо Иоанна, он тут же поправился:

– Это вынужденная мера, и мне она сказала наедине, что очень хочет вернуться к вере предков. Хотя, конечно, там, в Риме, все уверены, что Русь согласна объединиться с католиками, признать унию...

– Еще чего не хватало! – возмутился Иоанн, хлопнув ладонью по ручке кресла. – Я что им – Исидорка-предатель?!

Речь шла о событии, в свое время всколыхнувшем всю Русь. Желая объединить под своей властью две Церкви – католическую и православную, папа Евгений IV созвал в 1440 году от Рождества Христова восьмой вселенский собор в Италии, во Флоренции, куда отстаивать православную веру отправился от Руси ее митрополит – грек Исидор. Византийцы, которым угрожали турки уже под самыми стенами города, были вынуждены пойти на компромисс и подписать Флорентийскую унию об объединении двух христианских Церквей. За это папа обещал им военную помощь. Согласился на такой компромисс и Исидор. На Руси это расценили как предательство, митрополита заключили в монастырь и избрали себе другого – Иону, – впервые своими архиепископами, без традиционного поставления и благословения Византии. Вот этого-то Исидора и помянул рассерженный государь. Но хитрый черноглазый посол-итальянец, тут же, его успокоил:

– Так мало ли что они думают! Пусть себе мечтают, что вы им на уступки пойдете! Они потому и предлагают тебе в жены свою воспитанницу, что надеются с ее помощью Русь к католической вере склонить. Да только ты, великий князь, не тревожься, царевна сама не желает католичкой быть. Я тайно говорил с ней об этом, как и обещал. Есть и еще одна причина папского интереса к Руси, – Фрязин выдержал паузу, желая вызвать больше интереса слушателей к своим словам: – Турок боятся все они до смерти. Всю Европу наводнили греки и итальянцы из захваченной османами Византии, из Тавриды, с юго-востока Европы. Ужасы рассказывают о злобе и зверствах завоевателей. Да вы знаете, – он обвел глазами окружающих, – у вас у самих много беглецов оттуда, насмотрелись. Вот и мечтают папа и кардинал организовать на турок крестовый поход и Москву вашу к тому склонить. Считают они тебя могущественным и богатым правителем, знают, что войско на Руси есть доброе...

– Да уж, только этого нам не хватало, – и тут не выдержал, возмутился Иоанн. – У нас свои «турки», со всех сторон – только успеваем отбиваться. То татары казанские, то ордынские насакаивают, то крымские грозят. И Литва им не уступает – только и держи саблю наготове. Какие уж тут турки?!

Бояре единодушно поддержали своего великого князя, кивая и поддакивая вслед его речам. Но и тут хитрый итальянец нашел, как успокоить синклит:

– Так это опять же их планы, нам до них какое дело?! Я там речи их слушал, поддакивал, а сам приказ твой, государь, исполнял – договаривался да присматривался. Вызнал, что они хотят, и вам изложил все как есть, им же наши знать совсем незачем.

– Ты мне лучше скажи, в каких годах невеста-то, что молчишь? Не собираетесь мне старуху подставить? Все равно увижу, – тогда у меня получишь, коль соврешь.

– Да к чему мне врать? Не очень-то молоденькая, не девочка, – в самом соку невеста. Правда, телом она пышновата, – засмутился Фрязин, рассказывая о такой тонкости. – Да это ее как будто не портит. Зато хороша, светлокожа, глаза большие – на портрете все видно.

– Хорошо, хорошо, – смягчился Иоанн. – А теперь скажи, как добирались. Без приключений?

– Слава Богу, благополучно. Правда, на обратном пути в шторм попали, но обошлось, помучились только крепко. Герцог Флорентийский принимал нас, узнал, что есть такое княжество – Московское, послов хочет сюда прислать. Ехали и туда, и обратно с почетом: как видели проверяющие папские пропускные листы, тут же честь оказывали. А на обратном пути папа своих провожатых нам давал, так и вообще никаких забот не было. Уставали, конечно, от дорог бесконечных, особенно в дожди, но пути там объезженные, проторенные.

– Как себя Курицын проявил? Есть ли у него способности к языкам?

– Есть, государь. Пока до Рима добрались, он уж со мной на латинском заговорил. И с Софьей Фоминичной сумел объясниться, русским языком она с ним охотно занималась.

– В самом деле? – спросил Иоанн, уже обращаясь к Курицыну.

Молодой человек тут же покраснел, смутился, но все-таки охотно ответил:

– Царевна очень старательна и трудолюбива, к тому же способная весьма... И в обращении обходительна...

– Ну что ж, может, правда, из тебя толк выйдет. Продолжай языки учить и, главное, латынь с греческим. У нас теперь есть с кем заниматься, вон хоть с Фрязиным... Нам это пригодится. Своих русских послов толковых готовить надо, чтоб без заморских толмачей обходились, грамотными были. Учись!

– Слушаюсь, мой государь. – Курицын склонился в низком поклоне, польщенный вниманием Иоанна.

– Что скажете, бояре? – обратился Иоанн к присутствующим. – Прежде чем посылать Ивашку в Рим, я уже советовался с вами, вы одобрили мой выбор. Теперь вы слышали подробный отчет посла о невесте. Не появились ли какие вопросы, сомнения? Может, бросить мне, пока не поздно, эту затею с женитьбой? Ты как думаешь, Иван Иванович? – обратился Иоанн к князю Ряполовскому, старейшему своему советнику и дальнему родственнику.

Это, пожалуй, был самый влиятельный человек среди приближенных государя. Потомок великого князя Всеволода Большое Гнездо, глава представительного семейного клана, он помог когда-то отцу Иоанна вернуть утраченный московский престол и практически стоял у власти в годы его малолетства, когда слепой отец Василий Васильевич Темный сам был не в состоянии принимать важных решений. Полки под командованием Ряполовского не раз одерживали победы над литовцами и татарами. Во многом благодаря его мудрой политике и личной храбрости Москве удалось возвыситься и усилиться в последние годы. Ныне казавшиеся когда-то мощными плечи Ряполовского словно усохли, спина ссутулилась, волосы и лохматые брови поблекли. Он ходил с палкой, но все еще был похож на кряжистый дуб, который не так-то просто свалить. И хотя многие обязанности Ряполовского – воинские и дипломатические – чаще уже выполнял его сын Семен, на совет ближних бояр Иоанн приглашал все-таки отца. Из уважения к его славному прошлому, к его светлому уму.

Князь не торопился с ответом. Не в первый раз думал он над этим сватовством, и хотя предыдущий раз, скрепя сердце, одобрил выбор Иоанна, все же затею эту считал сомнительной. Нечасто прежде русские государи женились на иностранках. А если и женились, пользы это державе не приносило. На его памяти лишь дед нынешнего великого князя Василий, сын Дмитрия Донского, был женат на литовке Софье, дочери могущественного великого князя Литовского Витовта. Чем это завершилось? Василий Дмитриевич, уступая тестю, отдал ему многие русские земли, в том числе и древний русский город Смоленск. Еле сумел удержать в повиновении Псков и Новгород. А после смерти мужа Софья с малолетним сыном Василием и вовсе отдалась под покровительство властного отца. В ту пору на службу к Витовту перешли многие русские князья, среди которых были и независимые от Москвы великие князья Рязанский и Тверской. Сама же Московская Русь заметно ослабла, начался раздор меж ее князьями, унесший немало сил и крови. Разумеется, не только дочь Витовта явилась главной причиной междоусобиц и все же...

Конечно, Софья Палеолог – не литовка, но, как знать, с какой стороны тут беды ждать. В одном был убежден князь Ряполовский: иностранные государыни лишь несчастье да раздор приносят на русскую землю. Да и то: русских, что ли, княгинь не хватает? В душе Ряполовский давно таил обиду на Иоанна. Только что пришлось отдать замуж красавицу-внучку. А чем она была бы не пара великому князю? Красавица, умница, да и рода знатного – не уступила бы и самому государю, ведь они, Ряполовские, тоже Рюриковичи.

Да разве можно говорить об этом Иоанну? Совсем, кажется, недавно ребенком был, в рот глядел, прежде чем решение какое-то принять. Нынче совсем во вкус власти вошел. Попробуй, возрази что! Так взором охолодит – не рад будешь. С другой стороны, когда теперь у них, у Ряполовских, нет для государя невесты, даже лучше, если он на иноземке женится, не придется ему женину родню к престолу приближать, выделять да одаривать. А софьиная родня русским боярам не помеха. Да и не поедут они сюда. Блеск имени ее предков, ее богатства – все в прошлом...

Размышления Ряполовского прервал повторный вопрос Иоанна:

– О чем задумался, князь Иван, поделись с нами!

Обведя пристальным – из-под лохматых бровей – взглядом присутствующих, привыкший к тому, что его советы были всегда решающими, князь четко и коротко ответил:

– Думаю, как и государь. Софья Палеолог – дочь великой царственной семьи. И мы, приграв сироту, окажем честь ее великим предкам, отдадим дань благодарности земле, освятившей нас верой православной. Я одобряю этот брак.

Рядом с Ряполовским, важно откинувшись к стене, в удобной позе сидел знатнейший боярин и дворецкий Иоанна князь Юрий Патрикеевич, потомок великого князя Литовского Гедимина. Имя его отца уже прижилось за его родом в качестве фамилии – Патрикеевы. Его породистое, холеное лицо с длинным с горбинкой носом, несмотря на преклонные годы, было все еще красивым и значительным. Когда-то темно-русые волосы его и борода теперь покрылись обильной сединой, но были аккуратно подстрижены и причесаны. Старый князь следил за своей внешностью. Он прослужил великим князьям московским более тридцати лет и являлся не только ближайшим боярином и советником Иоанна, но и родственником – был женат на его родной тётке – сестре отца Анне Васильевне.

Вместе с Юрием Патрикеевичем на совет был приглашен и его старший сын Иван Юрьевич. Облик этого двоюродного брата государя чем-то даже походил на великокняжеский – овалом лица, профилем большого, с горбинкой носа. Ему не было и сорока, но высокий род, ратные подвиги, хорошее образование делали его одним из авторитетнейших людей в княжестве. Если великому князю требовалось решить какое-то щекотливое дело в Литве, он посылал туда Ивана Юрьевича Патрикеева, которого, несмотря на молодость, там знали и чтили не только за высокое положение в Москве, но и за родство с великими князьями литовскими. Бывая в Москве, литовские и татарские послы считали за честь быть принятыми в хоромы Патрикеевых подле Боровицких ворот – пышных, богатых, не уступающих по красоте и самим государевым.

Видя, что от них ждут ответа, отец с сыном переглянулись и сразу же поняли друг друга. Старший, Юрий Патрикеевич не тратя попусту времени и не повторяя уже переговоренного прежде, высказался коротко и определенно:

– Мы одобряем твой выбор, государь!

С этим мнением согласились и родные великокняжеские братья Юрий с Андреем Меньшим.

– Хорошо, – сказал Иоанн и встал, давая знать таким образом, что прием посла закончен.

Поднялись и все остальные. Иоанн взял в руки посох и вышел в расположенную рядом с его креслом дверь, ведущую через среднюю трапезную палату в кабинет. Остальные двинулись в противоположную дверь – к выходу.

Кабинет Иоанна Васильевича представлял собой просторную светлую комнату с пятью высокими окнами, с цветными, как и в передней приемной палате, узорчатыми стеклами, которые днем делали все помещение нарядным и веселым. Заметное место тут занимала русская печь с тяжелой металлической заслонкой, на которой искусным мастером были отлиты фигуры животных. Бока печи, как и все стены палаты, были расписаны растительным узором

и цветами, причем в общей гамме красок преобладал цвет золота, за что и вся палата получила у придворных прозвание золотой. В переднем углу, под образами, в золоченых сияющих окладах, находилось государево место – массивный стол с различными красивыми приспособлениями на нем: серебряным подсвечником, на котором возвышались три полусторевшие свечи, кожаная папка с бумагами, футляр для государевой печати, чернильница и подставка для перьев. Тут же стоял и серебряный колокольчик для призыва слуг, нож в чехле, какие-то коробочки, листы. У стены расположился резной деревянный сундук с коваными углами и запорами. На нем возвышался только что привезенный Фрязиным маленький сундучок. Рядом – поставец: стеной шкаф высотой в средний человеческий рост с двумя верхними открытыми полками, на которых красовались массивные книги в кожаных и металлических окладах, папки с бумагами. Свободные проемы между окнами и у стен занимали деревянные стулья с невысокими резными спинками.

В кабинете было три двери. Одна из них вела в спальню великого князя, другая в сени, где находилось рабочее место дежурного дьяка и постельничего, откуда имелся запасной выход в переходы и на улицу... Третья дверь, в которую и вошел сам государь, вела также к выходу – через трапезную и приемную палаты, где только что состоялся Совет.

Следом за великим князем в кабинет явился дьяк с бумагами.

– Достань-ка мне, Стефан, портрет царевны из сундучка и ступай, – распорядился хозяин и подал слуге ключ.

Невысокий немолодой уже мужчина с роскошной кудрявой бородой темно-рыжего цвета, прозванный за эту свою приметную деталь Стефаном Бородатым, четко и быстро выполнил повеление и положил на стол перед Иоанном обитый синим бархатом футляр с небольшим замком. Стефан был не только дьяком, но и государевым летописцем. Его Иоанн выпросил для службы у матушки за хорошее знание летописей, за грамотность и умение складно писать. Стефан молча поклонился и, не получив нового приказа, вышел.

Иоанн сел за стол, придвинул к себе поданную дьяком довольно тяжелую вещицу. Растворив футляр, Иоанн увидел поясной образ женщины, написанный маслом на толстой плоской доске, – на Руси так писали только иконы. Первое, что бросилось ему в глаза, – ее оголенная шея и плечи. В сердцевидном вырезе платья виднелась прикрытая кружевной сеточкой пышная грудь. На Руси женщине так оголяться было не принято. «Хорошо, что не показал боярам», – подумал Иоанн. Женщина была в черном бархатном платье, зауженном к талии. Ее шею украшали три ряда белых жемчужных бус. Темно-золотистые, почти бронзовые волосы были стянуты проходящей по лбу блестящей белой нитью, украшенной в середине прозрачными белыми камнями. Из-под этой нити над ушами и ниже спадали круто завитые локоны, контрастирующие с гладко уложенным верхом и подчеркивавшие бронзовым отливом белизну и нежность кожи. Царевна была хороша собой. Миндалевидные темные, глаза ее смотрели грустно и очень внимательно. Нос был, пожалуй, великоват, тем не менее, казался вполне изысканным. Небольшой рот с яркими губами как бы застыл в застенчивой, таинственной улыбке. Чуть тяжеловатый подбородок уравновешивался высоким, безукоризненной формы красивым лбом с яркими черными бровями. Художник, писавший парсуну, действительно был талантлив. Чувствовался характер этой женщины – очень противоречивый. Она казалась властной и одновременно нерешительной, серьезной, резкой и тут же трогательной, горячей, но умеющей обуздывать, держать себя в руках. Изображение понравилось Иоанну, несмотря на непривычно открытые грудь, шею, плечи. Однако все эти прелести не вызвали у него никаких эмоций, как мужчину оставили холодным и даже равнодушным.

«Неужели то, что произошло у нас с Феодосией, столь важно для меня и столь занимает мое сердце, что оно закрыто для всего остального?» – подумал он и представил тут же нежное юное лицо рязанской княжны Феодосии, матушкиной воспитанницы. Внешность Софьи была

почти прямой противоположностью облику княжны. У той были яркие синие глаза, светлые русые волосы, которые она по-девичьи заплетала в одну косу, стройная, изящная фигурка...

Он попытался отогнать от себя этот образ и приняться за дела, но мысль, завладевшая им, не отпускала: что же он будет делать с Феодосией, если все-таки женится на гречанке? Теперь ведь уже поздно отступать. Перед тем как послать Фрязина подробнее узнать о невесте, он советовался с митрополитом, с боярами, с братьями и матушкой. Потратился на послов, на дары царевне, папе, кардиналам. Ославился со своими смотринами на весь свет. Нет, теперь нельзя отступать...

Его мысли перебило появление на пороге матушки Марии Ярославны. Иоанн поспешно, как ребенок, застуканный родителями за запретным занятием, захлопнул крышку футляра.

– Что прячешь-то, сынок? Неужто так страшна невеста, что и родительнице ее негоже показать? Патрикеев зашел ко мне да сказывал, что получил ты портрет царевны. Ну, даже если уж другим никому нельзя поглядеть, мне-то все равно можно...

Иоанн вновь распахнул футляр и вынул доску с изображением царевны. Матушка приняла ее и подошла к окну, чтобы как следует разглядеть портрет под лучами зависшего над горизонтом тусклого вечернего солнца.

– Что ж Фрязин-то ей не подсказал, что к нам негоже оголенной рисоваться, не принято у нас, – осудила первым делом строгая родительница наряд будущей невестки. – Хотя, может быть, мода там у них такая, а тебе она товар лицом решила представить... Красивая царевна, ничего не скажешь, и телом богата. Что ж, решайся, сынок. Скоро уж два года, как Маша твоя померла, можно и сватов готовить. Пока доберутся сваты, пока невеста соберется – уж и третий годок минет. Сколько ж можно одному? Я стара, мне пора в монастырь собираться, к отцу поближе, а тебе молодая советчица нужна. Никого нет ближе человеку, чем жена хорошая да дети любимые. Ванечка у тебя, конечно, прекрасный мальчик, но один сын – это один палец на руке. Не дай Бог, случись что, – и никого у тебя не останется.

Великий князь смотрел на мать и думал: знает она или нет о его отношениях с Феодосией? А может, рассказать ей все? Нет, нельзя. С каждым годом Мария Ярославна становилась все аскетичнее и суровее. Правда, к себе в первую очередь. Семь лет уже, как отец помер. Насколько Иоанн знал, ни на одного мужчину она с тех пор с интересом не глянула. А ведь вдовой осталась в сорок пять лет, далеко еще не старой. Да она и теперь еще вполне привлекательная женщина – подтянутая, моложавая. Повезло ему с матушкой. Умница, с советами сама не напрашивается, властью своей не злоупотребляет, хоть и могла бы! По завещанию мужа, великого князя Василия Васильевича, она стала одним из крупнейших землевладельцев в княжестве, отец наказал ему с братьями во всем ей покоряться. Она же пока в одном лишь свое влияние применяет – старается братцев его строптивых в послушании удерживать. Так что матушка может и не понять его чувств и его слабостей. Осудит. А то и хуже сделает – запретит Феодосии во дворце жить. А ему жаль было бы с ней сейчас расстаться. Конечно, если он надумает жениться, то придется все же что-то предпринимать. Да, о чем это матушка? О сыне, о Ванечке, о будущих детях, о женитьбе...

– Куда нам, родительница дорогая, торопиться? Сейчас, сама знаешь, важнее дела есть. Опять вон из Новгорода вести тревожные. Доносят мне, что заговор там зреет, хотят его жители к Литве отложиться. Несколько семей боярских мутят народ, все власти им не хватает... А может, присвоить нескольким тамошним заводилам звание бояр московских? Например, Дмитрию Борецкому, старшему сыну покойного посадника? – высказал он давно зреющую у него мысль. – Может, это их самолюбие спесивое насытит, – ведь это все же высшая честь на Руси? Может, и себя ощутят участниками одного дела общего – единения да усиления государственного?

– Тебе виднее, сынок, как поступить, ты уже не маленький. Посоветуйся с боярами, с Патрикеевыми, с Ряполовским. Они про литовские интриги лучше знают. Я в делах новгородских плохо разбираюсь.

Мария Ярославна вернулась к столу, положила портрет перед Иоанном:

– Убери подальше, сынок, да больше, пожалуй, до поры никому не показывай. Негоже голыми плечами будущей своей жены, великой княгини, чужим людям светить. А что до Новгорода, я так думаю: худой мир всегда лучше доброй ссоры. Пошли туда послов, бояр доверенных, пусть поговорят с народом, с посадниками новгородскими, может, и уладится... Пока ведь ничего серьезного – слухи одни да брожение народное. Это порой бывает, когда у людей нет другого дела важного. Сколько уж лет у них тишь да гладь – ни войн, ни голода, ни мора. Торгуют, дань с северян берут да жиреют – вот и заскучили...

Раздался негромкий стук в дверь, она отворилась, и на пороге явился митрополит Филипп. Это был невысокий старец с добрейшим, хоть и не лишенным суровости лицом, с непокрытой головой, с седыми редкими волосами до плеч и такой же длины полупрозрачной белой бородой. Он был одет в будничную монашескую длиннополую ризу из тяжёлой льняной ткани, подпоясанную потёртым кожаным поясом. Одной рукой он опирался на высокий посох, в другой держал свой клобук. Скромный темный наряд его украшал серебряный крест с распятием тонкой изящной работы.

Лишь два человека, пожалуй, во всем государстве имели право заходить к великому князю без приглашения и доклада – матушка да митрополит. На сей раз они случайно сошлись вместе и, увидев это, новый гость спросил:

– Не помешал вашей беседе, дети мои?

– Нет, владыка, конечно, нет, – поднялся из-за стола великий князь за благословением. Но первой подошла Мария Ярославна, и лишь после неё митрополит перекрестил Иоанна.

– Наслышан я о вашей новости, наслышан уже, у меня ведь здесь свои доносчики имеются, – шутил владыка, находясь, видимо, в добром расположении духа. – Да только я не за новостью к тебе пришел, у меня свое дело, сокровенное, давно собираюсь обговорить его...

Иоанн Васильевич предложил гостям присесть рядом со столом, но матушка заспешила:

– Хватит уж мне время занимать.

– Да нет, ты присядь, княгинюшка, – попросил митрополит. – Может, и ты чем поможешь, что присоветуешь. А дело-то у меня такое, что каждым русичем, да каждым нашим гостем, как бельмо на глазу, примечается. Храм-то наш Успения Богородицы совсем обветшал. Ну, где это видано, главный кафедральный собор в центре обширного княжества чуть ли не бревнами подпирать надо, чтобы не завалился? Или мы нищие совсем? Иль, может, нам снова митрополию во Владимир переносить, где хоть главного храма можно не стыдиться?

Владыка заговорил о том, что его в последнее время волновало беспрестанно. Потому он как-то быстро распалился, и его добрая улыбка сменилась горестной складкой между бровями, отчего все лицо его настолько переменялось и погрузнело, что великому князю стало жаль его, как ребенка.

– Кто же против? Ты, отец мой, присоветуй, как быть, чем помочь тебе, разве я откажу?

– Да ты бы сам должен давно за этот собор приняться! Ведь нынешний-то сколько лет стоит? Еще великий князь Иван Калита его строил – полтора века назад. Ты же, судя по всему, хочешь сильным властителем сделаться, не в пример отцу твоему, обиженному судьбой и братьями. Храм престольный – это лицо государства и государя его. А коль лицо твое все перекошенное стоит, – ну какое может быть к тебе почтение?

– Усовестил, владыка, совсем усостыл. Только сам знаешь, весь прошедший год с казанскими басурманами окаянными дрались, то одна стычка, то другая. Лишь в нынешнем сентябре Казань сдалась на полную нашу волю. А надолго ли – не ведаю. У этих поганых известно, чего клятвы стоят. Сегодня Аллахом клянутся хранить мир вечный, а завтра снова грабить

идут. До строительства ли мне было? Один Господь знает, сколько этот год война стоила... Перед тем Махмут-царь со всей ордой своей на нас двинулся, сколько переполоху наделал, месяц полки собирали! Хорошо, он с Ази-Гиреем Крымским по пути сшибся, нас Бог миловал. Ныне же молю Господа, чтобы удалось перезимовать благополучно, чтобы голод нас не одолел, сам, небось, помнишь – снег в мае три дня лежал в Москве, а 2 июня, когда все уже посажено было, мороз ударил. Все это – затраты непредвиденные.

– А я тебе так скажу: на Божье дело станешь жалеть – больше потеряешь. Если бы наши предки перед началом каждого строительства рассуждали о нужде да о трудностях, до сих пор на Руси ни одного бы храма приличного не было. Ты начни только, все Бог пошлет – и удачу, и деньги. Вон матушку твою Марию Ярославну в пример тебе поставлю. Нигде не ходила, не кланялась, не просила. На свои деньги церковь Вознесения как перестроила?! Любо-дорого посмотреть – стоит, как невеста нарядная, сердце радует. И мастера завидного Ермолина отыскала, и каменщиков умелых...

– Отец мой, не хвали ты меня так уж, – молвила, наконец, и Мария Ярославна, – сыновья ведь тоже мне помогали, в государевых мастерских камни-то точили да кирпичи обжигали! Да и остальное все – как бы я без них?

– Да знаю я, конечно, княгинюшка, знаю, что горячусь, но душа-то болит. Словом, наворчал я на вас, а теперь решение свое скажу. Хороший храм хороших средств стоит. Понимаю, что негоже все на одного государя сваливать. Да и мне одному такое дело не потянуть. Решил я объявить сбор денег на возведение первого и главнейшего храма московского по церквам и соборам, по всем монастырям русским. Хочу не только о себе память оставить. Хочу, чтобы каждый русич, который поднесет свою копейку на храм, знал потом, что и его доля труда есть в том творении Божьем и человеческом. И чем красивее и величественнее получится собор, тем больше будет гордость народная, а значит, и любовь к земле своей. Вот так я решил! – Владыка с наивным пафосом стукнул посохом об пол и, опираясь на него, начал подниматься.

– Не спеши, отец мой, и у меня к тебе тоже дело есть, – приостановил его Иоанн.

Увидев, что митрополит вновь опустил на стул, но все еще продолжает сидеть торжественно насупившись, великий князь решил поднять ему настроение:

– Позволь мне, владыка, первый взнос сделать на строительство храма, выделю из казны пятьсот рублей – два с половиной пуда серебра. Потом, по возможности, еще добавлю.

– Вот это дело! – подобрел владыка.

– А теперь скажи, отец мой, – перешел великий князь на шуточный тон, – какие это у тебя тут доноски в моих хоромах затаились? Кто тут мои тайны великие выдает?

– Так эту твою тайну пол-Москвы знает. Давно уж москвичи обсуждают, на ком их молодой красивый государь оженится. О греческой-то невесте давно слух прошел – бояре ж не немые. Ты с ними здесь посоветовался, они дома с женами поделились – вот тебе и весь секрет! А увидевши пышный фрязинский караван с провожатыми, по городу важно проплывший, только спящий мог не догадаться, что посол с результатом прибыл. И пошла новость гулять... А ко мне она с князем Ряполовским пожаловала. Я с ним в храме о новом соборе говорил, он тоже пообещал пожертвование сделать. Сказывал, невеста Фрязину понравилась – приятная, обходительная, нашу православную веру чтит, и преданность ей изъявляет. Похвально это, да только что-то сомнение меня тут гложет. Ведь воспитывалась и проживает она под крылом самого кардинала Виссариона! А знаешь ты, кто этот самый кардинал?

– Ну, в общем-то, конечно!

– Вот то-то, что «в общем». Ты, конечно, слышал о восьмом вселенском соборе в Италии? Там, как ты знаешь, в основном один вопрос решался – об объединении католической и православной Церквей. Очень уж хотелось тогдашнему папе Евгению IV собрать все стадо христиан под своим башмаком. Но прежде ему надо было убедить весь свет в превосходстве догматов латинской веры над греческой. С этой целью папа организовал прения, диспуты меж

представителями этих Церквей. Так вот, от православных, кроме нашего Исидора-изменника, выдвинули еще двоих – преданного своей вере Марка Эфесского и вот этого самого, достаточно молодого еще тогда, Виссариона, архиепископа Никейского. Говорят, спорили они долго, но благодаря именно Виссариону, да нашему непутевому Исидору православные уступили, во всем согласились с католиками, и состоялось мнимое объединение Церквей. За такую услугу папа наградил обоих изменников кардинальскими шапками.

Владыка вновь разволновался от воспоминаний, поднялся со стула, прошелся по палате, но вскоре продолжил:

– Матушка твоя, небось, хорошо помнит эту историю!

– Как же не помнить, – тут же подтвердила Мария Ярославна. – И самого Исидора хорошо помню. Он за несколько лет наш язык-то так и не освоил, все слова русские с греческими путал.

– После этого собора, – вернулся к рассказу святитель, – папа римский назначил Исидорку митрополитом Киевским и всея Руси, а Виссариона Никейского тогда же оставил у себя кардиналом. Ну, с нашим-то вы знаете, что приключилось. Скажу только, что тут твой отец, государь мой, твердость проявил. Поглядев, что Исидор явился на службу в храм Богоматери с латинским крестом, который несли перед ним, послушав, как он в литургии поминает вместо Вселенских патриархов папу Евгения, как читает грамоту Флорентийского Собора, противоречащую нашему древнему учению, великий князь осерчал и приказал изменника заточить в Чудов монастырь под стражу. Конечно, изумлены все были исидоровой той службой, но родитель твой, государь, сразу понял злобредность его новшества. Ведь именно такие резкие перемены в законе сеют вообще недоверие к нему в народе. Через пару месяцев этот грек бежал к папе, и где он теперь – не знаю. А Виссарион – изменник, вишь, теперь процветает, исповедует латинство. Потому очень уж я сомневаюсь, чтобы его воспитанница сохранила верность православию...

– Так посол утверждает!

– А он такой же хитрый, как и сам Виссарион. Он тебе что хочешь скажет. Да придет время, во всем сами убедимся. Ну а если все же Софья католичкой себя объявит, я сразу предупреждаю – венчать тебя с ней не стану. Придется тебе искать другого пастыря. Государыня на Руси православной быть должна, дабы народ ее понимал и распрей религиозных на земле нашей не возникло. Мы и так со всех сторон иноверцами стеснены, одна у нас сила – в крепости веры и твердости соблюдения ее законов. Помни, что с Византией произошло после того как из Рима ее пастыри с латинством воротились. Народ от этих пастырей отвернулся, раздоры да смуты начались, оттого турки и поглотили их с такой легкостью.

Митрополит распрямился, повернулся в сторону входной двери:

– Пора мне, вечерня начинается. Хочу сам присутствовать. Что касается брака с деспиной Софьей, – я уже благословение свое дал. Надеюсь, на славу Руси такой союз послужит.

– Спасибо, владыка. Я сегодня у себя помолюсь...

– Да и мне пора, – засобиравшись матушка. – Пойду на службе постою, а потом гляну, чем внучек занимается.

За окном действительно быстро темнело – короткий предзимний день пролетал молниеносно. Оставшись один, Иоанн подошел к окну. Снег в начинающихся сумерках казался голубоватым. В стороне виднелись купола того самого Успенского собора, о котором только что убивался владыка. И он был прав. Крепость вся требовала перестройки, обновления. А стало быть, огромных средств. И они понемногу прибывали, накапливались. Расширялась территория Руси, стало быть, росли доходы от налогов; после нескольких неудачных попыток добиться получения дани или хотя бы богатых даров совсем почти отстала Большая Орда. Несколько лет уж дальше рязанских окраин татарские шайки не прорывались – их отбивали пограничные

рязанские же казаки из наемных сторожевых отрядов или специально посланные государевы дружины. Правда, появился новый опасный противник.

Около тридцати лет назад на развалинах разгромленной сначала руссами, а затем ордынцами Волжской Болгарии обосновался изгнанный из Золотой Орды хан Улу-Махмет со своими сыновьями и сторонниками. Собрал вокруг себя разного рода кочевников, остатки местных жителей и провозгласил себя казанским царем. С того времени не стало русскому княжеству покоя от постоянных татарских набегов и с востока. Но, слава Богу, минувшим летом, собравшись многими силами, русские войска разгромили казанцев. Сейчас главной занозой становились отношения с Великим Новгородом.

Иоанн быстро подошел к столу и позвонил колокольчиком. Тут же в комнату вошел молодой человек, безбородый и безусый, широкие плечи его были затянуты темно-синим кафтаном, расшитым цветными нитями, из-за его распахнутых бортов виднелась светлая, узорчатая рубаха, подпоясанная широким ремнем. На ногах даже в сумерках светились красные яркие сапоги. В них были заправлены тонкие темные порты. Это был Владимир Гусев, которого недавно великий князь сам лично взял к себе на службу. Во время осенней охоты под Александровом один ловчий Иоанна подвернул ногу, второй слег с жаром. И тогда брат Андрей Меньшой предложил ему в помощники сына своего боярина Елизара Гусева – Владимира. Юноша понимал все желания государя с одного взгляда, был умен и расторопен, соколы его слушались, как ручные попугаи. Да и видом своим был приятен: гладкие аккуратные волосы, стриженные «под горшок», чистый, опрятный. Особенно нравилось Иоанну лицо парня – честное, открытое. После охоты он пригласил Владимира к себе на службу, и тот с радостью согласился. Правда, матушка выразила неудовольствие, мол, не по чину. Но Иоанн Васильевич возразил, что берет молодца не в думу боярскую, а в дьяки, на побегушки. К тому же род Гусевых не из захудалых – из Добрынских, а его дядя Василий Образец – знатный воевода. Пока что Иоанн в новом дьяке не разочаровался.

– Владимир, не воротился еще посол из Новгорода?

– Так ведь только пять суток прошло, как отбыл, а туда три дня пути, да обратно, так что еще денек-другой подождать придется.

– Да-да, я заторопился. Надобно в Коломну отъехать. Там сейчас пушки для обороны немецкие мастера отливают, да порох испытывают. Хочу сам видеть все это. Впрочем, так решим: распорядись, чтоб все готовили к завтрашнему утру для отъезда в Коломну. Если никаких срочных вестей из Новгорода не будет – пусть посол здесь ждет. Я отъеду лишь дней на пять. Если что неотложное, пусть тоже в Коломну прибудет. А теперь прикажи печи подтопить – прохладно. И в мыльне вели воду подогреть. Больше сегодня никого не приму, дел никаких не назначаю.

Владимир, внимательно выслушав великого князя, поклонился и вышел в дверь, ведущую в сени – там дьяки по очереди и ночевали. Иоанн же, вспомнив про римские дары, привезенные Фрязиным, подошел к сундучку, открыл его. Там лежала книга в красивом кожаном переплете, большой серебряный латинский крест на серебряной же толстой цепи, два бронзовых хорошей работы подсвечника и серебряная чаша с изогнутой наподобие капризной змеи ручкой и литыми фигурками по основанию, которые в наступивших сумерках было трудно разглядеть.

Иоанн снова позвал Владимира и приказал отнести все в Казенный приказ. Каменные подвалы для хранения его казны располагались под храмом Рождества Богородицы, имелись хранилища и в Казенном приказе. В самих жилых помещениях как государевых, так и матушкиных, да и у большинства других бояр, ценные вещи, как правило, не сберегались. Все почти строения в городе были деревянными, и частые пожары могли в любой момент обратить их в пепел. Правда, появились уже и каменные дома. Например, хоромы из кирпича построил

себе возле крепостной стены богатый купец Никита Таракан, из кирпича же поставил около двадцати лет назад палаты на своем дворе предшественник митрополита Филиппа Иона. Специально для такого непривычного в Москве строительства он приглашал Псковских мастеров.

Кто же спорит – каменные хоромы и прочнее, и против пожаров устойчивее. Да ведь не случайно считается на Руси, что деревянные дома для человеческого здоровья гораздо целебнее. Что и говорить, мог бы Иоанн найти достаточно средств для каменного строительства и для приглашения любых иноземцев, только нужды в этом пока не видел. Вот подвалы – это да, они должны быть каменные, чтоб добро не горело, чтоб фундамент надежным был. А палаты любые на готовый фундамент русские мастера ставили за несколько дней. Да что жилье – церковь-красавицу из дерева, высокую да просторную, могли в три дня возвести, если требовалось!..

– Отдай дары казначею! – приказал Иоанн Гусеву. – Ужин принеси и оставь в столовой, я позже один поем.

Проводив слугу взглядом, Иоанн уже почти в темноте достал гребень, причесал волосы и направился в свою опочивальню с протопленной печью и огромной кроватью в центре комнаты под балдахином. Как и в кабинете, в этой палате также имелись три двери. Одна – из кабинета. Вторая выходила в маленькую личную молельню великого князя. Третью он отпер своим ключом, она вела в пустующий терем его покойной жены. Через него он прошел в матушкины хоромы, но вовсе не к ней. Мало того, он надеялся, что как раз сейчас, в самый разгар вечерней службы, Мария Ярославна находится в храме, а позже, как обычно, направится к внуку. Тем не менее, он выбрал дорогу хоть и более длинную, но безлюдную. Впрочем, Иоанн никого не боялся, но лишних разговоров не хотел. Он направлялся к Феодосии.

Глава II

Взгляд в прошлое

Большинство дворцовых зданий – терема самого великого князя, его покойной супруги, матушки и даже митрополичий двор были соединены между собой сложной системой различных переходов, лесенок, галерей таким образом, что можно было в любую погоду, не одеваясь и не выходя на улицу, свободно пройти из одних палат в другие. Мастера украшали их оконцами с цветными стеклами, витражами, изразцами, деревянной резьбой, и все таким образом, чтобы было достаточно светло, красиво, чтобы не задувал ни малейший ветерок. Посторонние здесь почти не ходили, ибо во все служебные и приемные палаты вели другие двери – прямо с улицы, внутренние же переходы предназначались в основном для семьи государя.

На улице уже стемнело, но благодаря луне и сияющему от ее лучей снегу путь был хорошо виден. Впрочем, Иоанн мог бы пройти его и в кромешной тьме, и с закрытыми глазами.

Ведь вел он к любви. К любви, которую великий князь узнал впервые в жизни лишь к тридцати годам.

...Его обручили еще ребенком, когда ему едва исполнилось девять лет. Брак этот был, как говорится, «нужным», точнее, вынужденным. Детская память не очень-то хорошо хранила все подробности событий, которые подтолкнули его отца, великого князя Василия Васильевича, к такой сделке. Но более поздние рассказы и воспоминания, конечно же, до мельчайших деталей восстановили все подробности тех непростых времен.

Толчок к новой великой смуте и великокняжеской междоусобице на Руси положила смерть великого князя Московского Василия Дмитриевича, сына знаменитого русского полководца Дмитрия Донского, деда Иоанна. Это произошло в 6933 году по местному летосчислению, которое велось, как считалось, от сотворения мира, или в 1425 году от Рождества Христова. По складывающейся к тому времени в Северо-Восточной Руси традиции престолонаследия – от отца к сыну, – преемником умершего великого князя стал его десятилетний сын Василий, будущий отец Иоанна.

Однако брат покойного, Юрий Дмитриевич Звенигородский, извлек завещание их отца Дмитрия Донского, в котором тот писал, что в случае кончины его преемника, старшего сына Василия, удел наследует следующий за ним сын. В этом пожелании не было ничего удивительного: именно так – от старшего брата к младшему, либо старшему в роду передавалась власть на Руси многие столетия. Что и говорить, подобный древний порядок престолонаследия, который назывался на Руси лествичным, породил много споров меж претендентами, а порой и междоусобных войн. Потому что каждый из братьев имел своих сыновей и после смерти младшего из дядьев все эти «старшие» начинали претендовать на престол... Первым, кто согласился нарушить эту традицию ради мира на Руси, был двоюродный брат Дмитрия Донского, герой Куликовской битвы Владимир Андреевич Храбрый, князь Старицкий. Именно он, как старший в роду, после смерти брата Дмитрия, имел право на великокняжеский престол. Но под нажимом обстоятельств, он признал верховенство над собой племянника, Василия Дмитриевича. Однако Юрий Звенигородский не желал учитывать это обстоятельство и уступать племяннику.

Московские бояре пытались урезонить князя, что, мол, когда ваш отец писал завещание, вы были совсем юными, ни у кого из вас детей еще не было. И писал так великий князь Дмитрий Иванович лишь для того, чтобы в случае смерти старшего сына Москва не досталась потомками князя Старицкого, а осталась за его собственными сыновьями. Но, ни доводы, ни уговоры не помогли.

В то время Северо-Восточная Русь состояла из нескольких удельных независимых княжеств: Тверского, Рязанского, Ростовского и нескольких других. Все они называли себя «великими», претендуя также на главнейшую роль среди прочих. В такой вот ситуации и завязался спор между дядей и племянником за владение Москвой.

Вместо того чтобы по традиции принести присягу новому великому князю, его дядя князь Юрий Дмитриевич начал собирать у себя в Звенигороде войска. И, в конце концов, захватил московский престол.

Москва в то время представляла собой крепость, обнесенную стеной, построенной из белого камня-известняка сто лет назад, в 1367 году, великим князем Дмитрием Донским. Ее территория, словно пчелиный улей, была заполнена многочисленными строениями и дворами. Тут стояли храмы и монастыри, дворы и терема великого князя, его братьев и родственников, знатных бояр и даже купцов. Тут же находились служебные помещения, приказы, хозяйственный двор, каретные и прочие государевы мастерские, подворья некоторых епархиальных владык и богатых загородных монастырей, а также многое другое. Вот эта-то тесно заселенная территория за обветшалыми уже, но всё ещё мощными стенами и называлась городом, детинцем, или крепостью. Некоторые греки также именовали ее на свой лад и кремлем, но до поры, до конца XV века, это слово в народе не приживалось.

Все ближайшие постройки за стенами Московской крепости именовались Посадам, который в свою очередь делился на жилые массивы, носившие каждый свое прозвище. Зарядье – отсюда в Москву приходило солнышко; Ваганьково – тут рядом с крепостью, перед Арбатом, стоял Потешный двор со скоморохами, музыкантами и прочими слугами, которые тешили, то есть ваганили государя и его семейство. В Кадашах делали кадушки, в Барашевской слободе жили государевы слуги из шатерной службы, бараши; в Садовниках цвели и плодоносили государевы сады. За рекой Москвой, в Замоскворечье, раскинулись несколько сел – Киевец, Семчинское и другие. На севере, за Неглинкой, также имелись десятки сел и слобод – каждое со своим именем и своей историей.

Сам город располагался на возвышенности, Боровицком холме, и представлял собой по форме огромный неправильный треугольник. Стены и башни крепости с двух сторон омывали реки – широкая полноводная Москва и маленькая Неглинка. С третьей стороны прямо за стенами начиналась Троицкая площадь, получившая свое прозвание по стоящему на ней Троицкому храму. Нередко именовали ее и Торговой, ибо вся она была заполнена торговыми рядами и лавками. Крепость имела несколько прочных железных ворот, встроенных в башни Никольскую, Фроловскую, Тимофеевскую, Боровицкую и Троицкую. Город был хорошо укреплен, и взять его можно было лишь хитростью или изменой. Именно первым способом, обманом, захватили Москву ордынцы при Дмитрии Донском.

В той княжеской междоусобице меж дядей и племянником московские бояре колебались, поддерживая то одну, то другую сторону, ибо всегда находятся люди, недовольные существующей властью. Однако в результате они все же дружно встали за Василия Дмитриевича – сына своего покойного правителя. Ибо вступив в их город, дядя привел за собой близких ему звенигородских удельных бояр, оттеснив местных. Да и жаден был сверх всякой меры, хапал вместе со своей родней и приближенными все, что под руку попадет. Это вызывало недовольство и перемену настроения местных жителей. Побросав свои дома и хозяйство, они толпами повалили в Коломну, куда был сослан их законный государь. Самозванный великий князь Юрий Дмитриевич был вынужден оставить Москву. Его племянник вернулся к своему великокняжескому престолу. Но вражда претендентов на московский престол на этом не завершилась, междоусобица затянулась ещё на десяток лет.

После смерти князя Юрия Звенигородского оппозицию возглавил его сын Дмитрий по прозвищу Шемяка. В 1446 году великий князь Московский Василий по обычаю предков

поехал с сыновьями на богомолье в Троице-Сергиеву обитель. Изменники сообщили о том Шемяке и его стороннику – другому двоюродному брату Василия II князю Ивану Андреевичу Можайскому.

Поводом к этой очередной схватке послужило пленение великого князя московского Василия Васильевича в бою с казанскими татарами, которые отпустили его за обещание большого выкупа. Сторонники Шемяки называли лукавую цифру в двести тысяч рублей, что равнялось баснословной тысяче пудов серебра. Враги оправдывали своё беззаконие тем, что, мол, смещение Василия облегчит выкуп, поможет уменьшить это непосильное для страны бремя.

Ночью 12 февраля подкупленные Шемякой изменники-москвичи тайно открыли ворота крепости, и звенигородские князья со своим полком ворвались внутрь. Первым делом вломались в великокняжеский дворец, взяли в плен мать Василия Васильевича Софью Витовтовну и жену Марию Ярославну, арестовали верных ему бояр, как водится, захватили и казну великокняжескую. Тут же Иван Можайский с войском отправился к Троице-Сергиеву монастырю, куда вошел без препятствия, ибо ворота его были открыты для богомольцев к вечерней службе. Разобравшись в чем дело, охрана и верные Василию бояре, сопровождавшие его в путешествии, вступили в неравную борьбу. Поднялся шум, кричал перепуганный люд. Архиепископу Ионе, который исполнял обязанности митрополита всея Руси и находился здесь же, в монастыре, не сразу удалось остановить кровопролитие. Великий князь заперся в Троицком храме.

Пока шли переговоры, пока малодушный Василий Васильевич клялся из-за церковных дверей в том, что никогда не выйдет из монастыря, пострижется здесь, только бы не лишали его живота, упрекал в измене тех, кто давал ему клятву верности, архиепископ успел перемолвиться с настоятелем, тот что-то шепнул неприметному монаху. Последний подошел к боярину Ивану Ивановичу Ряполовскому, и они вдвоем, незаметно отделившись от толпы, прошли в митрополичьи палаты, где в тот момент находились дети великого князя – семилетний наследник Иван и его младший брат Юрий. Их моментально переодели в простые неброские одежды и повели столь же сложной системой переходов, как и в московских дворах, в одну из башен мощной оборонной стены монастыря.

И теперь еще Иоанн помнил, как спускались они вниз по тесной лестнице в какой-то подвал и потом шли вслед за монахом с зажженными свечами по уложенному камнем переходу. Его, Ивана, крепко держал за руку сам князь Иван Иванович Ряполовский – крепкий, здоровый и молодой еще тогда мужчина, брата вел, а порой и нес на руках его слуга. Они остановились, наконец, перед небольшой, неприметной дверью. Монах, что-то сдвинув, открыл ее, и они вошли в небольшой храм. С внутренней стороны дверь была прикрыта большой иконой, так что человек несведущий не мог бы и заподозрить за ней ничего необычного.

Они оказались в скромном монастырском подворье с несколькими деревянными кельями и хозяйственными постройками, с маленькой конюшней, из которой доносилось пофыркивание лошадей. Бывший в часовне инок и глазом не моргнул – поклонился неожиданным гостям. Князь тихим голосом отдал несколько распоряжений, и уже через несколько минут дети с Ряполовским сели в запряженный возок, которым правил все тот же сопровождавший их монах. Слуга скакал за ними верхом.

Детей отвезли в село Боярово, принадлежавшее князю, а затем в Муром – город, хорошо укрепленный и верный великому князю Московскому Василию Васильевичу. Вскоре сюда явились братья Ряполовского Семен и Дмитрий, многие другие верные сторонники свергнутого великого князя. В это время Шемяка учинил над пленником расправу: 16 февраля 1446 года он ослепил Василия Васильевича и отправил его в ссылку в Углич. Отныне отец Иоанна Васильевича получил в народе прозвище «Темный».

Граждане Московского княжества пришли в ужас от совершенного злодеяния, многие бояре московские бежали в Литву на службу к великому князю Литовскому Казимиру, другие

– в древний Муром, где собирались сторонники опального Василия Темного. Некоторые же из бояр сразу поехали в Углич, чтобы находиться рядом со своим несчастным слепым господином.

Естественно, Шемяка затребовал детей, ставших знаменем его противников, в Москву, но братья Рязполовские и не думали выдавать самозванцу свое сокровище. Лишь после того как в дело вмешался владыка Иона, а Шемяка поклялся не причинить детям зла и даже освободить их отца, они были отправлены к родителям в «западню», в Углич. Но Шемяка нарушил клятву, не освободил ни их, ни отца.

За время недолгого правления своей злобой, жадностью и несправедливостью новый властитель вызвал всеобщую нелюбовь народную. Не случайно выражение «Шемякин суд», как суд несправедливый, стало тогда на Руси нарицательным.

А Рязполовские продолжали собирать сторонников, чтобы свергнуть Дмитрия. К ним присоединялись все новые и новые московские бояре. Шемяка стал уже бояться и собственной тени во дворце. Все настойчивее требовали от него окружающие освободить пленника, особенно настойчив был владыка Иона, который упрекал Дмитрия в клятвopеступлении. Наконец Шемяка решился. Приехав со всем своим двором в Углич, он торжественно взял со слепца клятву, что тот никогда не будет его врагом, устроил щедрый пир в честь примирения со своим растроганным слепым братцем и дал ему в удел удаленный от центра северный город Вологду. Туда и отправился отставной великий князь со всем своим семейством, искренне настроенный по своей свершившейся убогости и малодушию сдержать слово.

Но совершенно по-иному оказались настроены московские князья и бояре, да и простые москвичи, не желавшие подчиняться жадному удельному князю. Многие из них, вновь побросав свои дома и семьи, потянулись на север, служить верой и правдой истинному своему государю.

Почти сразу же по прибытии в ссылку набожный Василий отправился со всем своим окружением в ближайший Белозерский Кириллов монастырь на богомолье. Оказалось, что и монахам, удаленным от суетной мирской жизни, далеко не безразлично, кто правит государством, какие нравы царят в миру. Зная уже все детали происшедшего, игумен Кирилловский Трифон полностью рассеял сомнения слепца в отношении того, имеет ли он право нарушить клятву и бороться за возвращение Московского княжения. Игумен объявил, что клятва, данная Василием в Угличе в неволе и под действием страха, не может считаться законной. «Да будет грех клятвopеступления на мне и на моей братии! – заявил он. – Иди с Богом и правдою на свою отчину, а мы за тебя, государя, молим Бога».

Получив благословение игумена Трифона, и успокоив свою совесть, Василий с семейством и с большим количеством бояр и народа из разных городов прямо из Кириллова монастыря двинулся к Твери. Вот тут-то и произошло обручение семилетнего Ивана с дочкой тверского великого князя Бориса Александровича, ибо тот согласился помогать Василию Темному в борьбе против Шемяки лишь на таком условии. Союз этот казался ему надежной гарантией будущего мира с Москвой.

Естественно, никто ни о какой любви у него, семилетнего ребенка, не спрашивал. Однако с этого момента именно Тверь стала оплотом для сторонников свергнутого Василия Темного. Сюда начали съезжаться все недовольные правлением самозванца. А их число постоянно возрастало. Государственная казна, доставшаяся новому правителю с его бедным, но жадным до денег и развлечений семейством, быстро таяла. Стремительно возрастали поборы и налоги, расцвело взяточничество. Начали выпускать серебряные монеты пониженного веса, но и это не помогло – страна на глазах нищала, пустели деревни. Не прошло и месяца со времени освобождения Василия Темного, как Шемяка с остатками казны бежал в Великий Новгород. Спустя еще год его отравили...

В десятилетнем возрасте Иван, во избежание повторения смуты, был официально назван великим князем и соправителем отца, а взрослея, все активнее принимал участие в государственных делах.

В двенадцать лет его обвенчали в церкви Спаса-на-Бору. Таким венчанием – не в главном соборном храме, а, вопреки правилам, в маленькой старинной церквушке на задворках великокняжеских теремов, в присутствии лишь самых близких людей, – как бы подчеркивалась вынужденность такого брака, его незначительность. Да Маша и не претендовала на какую-то важную роль в жизни мужа, в его княжестве. Была тихой, неприметной, болезненной. Часто плакала и, кажется, скучала по дому. Порой досаждала ему своей холодностью и равнодушием. Изредка, движимый природой, он посещал ее опочивальню и даже оставался ночевать. Она покорно сжималась вся и позволяла делать с собой все, что ему требовалось, не доставляя при этом никакой душевной радости. «Тебе бы в монашки отправиться!» – говорил он ей несколько раз в сердцах, чувствуя, зная, что все тут должно быть по-иному, более радостно и счастливо. Иоанн понимал, что в их нерадостной близости есть и его вина, но не мог ничего изменить. Не привлекало его ни Машино постное лицо, ни ее жесткие, вечно сжатые губы. Лишь родив в восемнадцать лет сына Ванечку, она немного оживилась, пополнела, расцвела, и было, было несколько минут в их жизни, которые делали его счастливым. Это были лишь короткие вспышки взаимного влечения, но они быстро, слишком быстро заканчивались...

Может, так бы это и тянулось, если бы не появилась в их теремах юная Феодосия. Собственно, появилась она во дворце совсем маленькой, шестилетней девочкой. Перед смертью ее отец, великий князь Рязанский, завещал передать своих малолетних детей – восьмилетнего сына Василия и Феодосию на воспитание великому князю Московскому. Трудно сказать, почему он решил поступить именно так. То ли побоялся, что сирот могут уморить нерадивые слуги, то ли полагал, что великий князь Московский рано или поздно все равно присоединит его удел к своему владению, а скорее всего, боялся, что без него никто, кроме Москвы, не сможет оборонить Рязанскую землю от татар и литовцев. Словом, решился он на шаг отчаянный – отдаться на полную волю сильному князю и таким образом устроить судьбу детей и своего отечества. Да и кому ещё он мог довериться? Ведь великий князь Московский был его двоюродным братом по матери Софье, дочери великого князя Дмитрия Донского. И он, в общем-то, не просчитался.

Василий Темный послал в Рязань своих наместников, которые сохранили и приумножили местную казну. Сын и дочка его в любви и заботе воспитывались вместе с младшими великокняжескими детьми.

Иоанн очень хорошо помнил, как появилась она во дворце. Ему шел восемнадцатый год, еще был жив отец, Иоанн тогда еще размещался в общем тереме со своей женой Марией Борисовной. Пришел посыльный и сказал, что великая княгиня Мария Ярославна приглашает их познакомиться с великим князем Рязанским и его сестрой, которых привезли к ним на воспитание. Иоанн не стал звать жену с собой, пошел один.

В просторной светлой палате, где матушка с сестрой Анной и служанками занималась рукоделием, находились и эти двое детей. Серьезный восьмилетний Василий, молча, встал со стула и поклонился в ответ на приветствие Иоанна. Шестилетняя Феодосия сидела на руках у Марии Ярославны, которая гладила ее длинные, заплетенные в косичку льняные волосы. Увидев молодого великого князя, который подошел познакомиться, она засмушалась и спрятала свое розовое личико на груди у великой княгини. Но любопытство пересилило ее стеснительность, и она лукаво взглянула на него снизу вверх своими огромными синими глазами. Такими чистыми и ясными, что этот взгляд навсегда запал в его душу.

– Ты посмотри, сынок, какая девочка чудесная, – развернула Мария Ярославна малышку лицом к Ивану, но та увернулась и снова спрятала лицо в ее платье.

– А ты не бойся, дочка, – сказала ей на ушко великая княгиня. – Будешь любить да слушаться великого князя – он никому тебя в обиду не даст. Он будет тебе как брат, как твой Васенька.

Девочка снова глянула на него своим удивительным взором, от которого становилось хорошо на душе, хотелось быть добрым и великодушным.

– Как зовут тебя, княжна? – спросил Иоанн, погладив ее трогательную ручонку.

– Феодосия, – тихо, но четко ответила она.

– А откуда ты к нам прибыла, такая хорошенькая?

– Из Рязани. – И, уже расхрабрившись, добавила: – А я не одна, я с няней, с кормилицей, с братиком и с другими...

Феодосию поселили на втором этаже матушкиных хором вместе с великой княжной Анной. Так и росли девочки вместе – дружили, делились секретами, учились у одних учителей грамоте, математике, рукоделию, смеялись, читали Домострой, плакали над Житиями святых. Княжна выросла на глазах у Иоанна, ставшего со временем государем, и каждый раз робела при его появлении. А он при виде ее постоянно испытывал необъяснимую радость. Поначалу, немного привыкнув к нему, она позволяла брать себя на руки, гладить по голове и тоже вся светилась счастьем при его прикосновениях. Ни он, ни она поначалу не подозревали в своих отношениях чего-либо запретного. Он – потому что видел в ней лишь милую сестру, она – потому что была ребенком и, любя его всей душой, считала это отношение к нему естественным, ведь любить его приказала сама Мария Ярославна.

Впервые он понял, что все не так просто, когда ей шел уже пятнадцатый год. Ему было двадцать пять, и два из них после смерти отца, Василия Темного, он был уже единственным и полновластным правителем обширного Московского княжества. Последние годы слепой отец почти не вмешивался в государственные дела, и Иоанн Васильевич многие серьезные решения принимал самостоятельно. Ближние бояре дивились его зрелому уму, взвешенности его выводов и поступков. У него рос шестилетний сын, тоже Иоанн, для отличия от отца прозванный Иваном Молодым. И была жена Маша. Но он страдал от одиночества. Избыток сил и молодой энергии гнал его порой к жене и вынуждал исполнять супружеский долг, но это происходило все реже и реже. И тогда стремился он истратить неизбежную свою силу то на соколиной охоте, то в военных походах, в поездках с сыном на молебны, в Коломну – южный форпост Москвы, где ковалось оружие, делался порох и готовились полки в походы, а потому нужны были хорошие дома, кухни, склады, мастерские. Он с головой окунулся в государственные дела, сам принимал важные решения, судил, следил за сбором налогов, за переселением людей на новые земли и многим другим. Он водил войска в походы, хорошо владел любым оружием, чувствовал себя почти всесильным человеком, когда...

...Когда как-то при встрече с Феодосией в длинном дворцовом переходе, он по давней привычке взрослого опекуна над ребенком взял ее за руки и, встретившись взглядом, ощутил, будто молния пронзила все его тело, и кровь вскипела, да так, что потемнело в глазах. Он не мог знать, что почувствовала в этот момент Феодосия, но она отняла свои руки и, смутившись, опустила ясные глаза. Конечно, юная девушка уже осознавала, что чувство ее к великому князю есть не что иное, как любовь. Ведь в то же самое время ее наперсница княжна Анна, влюбленная в брата Феодосии великого князя Рязанского, подолгу изливала ей свои тайные чувства. Они оказались ответными, Василий тоже увлекся московской княжной, они открылись друг другу и решали, что делать дальше. Но у них все складывалось просто и ясно, они могли меч-

тать о будущем. То же, что ощущала Феодосия к женатому государю, было мучительной тайной, которую она стыдилась открыть даже своей подруге. И вот – эта встреча...

Они стояли друг подле друга, не в силах совладать с собой, не решаясь вымолвить словечка. Он, взрослый, сильный и всемогущий, ощутил себя беспомощным мальчишкой, пойманым взрослыми на месте озорства... Но она подняла свои ясные синие глаза, и он, увидев их, вновь, как прежде, ощутил радость. Иоанн снова взял ее руку, она не отнимала, и он принялся целовать ее ладошку, испытывая головокружительное блаженство и желание. Но она, собравшись с силами, прошептала: «Это же грех, Господи, грех-то какой», – и, отняв свою руку, развернулась и быстро пошла, почти побежала по переходу назад – во внутренний двор, к храму Спаса-на-Бору, к саду. Он двинулся, было, следом, но потом, передумав, вернулся к себе в кабинет и, сев в кресло, глубоко задумался, обхватив голову руками.

А потом... Потом он искал случайных и неслучайных встреч с ней. Она же, желая их всей душой, помня о каждом его прикосновении, о каждом взгляде, слове, живя этой памятью, – все-таки избегала его. Она пряталась, предчувствуя в их отношениях возможность чего-то запретного, постыдного и прекрасного одновременно. Она понимала, чего боится и в то же время хочет сильнее всего на свете. Она хотела каждую минуту быть рядом с любимым, мечтала о его ласках и поцелуях, о его глазах, от взгляда которых ее пронизывало блаженство. Но ее постоянно терзала и останавливала мысль о последствиях ее греховного влечения.

Между всеми этими сладостными страданиями жизнь продолжалась, и вскоре княжна Анна открылась матери в своем чувстве к рязанскому Василию. Та поговорила с Иоанном Васильевичем, и молодых вскоре обручили. Этот брак был очень даже кстати, он позволил великому князю Московскому исполнить свой долг, вернуть Василию Рязанскому его отчину, не теряя над ней контроля. А для жениха с невестой настал период бесконечного счастья. Теперь они могли открыто появляться рядом, ездили вместе с матушкой на молебен в Троице-Сергиев монастырь.

Вскоре шестнадцатилетний рязанский властитель отправился в свою отчину на великое княжение. А спустя пару месяцев в Москве, а затем и в Рязани отпраздновали его свадьбу с юной московской княжной. Василий увез Анну к себе в Рязань, и Феодосия осталась одна в своей светелке. Вернуться к себе в Рязань вместе с братом и золовкой она не захотела, сославшись на любовь к Марии Ярославне, заменившей ей мать, и на привыкание к Москве.

Тем временем, выдав замуж дочь, Мария Ярославна начала беспокоиться и о судьбе воспитанницы. Намекнула сыну-государю, что, мол, пора ей жениха присмотреть. Иоанн воспринял ее инициативу неожиданно холодно, а сама рязанская княжна быстро и без колебаний ответила, что замуж пока не хочет и не собирается. После этого Мария Ярославна свои хлопоты отложила. Тем более что девушка была еще совсем молода, и расставаться с ней вдовая великая княгиня не торопилась. С удовольствием брала она воспитанницу с собой в поездки в свою отчину, доставшуюся ей по завещанию мужа, – в Ростов Великий. Во время таких отлучек дворец для великого князя превращался в пустыню, и он старался найти себе тысячу дел вне его стен, также выезжая то в одну, то в другую сторону.

Так прошли два года после замужества сестры Анны. Феодосии исполнилось шестнадцать, и матушка решила устроить в связи с этим небольшое торжество у себя в хоромы. Иоанн Васильевич тоже пришел поздравить княжну, подарил ей жемчужные бусы и на этот раз, как никогда, был поражен ее красотой.

Матушка впервые нарядила девушку столь богато. На ней было светлое, расшитое золотыми и серебряными нитями платье, тоненькая талия была затянута широким золоченым поясом, светлая головка украшена изящным волосником из золотистой сеточки с небольшой диадемой впереди, на которой горели яркие сапфиры, обрамленные речным жемчугом. На плечи ее был накинут широкий голубой опашень, также расшитый по краям яркими сверкающими

нитями и камнями. Глаза княжны сияли, я вся она была такой хрупкой и прекрасной, что неудержимо хотелось взять ее на руки, прижать к себе, завладеть ею единолично. Но кругом были люди, и он, пересилив себя, сумел быть строгим и сдержанным, поздравил ее и удалился. А потом весь вечер не находил себе места, потому что все его мысли и желания были сосредоточены на одном: он хотел видеть Феодосию, хотел быть с нею.

Наконец, после ужина, когда уже начинало темнеть, и слуги, закрыв все наружные двери, разошлись по своим домам и комнатам, он не выдержал и, словно подгоняемый кем-то, направился по внутренней галерее в сторону матушкиных хором. Он хотел подойти к опочивальне Феодосии и хотя бы постоять рядом. Конечно, он опасался встретить кого-либо из слуг или саму Марию Ярославну и придумывал, как он тогда будет оправдываться. А если постучать и войти к ней? Но девушка может оказаться у себя не одна, к примеру, заниматься при свечах каким-то рукоделием со служанкой... И если кто-то увидит его там – это будет нехорошим знаком, поводом для пересудов. Но он надеялся что-то придумать, оправдаться. Подчинившись непреодолимому влечению, Иоанн вышел из кабинета и решительно двинулся к цели. Но вновь засомневался, замедлил шаги и почти остановился у открытой двери, которая вела из перехода в маленький внутренний двор с садом и беседкой.

Стояла золотистая осень, в сумраке щебетала какая-то птичка, было слышно, как шелестят листья на деревьях. Он сделал несколько шагов на улицу, в сторону беседки, увитой живыми цветами и зелеными ветками. И вдруг почувствовал, догадался, что там кто-то есть. Услышал, как застучало его собственное сердце. Оно предсказывало блаженство. Иоанн сделал шаг туда, внутрь. Она тоже сделала шаг ему навстречу, и они оказались в объятиях друг друга. Это было первое их свидание, первые настоящие поцелуи. Сначала они не могли говорить, они насыщались прикосновениями и ласками, по которым истосковались, о которых давно мечтали.

Наконец, оторвавшись от ее губ, он спросил:

– Ты давно здесь?

– Да, – прошептала она. – Как гости разошлись, я сказала Марии Ярославне, что устала, пойду к себе отдохнуть, но я не могла ничем заняться, я даже молиться не могла, потому что смотрела на Господа, а думала о тебе... И я пошла сюда... Надела это платье с пуговицами...

– Да-да, пуговицы... – Он нащупал у нее под горлышком пуговицу и расстегнул ее. – Так удобнее целовать тебя.

Она не сопротивлялась, подставляя под его губы свою теплую, нежную кожу. Он расстегнул еще одну и еще, и в его руке оказалась маленькая нежная грудь, под которой часто-часто билось сердце. Он поцеловал припухший сосочек и чуть не задохнулся от нахлынувшего желания, мелкая дрожь пробежала по его телу.

Она испытывала что-то подобное, не мешая ему, не останавливая, возможно, потому, что видела: он не позволяет себе ничего резкого и грубого, боится обидеть ее, относится к ней все еще как к ребенку. И это было так, Иоанн обуздал свои желания и наслаждался лишь хмелем прикосновений, не испытанной прежде нежностью и целомудренной страстью.

Они не замечали, как летело время, и он очнулся лишь, когда она прошептала:

– Мне надо идти, меня могут хватить.

С трудом оторвались они друг от друга и, ни о чем не договариваясь, разошлись в разные стороны.

Он дошел уже почти до своего кабинета, но понял, что не сможет уснуть, от пережитого только что волнения начинала болеть голова, разбуженная страсть продолжала волновать его. И тут он вспомнил о жене. После смерти отца Иоанн переселился в его терем, Маша заняла хоромы великой княгини. Матушка сама пожелала переселиться в другой свой же терем. По сложившейся традиции супруга не должна была сама являться в хоромы государя. А его редко влекло в ее опочивальню. Вот и теперь он уже почти целый месяц не был у Маши. Они виделись

у сына, в церкви, несколько раз она приходила к нему по домашним делам и даже упрекнула, что он совсем забыл о ней. Но он глядел на свою добрейшую, но преждевременно увядшую, уставшую неведомо от чего жену и у него не просыпалось ни малейшего желания прикоснуться к ней. А теперь... Теперь ему нужна была женщина.

Машины хоромы находились рядом с его палатами, лишь короткий переход разделял их опочивальни. Иоанн прошел через кабинет, заглянул в комнату слуги – тот, кажется, спал: слышалось его протяжное сопение. В своей спальне он вымыл из стоящего наготове серебряного кувшина лицо и руки, снял сапоги, порты, кафтан и прямо на рубаху надел длинный восточный халат. Вставив ноги в домашние туфли, двинулся по проторенной дорожке к своей благоверной.

Кровь все еще бурлила в его жилах, и он спешил. Отворил дверь, которую в последнее время запирали на ключ, чтобы ни Маша, ни ее слуги не тревожили его без надобности, и через короткий переход напрямик попал в ее хоромы.

Маша, одетая в ночную сорочку, стояла перед иконой. Она удивилась и обрадовалась ему одновременно. Не говоря ни слова, Иоанн задул свечи, взял ее за руку и подвел к ложу. Прямо на пол сбросил свой халат, потом на старой привычной постели испытал удовлетворение, которого не знал ни прежде, еще мальчишкой, ни позже, зрелым мужем, ни с теми девицами, которых пользовал несколько раз на охоте или, живя подолгу в своем дворце в Коломне.

В темноте ему мерещилось лицо Феодосии, ее кожа, губы, нежный голосок, и он, дойдя до апогея, до вершины страсти, издал стон, которого сам от себя не ожидал, не предполагал, не слышал... Он пришел в себя от того, что Маша своим тусклым, однотонным голосом выговаривала ему, что он сам себя доводит до одичания, что ему чаще надо бывать с ней, что она скучает одна. Он вскочил, нашел на полу свой халат, напялил его, как попало, и двинулся к себе. А там, уже не стесняясь и не скрываясь, перебудил слуг, заставил подогреть воду в мыльне, залез в огромный чан и с удовольствием поплескался в нем. Потом приказал принести медовухи, съел два пирога с лебедиными потрохами и, наконец, помолившись в своей личной молельне, благополучно заснул. И лишь в середине следующего дня узнал, что матушка отбыла с Феодосией к себе в Ростов. Только тут он вспомнил, что Мария Ярославна давно готовилась к этому путешествию, и Феодосия, зная об этом, приходила проститься с ним...

Невыносимо тосковал великий князь те два месяца, что не было ее, но дела заставляли забывать душевные томления. Этот год выдался на удивление несчастливым. В середине мая, когда крестьяне уже высадили зерновые и овощи, вдруг ударили холода, выпал снег и лежал два дня. Только растаял, только нагрелась земля и начали было снова сеять – снег повторился.

В довершение сих крестьянских бед в августе снова ударил мороз, разбив все надежды на хоть какой-то урожай. А потом, то ли от голодухи, то ли от какой завезенной заразы – железной язвы, а скорее и от того, и от другого вместе – начался мор, сначала в Великом Новгороде, потом и до Московского княжества добрался. Люди падали прямо на дорогах, на улицах, умирали на ходу. Порой и хоронить было некому. Цены на хлеб подскочили до невиданных высот. Пришлось открывать резервные амбары, продавать запасы, закупать хлеб в тех южных областях, которые мор и неурожай обошли стороной. Хлеб везли с южной Рязани, из Смоленского княжества и даже из Литовской окраины, или, как сами они называли, украины – с южнорусских земель. Саму крепость, правда, этот мор лишь едва затронул, – из семейства государя, из приближенных бояр никто не пострадал. Может, оттого, что были приняты меры – карантин да проверки, использовали ставшее тогда модным окуривание помещений смолой и травой какой-то вонючей.

Ко всем этим напастям прибавилась и еще одна: начали приходиться вести о набегах и грабежах казанских татар то в Ельце, то в Муроме, то по другим городам и селам. Посылал он

отбивать их служившего ему в Городце на Оке царевича Касима с сыном Даньяром и татарами, да воеводу Стригу-Оболенского. Но с малыми результатами – налетчики лихо скрывались с награбленным добром и захваченными русскими пленниками за казанскими стенами. Требовалась серьезная подготовка для большого сражения. Пока что Иоанн копил для такого похода силы, деньги и злобу народную, которая должна для настоящего успеха созреть как следует.

Наконец, Феодосия вернулась, и у них состоялось еще одно свидание в той же беседке, но радости оно им не принесло. Ибо княжна, отстранившись от него, сказала, что на исповеди она покаялась владыке Ростовскому Вассиану о своей любви к женатому человеку, и владыка, назвав это большим грехом, наложил на нее епитимью и думать запретил о такой греховной любви.

– Но что же мне делать, что? – шептала она в его объятиях: – Я не могу быть с тобой, и я не могу жить без тебя...

– Не согрешишь – не покаешься, – отговорился он известной фразой, но это, конечно, не утешило ее. – И потом – мы же не грешим! – Ведь нежность – это не грех!

Но Феодосия после того разговора начала избегать его. Напрасно он несколько вечеров прождал ее в беседке, напугав однажды до смерти слугу, который отправился искать его.

Жена его тем временем расхворалась, стала отекать, жаловалась на мучительные боли. Видеть ее стало тяжело. Как-то в сердцах он посетовал при своем дьяке-секретаре Алексее Полуектове, что нелегко жить с нелюбимой и постоянно больной женой, легче быть вдовцом, чем влачить столь жалкую семейную жизнь. На что дьяк многозначительно заметил, что такому горю можно легко помочь. Не вдаваясь в смысл этих слов, Иоанн промолчал в ответ, да и забыл о разговоре. А вскоре ему сообщили, что Маша совсем занемогла. Он для приличия навестил ее, да уехал по делам в Коломну. А вскоре туда пришла весть: Маша скончалась. Владыка и матушка прислали к нему гонца, спрашивали, приедет ли он на похороны, ждать ли его?

Смерть ее не стала для всех неожиданностью. И тем не менее... Несколько часов провел Иоанн в раздумье, прежде чем дать ответ. Гонец сообщил о странной смерти жены: за последнее время тело ее распухло до небывалых размеров, одеяла еле хватало, чтобы прикрыть его. Он сразу вспомнил разговор с дьяком, сомнения одолевали его, – не приложил ли руку к кончине его супруги покорный и исполнительный Полуектов, и не виноват ли таким образом и сам он в этой беде? Да, он не любил Машу и в глубине души хотел освободиться от нее, но не такой ценой.

Ехать на похороны – значит изображать при всех горе, притворяться, выдавливать из себя слезы. А их не было в душе. Да и повод остаться в стороне был веский.

Приехать срочно в Коломну, бросив больную супругу, его побудило не только желание бежать подальше от слез и стонов, но и известие, с которым прибыли гонцы от казачьих сторожевых отрядов. Они сообщили, что на Дон, на Русскую землю движется огромное войско хана Ахмата с полным снаряжением: с обозами и юртами, запасными конями и прочими припасами. Давно грозились ордынцы покарать Русь за то, что она перестала платить им дань, за самоволие, да не могли с силами собраться – все меж собой грызлись. И вот...

Надо было срочно созывать дружины и организовывать отпор. Он уже сделал распоряжения, передовые полки стояли в полной готовности, как прибыла новая весть: ордынцы схлестнулись в пути со своим заклятым врагом – крымским ханом Ази-Гиреем, с его войском. Дальше надо было ждать – чья возьмет. Могло обернуться по-всякому. Но, кажется, на этот раз Бог избавил Русскую землю от разорения.

Конечно, события теперь складывались таким образом, что он мог бы приехать проститься с покойницей-женой, на хороших лошадях от Коломны до Москвы – два дня пути. Да смалодушничал. Похоронили великую княгиню Марию Борисовну Тверскую без мужа, – теплым апрельским утром в церкви Вознесения, где лежали с давних пор все покойные великие княгини.

Когда Иоанн вернулся, ему доложили, что ходят слухи, будто жену его отравили, и подозревается в злодействе жена Полуектова Наталья, служившая великой княгине. Она-де послала пояса его и Марии к какой-то ворожее. Он, конечно, провел расследование. Наталья и не отрицалась, что носила пояса. Но и она, и ворожея подтвердили, что делали это по велению самой великой княгини ещё до обострения ее болезни. И обе в один голос утверждали, что совсем по другому поводу: Мария Борисовна хотела ворожкой вернуть любовь мужа, то есть его. Отпустив обеих и отдав их на суд владыки митрополита Филиппа и Божий, он пригласил к себе Полуектова, говорил с ним наедине. Тот заперся в своей вине, но столь неуверенно и неубедительно, что никаких сомнений великого князя не рассеял и совести его не очистил. Кончилось тем, что он прогнал Полуектова и его жену с глаз долой из дворца и из крепости, но не лишил ни данных ему земель с селами и деревнями, ни должности. А спустя лишь год и вообще вернул обратно к себе на службу.

Жизнь тем временем продолжалась. Весной 1468 года в Москву, поближе к родным стенам и к матери, приехала рожать своего первенца любимая сестра Иоанна, великая княгиня Рязанская Анна. Через некоторое время, 14 апреля, как и положено, помаявшись, она произвела на свет своему супругу, великому князю Рязанскому, наследника – Ивана. А когда сестра собралась возвращаться, Феодосия объявила, что поедет с ней. Объяснила это своей привязанностью к маленькому племяннику. На самом же деле княжна решила бежать подальше от соблазна, надеялась, что великий князь, если, в самом деле любит ее, то после окончания траура по умершей жене пришлет за ней сватов. Он же, обидевшись на Феодосию за ее бегство, почувствовал себя совершенно одиноким на свете. Но боль и тоска по несбывшейся, неудовлетворенной любви потихоньку заглушались большими делами, которые обрушивались каждый день как снег на голову, требовали от него полной отдачи.

Тем же летом 1468 года казанские татары напали на русскую крепость Кичменгу и сожгли ее. Пришлось послать туда воеводу Ивана Руно с дружиной мстить им. На помощь ему приказал отправиться Василию Губе из Галича, Ивану Звенцу из Устюга, другим своим воеводам. Татары в нескольких боях потерпели поражение, ибо, умея грабить чужие земли, не научились защищать свои. Русские войска захватили на Каме множество ордынских купеческих судов, двигавшихся к Казани с товарами, и возвратились домой. А воевода нижегородский Федор Хрипун-Ряполовский встретил на Волге знатного татарского князя Хозяма Бердея с отрядом телохранителей, разбил их наголову, а самого князя пленил и привез в Москву. Но идти на хорошо укрепленную Казань московские войска тогда еще не решились, отложив это дело на будущую весну.

Больше времени старался государь уделять своему десятилетнему сыну-наследнику Ивану. После смерти жены поселил он мальчика в своем тереме, отведя ему палаты на втором этаже. Чтоб на глазах был, под постоянным присмотром. Хотел воспитать из него достойного преемника. Объявил его своим соправителем и великим князем. Начал приучать к делам государственным, сажал рядом с собой на торжественных приемах, на заседаниях думы боярской. Сын вместе с отцом наблюдал за подготовкой к военным действиям, за сбором войск, учился военному искусству. Брал великий князь сына с собой на молебны в Троице-Сергиев монастырь и другие, почитаемые на Руси обители, в поездки по делам государственным, на охоту.

Хороший рос у него сын – умный, здоровый, не капризный, не болтливый. И лицом пригож, – на него походил, только чертами был нежнее, да взглядом мягче, задумчивее.

Нередко, особенно перед сном, в тишине и покое, вспоминал Иоанн юную Феодосию, вздыхал, сожалея, что уехала она, что бросила его. И, несмотря на обилие дел, тоска и одиночество начинали тяготить великого князя.

Вот в таком-то состоянии и застали его послы из Италии от кардинала Виссариона во главе с Юрием Греком, которые предложили ему взять в жены греческую царевну Софью из династии императоров Палеологов, более двухсот лет правивших Византией. Заманчивым показался ему этот брак. И все сошлось к тому, чтобы отправить в Рим свое посольство, заявить о себе в самом центре Европы, к царевне Софье присмотреться.

Отправив посольство в Рим, начал Иоанн подготовку к походу на Казань, которая давно уже, с самого своего возникновения, не давала руссам покоя своими набегами и грабежами, захватами в плен людей. Однако весенний поход 1469 года завершился безрезультатно. Объединенные русские войска пришли под самую Казань, пожгли и пограбили посады, но, узнав, что на них с большим войском идет казанский царь Ибрагим, заранее предупрежденный о нападении руссов, отступили. Несколько боев выдержали на Волге, с тем и вернулись восвояси.

Однако Иоанн и не думал отказаться от своих замыслов, чувствовал, что хватит теперь сил, чтобы одолеть врага. Не прошло и месяца – он начал готовить новый поход на Казань. Посовещался со своими воеводами, разработал план сбора и движения войск, привлек своих удельных братьев с их полками – князя Юрия Дмитровского и князя Андрея Большого Угличского. И конечно, всех крупнейших воевод русских, в том числе и московского воеводу князя Ивана Юрьевича Патрикеева и талантливого полководца Даниилу Холмского. Шла на восток рать пешая и конная, по Волге плыла рать на судах. Обступили Казань со всех сторон, осадили ее, разбили татар, пытавшихся дать отпор на вылазке, перекрыли воду, поступавшую в город, и царь казанский Ибрагим вынужден был запросить мира у великого князя Московского.

1 сентября 6978 года от сотворения мира, или 1469-го от Рождества Христова, был заключен важный мир с Казанью; побежденные выполнили все требования государя Московского, возвратили всех русских пленников, захваченных ими в течение десятков лет. Однако, оберегая старину и традиции, Иоанн не расправился с Казанью и её жителями так, как поступали нередко их предки, да и они сами с руссами и их городами, сжигая и уничтожая всё под корень, утверждая свое полное господство над покоренной землей. Он сдержал слово, оставил царя Ибрагима на своем царстве, довольствуясь его покорностью и клятвой не нападать более на русские земли.

Сам Иоанн в поход не ходил, предоставив возможность отличиться своим полководцам. Памятуя о судьбе плененного когда-то татарами отца, он не хотел лишиться раз без особой нужды рисковать своей жизнью и свободой. Решения принимал по докладам главного воеводы Патрикеева, которые доставляли ему гонцы. К тому же в его личной жизни произошло событие – для истории ничтожное, а для него, Иоанна, наиважнейшее. В конце лета в гости в Москву приехала сестра Анна из Рязани повидаться с матушкой, похвастать своим полуторагодовалым сыном Иваном. А вместе с ней явилась и Феодосия. Увидел ее Иоанн Васильевич, и побежденная, было, им страсть вспыхнула с новой силой.

Поселил он сестру с золовкой в хоромы своей покойной жены Марии, и оказалась Феодосия одна на целом втором этаже, в палатах, где в детстве проживал его сын. И вел к ней теперь, так же, как и в хоромы покойной жены, прямой короткий переход от его великокняжеских хором. Надо было лишь подняться по лестнице наверх. И упали они с Феодосией в объятия друг к другу, как переспевшие яблоки на матушку-землю. Одинокие, истосковавшиеся, любящие и свободные, они, без мыслей о грехе, без оглядки на возможные слухи, насыщались своей любовью, предаваясь ей долгими осенними ночами, полными ласки и страсти. Он упивался ею, как измученный жаждой человек – сначала жадно, вздохом, не разбирая вкуса и запаха, и лишь потом со вкусом, с удовольствием, не спеша, наслаждаясь всеми оттенками, всеми достоинствами долгожданного напитка.

Повзрослевшая Феодосия больше уже не исповедовалась в своем грехе владыке Московскому: дома, в Рязани, у нее появился свой духовник, и свое покаяние берегла она для него.

А пока замаливала грехи перед иконами, оправдываясь тем, что ее возлюбленный теперь был вдовцом, и она надеялась...

И вот теперь он вновь шел к ней – по желанию, по привычке, которая появилась за последний месяц, по любви.

Шел, хотя и помнил о портрете на деревянной доске, лежащем на его столе в кабинете...

Глава III

Рязанская княжна

В то время, когда Иоанн направлялся на встречу с возлюбленной, та стояла перед иконой Божией Матери и слезы потоком лились из ее глаз. Только что она вернулась от Анны, где беззаботно забавлялась с племянником, до тех пор, пока не пришла его проведать сама Мария Ярославна. Дочь ее уже несколько недель собиралась возвращаться в Рязань, но ее все что-то удерживало: то матушка не отпускала, то малыш приболел, то Феодосия уговаривала погостить еще, да и брат – великий князь был рад гостям.

Наконец назначили точную дату отъезда, и вдовая великая княгиня старалась навещать Анну почаще, чтобы насмотреться на нее и на внука перед очередным долгим расставанием. Вот и в этот раз, играя с Иванушкой, который только начал уверенно ходить и все норовил вырваться из рук, чтобы убежать, великая княгиня рассказывала об очередных дворцовых событиях. Конечно, не преминула сообщить, что вернулись послы из Италии, привезли хорошие вести, портрет будущей невесты, византийской царевны, и что государь, судя по всему, доволен и посольством, и невестой, и переговорами. Можно, не мешкая, посылать сватов.

– Новая жена появится – тесно тут станет, – рассуждала вдова. – Тогда, коли вновь в гости пожалуете, придется моим теремом довольствоваться либо в гостевом стоять. Хотя, как знать, может, государь пожелает для нее новые хоромы поставить!

Она говорила, не замечая, как меняется в лице Феодосия, какими неловкими и заторможенными становятся ее движения. Благо, дело происходило в декабре, когда дни так коротки, что заканчиваются, едва успеешь оглянуться. Конечно, в комнате горели свечи, но не столь яркие, чтобы страдание человека, написанное на его лице, сразу бросалось в глаза посторонним, тем более, что Мария Ярославна была занята внуком.

Феодосия изо всех сил старалась сдержать себя, чтобы не разрыдаться здесь же, в комнате. Да, она помнила о том, что почти год назад в Москву приезжали из Рима послы, которые будто бы предлагали Иоанну знатную невесту. Она спрашивала об этом возлюбленного, но тот шутил, что невест кругом много, впору смотрины объявлять, а ему-то и смотреть ни на кого, кроме нее, Феодосии, не хочется. «Мало ли какие послы с какими предложениями приезжают!» – уходил он от разговора и старался не возвращаться к нему. Но она не могла забыть о возможной сопернице и совсем недавно вновь пыталась его: правда ли, что он не собирается сватов посылать за царевной? Иоанн, чуть осерчав, ответил ей, что пока он ничего не знает про гречанку, а стало быть, и речи вести не о чем!

Княжне хотелось тогда же спросить государя, почему же он не желает сделать ее своей невестой, но она сдержалась, чтобы совсем не рассердить любимого. Тем более что в последнее время, ссылаясь на занятость, он стал появляться у нее реже.

Все это время Феодосия не раз думала о том, что, если бы были живы ее родители, они, наверное, позаботились бы о ней, о ее судьбе. А самой... впрочем, находились и для нее женихи. Братец не раз интересовался, не собирается ли она подумать о замужестве, ведь пора уже. Но она и представить себе не могла в роли мужа или возлюбленного никого другого, кроме великого князя Иоанна Васильевича. Убедилась в этом, пожив вдаль от него – в Рязани. Это была не жизнь, а какое-то нереальное существование, которое тянулось невероятно долго и непонятно зачем. И заполнить его смыслом не мог даже племянник, которого она, естественно, любила, и который стал для нее единственной отрадой во всем ее рязанском существовании. Княжна же подтолкнула Анну к мысли поехать погостить к матери, потому что была уже не в силах выносить разлуки, а ехать одной без видимой причины, без приглашения было неловко.

За год одиночества и тоски по возлюбленному Феодосия была уже душевно подготовлена к тому, чтобы без всяких условий и притворства кинуться к нему на шею, отдаться ему без

условий и без остатка. Конечно, все время одиночества она надеялась на то, что свободный теперь от брачных уз государь пожелает жениться на ней. Первый год она оправдывала его молчание трауром по умершей жене. Но когда пошел второй год, а сватов все не было, ее начали мучить сомнения: а что если забыл, если разлюбил, если не нужна стала? Тогда-то и созрела решимость вернуть его чувство к себе любым путем, отдать ему все самое дорогое, невинность свою, чистоту, жизнь, а там – будь что будет. Хоть толику счастья испытать – а потом жить воспоминаниями, и то хорошо. Потом – хоть в монастырь, хоть замуж за нелюбимого, можно и нянькой остаться при племяннике.

Словом, за время разлуки всякого передумала. А приехала в Москву, почувствовала ответную любовь, – вновь самые радужные мечты возродились. Ну чем она ему в качестве жены не хороша? Молодая, нравится ему – это видно, происхождение – трудно на Руси княжну более высокого рода сыскать. Ведь московские великие князья исстари на русских княжнах женились, лишь изредка – на литовских. Первая-то жена Иоанна Васильевича кто была? Дочь великого князя Тверского. А его матушка Мария Ярославна? Дочь князя Боровско-Серпуховского. Чем же дочь Рязанского великого князя хуже их по роду своему?

Эти мысли то и дело приходили ей на ум, лишали покоя. Феодосия собиралась поговорить об этом с возлюбленным, но он приходил – и она, не решаясь, вновь откладывала это на следующий раз. Княжна все ждала, что он сам предложит ей стать великой княгиней, государыней Московской. Она даже согласилась объявить о дате отъезда, надеясь этим поторопить своего друга к решительному разговору, как вдруг объявилась эта заморская невеста. Не какая-то там мифическая, нереальная, а самая настоящая, с именем, с титулом, с парсуной и переговорами о сватовстве.

От этой мысли у Феодосии перехватывало дыхание, и рыдания подступали к горлу. И хотя Мария Ярославна давно уже переключилась на иную тему разговора, а потом и вовсе засобиралась к себе – Ванечку пора было укладывать на ночь, – Феодосия так и не могла вымолвить ни звука, ибо лишь сомкнутые губы сдерживали ее рвущееся наружу рыдание. Даже проститься с названной матушкой она не смогла, как подобает: словно деревянная, пригнулась в талии, боясь склониться ниже, чтобы не захлебнуться слезами и болью. А потом, молча, поцеловала на ночь племянника и Анну, которая, кажется, поняла, что с золовкой творится неладное, и кинулась в свою комнату. Здесь бросилась на кровать и, уткнувшись в подушку, чтобы не было слышно, дала волю своему бесконечному горю.

Рушился мир вокруг, рушились планы, мечты, которые в последнее время становились в ее воображении все реальнее, все правдоподобнее, казалось – еще момент, еще слово, жест – и все прояснится, все станет на свои места, она сделается счастливой на всю жизнь. Будет появляться на людях рядом с Иоанном – своим мужем, родит ему сыночка – такого, как Иванушка, да и не одного. Они будут постоянно вместе, рядом, будут любить друг друга, как эти месяцы после ее приезда из Рязани.

Она любила его с тех самых пор, как осознала свое существование на этом свете. Феодосия давно забыла и мать, и отца, в памяти ее сохранился лишь смутный рассказ няни о том, куда они едут: в богатую и прекрасную Москву, к добрым людям, к великому государю и его наследнику – молодому и красивому. Уже в пути в ее детском воображении этот наследник представлялся каким-то сказочным принцем, который будет любить и оберегать ее. При встрече он не разочаровал девочку, покорив раз и навсегда.

Ее любовь росла и зрела вместе с ней, и когда он впервые поцеловал ее по-взрослому, как женщину, там, в беседке, она уже готова была принадлежать ему. Но духовник предупредил ее о грехе любить женатого человека, это заставило Феодосию задуматься о будущем, уже не по-детски, а по-взрослому. Оказалось, что они не могут быть вместе. Тем не менее, когда Иоанн овдовел, когда появилась реальная надежда на их брак, она бежала от него в Рязань. Но бежала

как раз именно потому, что надеялась и даже была почти уверена, что после траура великий князь пришлет за ней сватов, позовет ее. Однако...

Когда заглушаемые изо всех сил рыдания истошили ее силы, княжна обратилась к Божией Матери. Сначала она жаловалась ей, плакалась о своем горе, а потом начала спрашивать, отчего же Она, Дева Святая, не вступится за нее, сироту, почему не поможет ей свою жизнь устроить? Но лик Богоматери грустно, словно сочувствуя, смотрел на нее и молчал. Тогда Феодосия вновь принималась плакать, – в этом состоянии и застал ее долгожданный гость.

Княжна отучила служанок приходить к ней по вечерам, и потому, как правило, в позднее время на втором этаже терема, где она жила, было пустынно, посторонние сюда не поднимались. Хотя государь давно уже никого и ничего не боялся, он все-таки не желал лишних разговоров о себе и своей возлюбленной. Они знали, что об их отношениях догадывается сестра Анна, возможно, что-то знает и Мария Ярославна, но пока все делали вид, что ничего не знают. Это устраивало всех, и возлюбленные продолжали соблюдать осторожность.

Он, как обычно, стукнул пару раз в тяжелую дубовую, изукрашенную резьбой дверь и, не дожидаясь ответа, отворил ее. Феодосия не заторопилась, как обычно, ему навстречу, приходящая была темной и пустой. Заперев по обыкновению за собой дверь, и неслышно ступая мягкими домашними башмаками, Иоанн направился в полутёмную опочивальню и уже по пути услышал подозрительные всхлипывания. Горела лишь одна свеча в высоком серебряном подсвечнике, и от легкого колебания ее пламени в дальних углах комнаты вздрагивали, будто живые, тени.

Едва увидев лежащую вниз лицом перед иконами княжну, понял: она все знает о его предполагаемом браке. Об этом говорила вся ее отчаянная поза, плач, зажатое руками лицо. Услышав шаги, она медленно приподнялась, повернула голову, посмотрела на него. Потом так же неспешно встала, сделала шаг в его сторону и припала к его груди. Она не плакала больше, не жаловалась, только хрупкое тело ее и плечи продолжали вздрагивать. Он был готов к упрекам, к слезам, к чему угодно другому, но она всем видом своим просто просила пожалеть ее и совсем обезоруживала этим. И, действительно, ему стало жаль ее. Иоанн гладил русую, аккуратно причесанную головку с одной, заплетенной по-девичьи косой, потом оторвал от себя ее лицо, пытаясь заглянуть в глаза. Потрогал мокрые щеки, попросил:

– Ну-ка, посмотри на меня!

Она с трудом разомкнула свои припухшие веки, и рядом с его лицом засветились два ярких, показавшихся ему на мгновение в полутьме чужими, глаза.

– Мне теперь в монастырь? – едва шевеля губами, спросила она.

– О чем ты говоришь, девочка моя? Разве тебя ничего больше не волнует? Ты же знаешь, ты всегда вольна была в выборе. Ты можешь и здесь у матушки остаться, и в Рязань вернуться к брату. Я ведь для него и для твоей земли все сделал, что мог. Можешь даже и замуж выйти, если пожелаешь – мне трудно это представить, но ради тебя я сам сватом буду, – попытался пошутить он. – А коли захочешь, ступай в монастырь. Нигде без моей поддержки не окажешься, никому тебя в обиду не дам.

– А куда мне пойти, если жить без тебя не могу? А? – спросила она, глядя в упор на него, и на этот раз в ее глазах блеснуло что-то живое.

– Ты с ума сошла? Зачем о глупостях говорить?

– Что же мне делать, если ни о чем другом не могу думать? – прошептала она и снова прильнула к его широкой груди.

Он, утешая ее, обнял обеими руками, погладил по голове:

– Не горюй понапрасну. С чего ты взяла, что дело о моей женитьбе уже решено? Разве я сватов посылал? Да нет же! И не собираюсь пока! Куда мне спешить – наследник есть. Конечно,

матушка говорит, что одному плохо, но мне вовсе даже не плохо, – отстранившись, он с улыбкой поглядел на ее заплаканное лицо, и глаза его сверкнули.

Он вновь притянул ее к себе и начал целовать, наполняясь привычным желанием. Видя, что она понемногу успокаивается, что ее губы начинают оживать и отвечать ему взаимностью, он принялся не спеша расстегивать легко поддающиеся пуговицы ее платья.

Было совсем темно, когда они, утолив первый порыв страсти, смогли продолжить разговор, и, конечно, Феодосия сразу же решила говорить о том, что больше всего волновало ее в последнее время.

– Мы же любим друг друга. Почему я не могу стать твоей женой? – прошептала она, обвивая его шею руками.

Она хоть и рисковала оттолкнуть его от себя, рассердить, но не могла не спросить того, что мучило и обижало ее, не давало покоя.

– Я ведь, как и сам ты, великокняжеского рода. И мать твоя – такого же рода, и первая жена – тоже тверская княжна. Никогда моя Рязань не была ниже Твери. Я же сестра твоя троюродная! Чем я плоха для тебя? Иль твоя гречанка очень уж хороша, богата, и ты потому хочешь непременно обладать ею? – продолжала шептать Феодосия, разглаживая нежными пальцами легкие морщинки на его лбу и все еще надеясь получить от него долгожданное предложение.

– Так себе, если портрету верить, – помолчав и будто не поняв главный вопрос княжны, отозвался Иоанн о внешности предполагаемой невесты. – Да на что мне ее красота? Для меня нет никого милее тебя. Не за красоту думал ее в жены брать, не о себе хлопочу – о земле своей. Если б только о себе! Я б никогда от тебя не отказался. Да и так не оставлю! Всегда ты будешь находиться под моей защитой. И брат твой пусть знает: только благодаря тебе он великое княжение рязанское получил и сестру мою родную в жены. Ты не обижайся на меня. Конечно, хотел бы я тебя своей женой видеть. Да не принадлежу я теперь себе полностью, – Иоанн заговорил о том, что давно хотел сказать ей.

Она слушала внимательно, молча, и потому рассуждал он легко, быстро, словами, которые от многих раздумий уже давно улеглись в четкие формы:

– Государь я, понимаешь? Стало быть, в первую очередь о земле своей должен заботиться, и лишь потом – о себе. А у нас враги со всех сторон, каждый кусок урвать норовит. С запада – Литва, с северо-запада – немцы ливонские, шведы, с востока – казанские татары, с юга – Большая Орда, Крым... А знаешь, какой меж тем у нас главный враг? Да сами же мы. Гордыня наша! Каждый из братьев моих, родных и двоюродных, место мое занять мечтает, себя равным мне считает. Оттого старается независимость свою показать, своевольничает. Хочет в поход на врага – отправится, не хочет – глухим прикинется. Вон, дядя мой, князь Верейский, захотел – изменил отцу, к Шемяке переметнулся, как это забыть? Тверской князь себя великим титулует, тоже поклона ждет, когда помощь его требуется. А по кускам-то, что мы такое? Слабые, разрозненные княжества, которые любой враг проглотит! Смоленск прихватили литовцы – спасибо не сказали, – попробуй теперь отними!

Киев давно в литовскую окраину превратился, митрополитами – предателями, ставленниками из Рима окормляется. Небось, и язык-то свой родной скоро забудет. А все из-за междоусобиц князей русских удельных, из-за гордыни и самомнения!

Иоанн увлекся и заговорил о наболевшем, но княжна, умевшая обычно слушать, на этот раз, истерзанная обидой и сомнениями, перебила его:

– Да я-то тут причем, голубь мой? И мать твоя, и жена первая – все дочерьми обычных удельных князей были, так чем все же я тебе не пара?

– Так потому и равняются со мной князья удельные и братья, потому и считают, что ничем великий князь Московский от Тверского или Верейского не отличается! Брак с царевной византийской мог бы возвысить роль государя Московского. Да и другие выгоды от такого брака для земли нашей появятся немалые. Вон уж папа обещает нашим послам и купцам про-

пускные грамоты по всей Европе выдать, в других землях лучше нас узнают, торговля оживится.

Увидев, что Феодосия вновь залилась слезами, он привел еще один, не менее веский довод:

– Ко всему прочему, мы ведь с тобой и повенчаться-то не можем по православным обычаям. Наши родственники ближайшие – твой родной брат и моя сестра в браке состоят. Стало быть, нам по церковному закону нельзя жениться.

– Можно разрешение у митрополита получить, я знаю. Вспомни! Твоя матушка Мария Ярославна и ее родная сестра вышли ведь за родных братьев!

– На то причины веские были, да и давно уж это случилось!

Услышав, что она опять всхлипнула и приготовилась плакать, Иоанн вновь попытался утешить княжну:

– Да не плачь ты, я же еще не женился и пока не собираюсь.

Но она продолжала свое:

– А я-то как, мне-то, что теперь делать? Зачем мне жить без тебя?

– Не глупи, Феодосия. Везде человек может себе дело найти. Даже у куриной жизни смысл есть, а уж человеческая-то всегда кому-то сгодится. Не родным, не близким – так больным, старым, бедным. Да это все так, к слову. А пока делай, что делала, живи, меня люби, радуйся, что мы вместе!

Он принялся вновь целовать Феодосию, сочувствуя ее горю и видя себя в том виновником, и оттого в его ощущениях появились какие-то новые, незнакомые до того оттенки, он был властелином над этой растерзанной горем молодой женщиной.

А она вновь покорно отдавалась ему, вытирая украдкой слезы. Когда они натешились, она спросила:

– Скоро сестра твоя уезжает в Рязань, я должна с ней отправляться. Неужели мы снова надолго расстанемся?

Он не сразу ответил на ее вопрос. Только что испытанные сильные ощущения расслабили его. «А может, в такой разлуке тоже есть своя прелесть? – подумал он. – Чтобы чувства не приедались, чтобы не одолела окончательно скука, которая способна убить любое чувство. Да и как ей теперь остаться здесь? Сразу пойдут догадки и предположения, почему не уехала, люди судачить станут. Разве что матушку уговорить взять ее к себе? Она же любит Феодосию. Ростов близко, даже если они туда уедут, навещать можно... Впрочем, пока нужды в этом нет, надо осмотреться».

– Я бы посоветовал тебе ехать с сестрой – подальше от лишних разговоров. А заскучаем, я что-нибудь придумаю.

– Может, ты еще посоветуешь мне замуж выйти? – в отчаянии от предстоящей нежеланной разлуки дерзко спросила княжна.

Вопрос не рассердил государя.

– А ты хочешь замуж? Ты можешь полюбить ещё кого-то?

– Я не знаю пока, но ведь ты-то собираешься жениться на другой!

– Какой-то у нас сегодня странный разговор получается, – довольно холодно молвил Иоанн, раздраженный и утомленный неприятной беседой. – Пойду я, пожалуй.

Он поднялся с постели, молча, оделся, поцеловал Феодосию во вновь ставшее мокрым личико и так же, молча, удалился. На другой день отбыл в Коломну. Она же вместе с великой княгиней Рязанской Анной и с племянником несколько дней спустя отбыла в Рязань в сопровождении многочисленной прислуги, охраны и обоза подарков. Государь не приехал проститься с ними. И потому княжна возвращалась домой еще более опустошенной и душевно измученной, чем выехала оттуда. Она упрекала себя за несдержанность, за ссору, доставалось в мыслях и ее возлюбленному, но, Господи, как же она хотела видеть его!

Глава IV

Новгород Великий

«Республика держится добродетелью, и без нее упадет».
Н. М. Карамзин. «История государства Российского»

К началу 70-х годов XV века господин Великий Новгород, как уважительно именовали свой город его жители, вступил в пору своего позднего расцвета. Принадлежащие Новгородской республике обширные земли от границ Московского княжества до Белого моря и Северного Зауралья, включая Карелию, Заволочье, Пермь, Печору, Югру и прочие, приносили ее казне огромные доходы. Пополняли их многочисленные соляные варницы, а также активная торговля с европейскими странами и соседними княжествами. Новгород входил в знаменитый европейский Ганзейский союз купцов, имел у себя торговые представительства: Готское и Немецкое, Шведское, Псковское и Тверское. Татары не досаждали новгородцам, укрывшимся от них за болотами и соседними русскими княжествами, на западе также наступило длительное затишье, лишь Псков периодически отбивался от ливонских немцев, но и тут новгородцы оставались в стороне, не спеша на помощь своему соседу. Там помогали москвичи.

Сам Новгород по численности населения и добротных каменных храмов не уступал Москве, а, пожалуй, и превосходил ее. Каменное строительство началось здесь еще в X веке.

Летописи доносят, что уже в 989 году от Р. Х. тут, в детинце, была построена каменная церковь праведных Иоакима и Анны, а в 1050 году город был обнесен новой каменной стеной.

Жители Новгорода гордились своей историей и древностью, считая свой город старейшим на всей русской земле, а в доказательство приводили летописные свидетельства, где говорилось, что именно они, новгородцы, пригласили когда-то Рюрика на княжение и тем породили на Руси знаменитую княжескую династию. Вынужденные силой традиций и обстоятельств подчиняться Москве и платить ей дань, тяготились сим фактом истории и мечтали избавиться от него.

Эта древняя столица пока еще относительно вольной республики располагалась по обе стороны полноводной реки Волхов в шести километрах от озера Ильмень. На левом берегу Волхова возвышалась прекрасная крепость – детинец, центром которого являлся древний собор Софии Премудрости Божией со звонницей, с золочеными куполами и крышей, покрытой свинцом. Этот храм, построенный еще в середине XI века, и дал наименование всей стороне – Софийская. К середине XV столетия детинец, большую часть которого занимал двор и резиденция Новгородского архиепископа, был обнесен не раз обновленной каменной, толщиной около четырех с половиной метров, стеной с башнями, из которых в разные стороны вели пять ворот. Практически весь детинец был издавна застроен лишь каменными зданиями, иные из них славились не только своими размерами, но и красотой. К примеру, в 1433 году владыка Евфимий возвел на своем дворе замечательные трехэтажные хоромы с тридцатью дверями и прекрасной Грановитой палатой с расписными сводами на нервюрах, опирающихся на столб в центре зала. Он же устроил в саду, близ городской стены, каменные часы, прозванные «Евфимьевская часозвоня», поставил церковь каменную же Святого Иоанна Богослова с теплой трапезою, со многими погребями и хлебней. Здесь же, в крепости, на владычном дворе располагался двухэтажный архиепископский дворец, имелись митрополичьи покои, различные служебные постройки, здания приказов, присутственных мест, еще несколько церквей.

Вместе с архиепископом, имевшим собственные обширные владения, свою казну и даже войско, Новгородской республикой управлял Совет господ – бояр, тысяцких и посадников, а также представителей всего города. Он же, совет, избирал глав города – степенных посадника,

тысяцкого и самого архиепископа, решал, кого из князей пригласить по договору к себе воеводой-военачальником. Заседали в Грановитой палате, в ней же принимали послов, знатных гостей.

Самые важные дела решались на вече – собрании представителей от всех слоев новгородского общества. Вече могло быть малым или большим. Малое собиралось в детинце, куда из-за ограниченности пространства не могло вместиться много народа.

Все, что возвышалось за стенами крепости, как и в других русских городах, называлось посадом. Он разделялся на пять концов, три из которых находились на Софийской стороне.

Прямо из детинца Епископская улица сквозь Спасские ворота вела к южному Людину, или Гончарному, концу, в котором располагались усадьбы богатейших новгородских семей Овиных, Тучи, Борецких-Исаковых, давших Родине защитников-воевод, посадников, бояр, тысяцких. Как и иные концы, Людин имел свои святыни – старинную церковь Рождества Богородицы, храмы Уверения Фомы, Петра и Павла. Тут имелись свое озеро Мячино с Воскресенским монастырем, урочище Синичья Горка, кладбище и древняя церковь Благовещения у деревни Аркажи. В этом же конце имелись четыре монастыря и не менее десятка храмов.

На севере Людин конец граничил с Загородским. Здесь также издавна проживала знать новгородская, чем богаче – тем ближе к надежным крепостным стенам. Тут же возвышались знаменитые храмы Двенадцати апостолов, Николая Чудотворца, Флора и Лавра. В последнем, на Людогощей улице, хранилась одна из новгородских святынь – чудотворный Людогощенский крест.

Загородский конец в свою очередь соседствовал с Кожевницким, или, по-иному, Неревским концом, гордившимся церковью Федора Стратилата на Ширковой улице и древним – XI века Звериным монастырем с чудным храмом Петра и Павла, который был виден с противоположного берега Волхова. В этой части города-посада, вблизи от детинца, располагались дворы богатых бояр: братьев Василия, Казимира и Якова Коробов, трех братьев Селезневых: старого посадника Матвея, а также других лучших людей.

По правому берегу реки Волхова раскинулась вторая, не менее значительная половина Новгорода – его Торговая сторона. Ее центром являлись Ярославово дворище с великокняжеским дворцом – официальной резиденцией Московского государя, и древний, 1113 года, пятиглавый храм Николая Чудотворца, иначе именуемый Николо-Дворищенским собором. Значительную часть центра этой стороны занимали Гостиный двор и новгородский Торг, собиравший купцов со всех концов земли. Его ряды тянулись до самого Волхова. Тут же стояла и вечевая башня с колоколом, созывавшим по необходимости на большое вече всю местную законодательную и исполнительную власть – вечников.

Рядом с Торгом удобно раскинулись иностранные торговые дворы. К югу от Ярославова дворища на берегу Волхова – Готский с собственным храмом Олафа, основанный шведскими купцами с острова Готланд еще на рубеже XI–XII веков. Немецкий, или, по-иному, Ганзейский, двор занимал территорию меж улиц Ильинка и Славная и красовался как раз напротив Никольского собора, подпирая церковь Иоанна Крестителя, что очень не нравилось иным местным жителям, ибо иноверцы, глядя на их православные церкви, усердно молились своему Богу в собственном латинском храме Петра. Немецкий двор тоже стоял в Новгороде с незапамятных времен, по сведениям летописей и знатоков старины был известен с начала XII века. Не уступали иностранным купцам и русские, тоже имевшие тут собственные торговые представительства. Возле Готского двора раскинулся Псковский, а неподалеку от церкви Ивана на Опоках – Тверской. Каждый из дворов имел просторные склады для товаров, погреба, хоромы для гостей, мыльни. И, конечно, прочную ограду – частокол.

На Торговой же стороне разместились другие два конца города из пяти – Славенский и Плотницкий. Тут тоже возвышались прекрасные храмы, богатые дворы посадников и тысяц-

ких Грузов, Афанасьевых, Ананьиных и других. Торговую сторону, как и посад Софийской, опоясывал земляной вал, укрепленный стеной. Обе стороны – Софийскую и Торговую связывал меж собой Великий мост. Особняком, как бы в стороне от Новгорода, располагалось Городище, или Город, – с великокняжеской резиденцией, с дворцом. Тут постоянно проживали московские наместники, послы и прочие чиновники.

На подступах Новгород, как и Москву, охраняли хорошо укрепленные сторожа-монастыри Юрьев, Троицы на Паозерье, Благовещения, Аркадьевский, Святого Пантелеймона, Николы на Мостицах, Богоявления на Сукове... Крепостные стены города периодически подновляли, оснащали пушками. Избыток средств позволял новгородцам строить новые храмы, копить богатства. Сытость и довольство населения, спокойствие на границах вели к утрате воинского мужества, давали повод к самодовольству и самоуверенности. Тем не менее, новгородцы верили в свои силы и с гордостью именовали себя «мужами вольными».

...Посол Иван Федорович Товарков, прибывший из Новгорода, дождался возвращения великого князя из Коломны и был незамедлительно принят им. Иоанн любил этого посла за его аккуратность, добросовестность, трезвость во всех вопросах. Товарков не блистал знатным происхождением – сын удельного боярина, – но был грамотен, начитан, знал литовский язык, понимал по-немецки, четко излагал свои мысли, имел хорошую память.

За три дня, проведенных в Новгороде, он встретился с московскими наместниками, жившими себе преспокойно на Городище, потолкался на Торгу среди купцов, которые всегда все знают, послушал в детинце знатный народ на малом вече. Виделся он и с новгородским архиепископом Ионой, которому передал послание Иоанна. В нем великий князь напоминал Ионе, что тот при утверждении на место архиепископа давал обет хранить верность православию, митрополиту Московскому и всея Руси и его преемникам, обещал не слушать призывов Григория-отступника, киевского митрополита, поставленного из Рима. А пастве своей, детям своим, внушать, чтобы не признавали его, изменника, не верили его посланиям, речей его не слушали и даров и писем от него не брали.

Иоанн слушал посла в своем кабинете, и тот, стоя и кланяясь, но сохраняя степенный вид и достоинство, докладывал:

– Владыка прочел послание твое, государь, и обещал, что все сделает по слову твоему, от веры православной не отступится, Григория-митрополита знать не хочет. Да только не все там Иона решает, не все хотят жить по старине. Марфа Борецкая, богатая вдова посадничья, там воду мутит со своими сыновьями, которые во всем ей покоряются. Деньгами сорит во все стороны, людей подкупает. Хотят к Литве отложиться, под власть Казимира, он, мол, не будет так строг и требователен, так ты, государь. Людей баламутят со своими сторонниками. Недавно после вече целая толпа явилась на Городище, на великокняжеский двор: шумели, кричали, посадников твоих бесчестили, грозились прогнать всех, наносили другие обиды москвичам.

– Да знаю я уж о многом, – Иоанн постучал задумчиво пальцами по столу. – Пока мы тут с Казанью воевали, они захватили многие наши доходы, перестали платить пошрины с земель, которые еще дед мой у них взял, а тут и вообще обнаглели: на волости московские порубежные напали, пограбили, как враги истинные...

– И гордятся этим. На вече кричали: «Мы – вольный город Новгород, никому не хотим подчиняться!»

– Отчего ж тогда литовцам надумали кланяться? Никогда, от веку такого позора не было, чтоб от Руси древний Новгород добровольно к Литве откололся!

– Они считают, государь, что если заключат союз с Казимиром Литовским, то он защитит их и от тебя. К тому же все знают, что Казимир многого с них не затребует, возьмет, сколько дадут. Что и говорить, тогда они и в самом деле будут чувствовать себя вольготнее. Особенно те, кто богаче, в первую очередь Марфа Борецкая, у нее земель и доходов – не меряно.

– И много у нее сторонников?

– Трудно сказать: сыновья, их товарищи, некоторые из бояр. Да деньги свое дело делают. А заговорщики не экономят – щедро раздают серебро тем, кто их поддерживает, кто за них на вече кричать будет. Простой люд не хочет старину нарушать, к латинянам в подчинение переходить, видит в этом измену вере предков. Но Марфа и тут уговор отыскала. Вон, мол, перед вами пример Киева – под Литвой народ живет, а веру предков своих сберег, не предал. Да как не предал, если им митрополита Рим назначает?! Вот и спорят новгородцы до хрипоты. Люди, однако, там напуганы, все про знамения страшные рассказывают. Была не так давно у них буря жестокая, сломала крест у Великой Софии, а еще, говорят, будто на двух гробах кровь явилась. У Святого Спаса на Хотыне сами по себе колокола звонили, а в женском монастыре Святой Евфимии по иконе Богоматери слезы потекли... Молвят, не к добру это, быть беде большой. Да баламуты-то не слушают народ простой.

– Ну что ж, будем решать с боярами, как быть, что предпринимать. Наверное, о походе надо думать, коли слово доброе не помогает. Иди, отдыхай. Сегодня за тобой следом новгородский степенный посадник Василий Ананьин по своим земским делам прибыл, с ним еще потолкую. Может, придется тебе снова туда с посольством ехать, готовься...

Товарков, который все время разговора стоял перед государевым столом, низко поклонился и вышел.

В кабинете остались дьяк Владимир Гусев и рыжебородый летописец Стефан, застывший с пером в руке. Иоанн встретился с ним взглядом, вспомнил о своих планах относительно него.

– Кстати, давно не давал ты мне свою летопись посмотреть – что ты там для потомков строчишь? Что о Казанском походе написал?

– Когда прикажешь, государь, я готов хоть сейчас принести.

– Ступай, а мы с Гусевым письмо будем сочинять к псковичам. – Иоанн, конечно же, не сказал летописцу, что в первую очередь его интересовала запись о послах из Рима и о его возможной женитьбе на византийской царевне.

Проводив глазами Стефана, обратился к дьяку:

Бери листы, пиши грамоту для Пскова: «Наместнику моему, князю Федору Юрьевичу...»

Продиктовав, Иоанн приостановился, призадумался. Хоть и стар уже князь Шуйский, и псковичи не любят его за самоуправство, да воевода он неплохой, в последнюю войну спас псковичей от разорения немецкого, защитил их со своею дружиной. А главное – человек надежный, послушный. Надо приказать князю, чтобы подготовил Псков к походу на Новгород.

Закончив диктовать, он распорядился:

– Перепиши набело и снова мне принеси. Да пригласи сюда боярина Селивана, – я его в Псков с этим посланием отправлю.

Гусев, поклонившись, отправился исполнять приказание. А в кабинет вернулся Стефан с объемной рукописью, уже сшитой и оправленной в переплет. В нее, на оставленные чистые листы, он переписывал с черновиков сделанные им же записи. Летопись хранилась вместе с другими важными грамотами и прочими документами в подвале приказа в железном сундуке – чтоб при пожаре не сгорела, сбереглась для потомков. Иоанн положил рукопись перед собой на стол и начал не спеша перелистывать страницу за страницей, делать замечания:

– Ты вот тут про знамения на солнце пишешь: три дуги, три солнца, – а не вранье все это? Я никакого знамения не видел, хотя тоже слышал о нем. А ты сам-то наблюдал его?

– Нет, по правде сказать. Но событие верное, люди надежные видели, не болтуны!

– Ладно, дело не самое важное. Слушай, что это за новый титул ты мне в летопись вписываешь: «Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси»? Что это за государство такое – Русия?

– Так это ж не я придумал! Так сейчас многие говорят. Еще батюшку вашего папа римский в своих грамотах великим царем всея Руси величал – то в нашей же Патриаршей летописи отмечено. Владыка Ростовский Вассиан в своих грамотах иначе как Русией, нашу землю

не именует. И правильно делает, по моему разумению. Это прежде мы Русь именовались – как нация, на разных землях и в разных княжествах раскиданная: Киевская Русь, Московская Русь, Рязанская, прочая. А ныне, когда мы вместе объединились, и именоваться мы должны по-иному, как единое государство, то есть Русия!

Стефан замолк, думая, как бы понятнее изложить великому князю свои соображения.

– Так ведь и смотрится значительнее, сразу видно – не одно какое-то княжество, не Московское, а все русские люди вместе, одним словом, Русия... Звучит!

Иоанн лишь усмехнулся. Ему нравились доводы Стефана. К сожалению, еще не совсем единой была Русь, как хотелось бы ему, но по сути все верно излагал летописец – знаток географии и истории.

– Ну и мудрец ты, Стефан! – с сомнением покачал он головой. – А не спешишь ли? Какая ж мы страна единая, коль до сих пор у нас отдельные княжества сохранились, коль каждый удельный князь свой нором показать стремится? Сейчас вон, если поход на Новгород собирать, – опять тверскому князю кланяться придется, чтобы участие принял, и Пскову, и братьям – разве ж это единое государство?

– Зато как все вас с одного слова послушались, на Казань поднялись? Любо-дорого было посмотреть. И все увидели, как это здорово – вместе. Тогда поглядел я на это дружное воинство и убедился, что мы все-таки уже страна, а не разноголосая Русь, островками раскиданная на великом пространстве.

– А сколько руссов под Литвой живут! Киев, Смоленск, иные... Ты, Стефан, лучше не наступай на больное место! Все предки наши о единстве мечтали, да никак поладить меж собой не могли, каждый о себе хлопотал. Впрочем, слышу я, подобное во всей Европе происходит. Делятся властители, объединяются, дерутся. Вон и в Литве то же, и в Орде. Хотя, думаю, будет у нас еще истинная Русия, надеюсь, доживем.

Великий князь еще недолго полистал книгу, нашел, что хотел. Никакой крамолы в записях не было, автор сдержанно излагал события, связанные с приездом и отъездом послов, уважительно называл титул отца невесты и тех, кто сватался к ней прежде. Одобрив мысленно записи, он закрыл летопись и отдал ее Стефану, приказав отнести на место и вернуться к приему новгородского посланника. Слово Русия вымарывать не наказал. «Стало быть, по душе ему пришлось», – подумал летописец и решил снова где-нибудь вставить столь полюбившееся ему название родного отечества. Ибо хоть и был Стефан наполовину литовцем, его отец приехал сюда когда-то на службу по приглашению боярина Юрия Патрикеева Литовского, но долго жил в Москве, и, как многие инородцы, прижившись на чужой земле, полюбив ее, особенно трепетно воспринимал ее, как свою родину, и любовь эту передал сыну.

Стефан, несмотря на свой солидный возраст, чуть ли не танцуя от радости после приятного общения с великим князем, быстро долетел до своего приказа, сдал на хранение книгу и вернулся.

У государя в кабинете уже сидели новгородский посадник Василий Ананьин – пожилой человек с солидным брюшком, хитрым лицом и лысой головой, да двое знатнейших бояр – князя Иван Иванович Ряполовский и Юрий Патрикеевич, тот самый литовский князь, который когда-то пригласил отца летописца в Москву. Тут же находился на своем скромном месте и дьяк Владимир Гусев с бумагами.

Стефан низко поклонился всем и примостился с листом бумаги в уголке кабинета. Посадник докладывал, какие пошлины были выплачены великому князю Новгородом за минувший год, сколько соли с варниц продано, не забыл про доходы с торговли. Жаловался на московского наместника. Иоанн, молча, слушал его, лишь постукивание пальца по столу выдавало его волнение. Неожиданно он прервал гостя:

– Мне это не столь важно, на те дела у меня приказы есть. Вот ты мне, Василий Максимович, скажи, что у вас в Новгороде происходит? Почему слуг моих обижают? Почему земли московские грабят, налоги утаивают? Может, тяжела вам власть московского государя? Думаете – сразу благодать на вас снизойдет, как своей волей жить начнете? Так ведь, освободившись, первым же делом между собой за власть переределаетесь! Или не бывало подобного? Помните: издавна предки мои Новгородом повелевали, – я это право унаследовал, и отказываться от него не собираюсь!

Патрикеев и Рязановский кивали в такт восклицаниям Иоанна и тоже припоминали обиды, нанесенные новгородцами московским землям.

– Может, ответишь, что собирается дальше Новгород делать? – обратился к нему старый князь Юрий Патрикеевич Литовский, чей отец Патрикей был в 20-х годах в Новгороде наместником московским.

Глаза Ананьины блуждали где-то в стороне от лиц собеседников, он явно избегал этого разговора:

– Я не знаю. Великий Новгород не дал мне о том никаких повелений!

– Заговоры устраивать они умеют, а как отвечать время приходит – они ничего не знают! – разгневался Иоанн, и рука его правая, сжавшись в кулак, несколько раз стукнула по подлокотнику кресла. – Ну, так что, бояре, решать будем?

– Думаю, надо предупредить Великий Новгород, чтоб не забывал порядка, для них же лучше дело миром решить, – молвил многозначительно Патрикеев.

– Вспомните, чем кончались для вас все походы великих князей на Новгород! – поддержал боярина князь Рязановский. – Вновь на коленях о милости просить станете да откупаться. Вам же дороже обойдется.

– Так и передай, посадник, новгородцам, чтобы вину свою признали, чтобы смутьянов сами наказали, в земли и воды мои не вступали, имя мое держали честно и грозно, по старине, исполняли обет крестный – если хотят от меня добра и милости. Напомни, что терпению бывает конец, – пригрозил Иоанн.

Однако закончить встречу с новгородским посадником великий князь решил все-таки по-мирному и потому уже спокойнее добавил:

– Мы тут с боярами посоветовались и решили пожаловать Дмитрию Борецкому, сыну Марфы, вдовы посадника, звание боярина московского. В дар от меня он получит ризы боярские и меч с золоченой рукоятью. Ну и содержание, как положено.

Государь не стал высказывать надежду, что сей щедрый жест утолит властные аппетиты Борецких, отвратит их от пролитовских настроений.

Когда Ананьин, низко поклонившись, вышел, Патрикеев заметил:

– До меня дошли слухи, что Ананьин сам дружбу водит с теми, кто хочет от Москвы отложиться. Потому он и молчит.

– Поглядим, – сощуриив свои сверкающие, как лезвие меча, серо-голубые глаза, сказал Иоанн Васильевич.

Спустя несколько дней в Москву пришло печальное известие: 8 ноября 1470 года умер верный хранитель православной веры и мира с Москвой, любимый новгородцами архиепископ Иона. Далее события развивались по заведенному обычаю. Похоронили его новгородцы со многими слезами и молитвами, как было завещано, в Отенском Покровском монастыре. Через десять дней избрали на малом вече у Святой Софии трех новых кандидатов: духовника Варсонофия, ключника покойного владыки Пимена и ризничего архиепископа Феофила. Положили три жребия на престол, вынули – Феофила. По старине ввели его честно во владычный двор. Вскоре предстояло новому кандидату отправиться в Москву, чтобы пройти традиционный обряд посвящения в архиепископы у гроба чудотворца Петра.

К великому князю Московскому послали боярина Никиту Ларионова – доложить о случившемся и просить опасные, то есть охранные, грамоты для проезда владыки. Получив грамоты, Феофил отправился на утверждение в новой должности.

В самом Новгороде тем временем происходили дела удивительные. В одном из самых богатых и красивых дворов города, в теремах Марфы Борецкой, кипела и бурлила общественная жизнь. То и дело тут собирались молодые и не очень молодые люди в добротных одеждах: спорили, обсуждали, клялись хранить тайну, быть верными дружбе и делу, вербовали сторонников. Центром всей суеты была сама Марфа – крепкая подвижная женщина, немногим более пятидесяти лет. Ближайшим ее сообщником являлся ключник Пимен, метивший на архиепископский престол, но обойденный жребием. То ли обидевшись на судьбу, то ли поняв, что власти можно достичь иным путем, сей Пимен вместе с частью богатейшей архиепископской казной, накопленной многими поколениями бережливых владык и их помощников, явился к Марфе на помощь. Его план был проще некуда: освободиться от власти московской, перейти к Казимиру. И если принципиальный Феофил откажется поставляться у литовцев – заменить его.

– Сколько раз король Польский и великий князь Литовский Казимир призывал нас под свое покровительство? – значительно вопрошала Марфа на званом обеде, где собрались ее активные сторонники.

То ли от выпитого кубка горячительного медового напитка, то ли от радостного волнения, что находится в самом центре внимания, она выглядела помолодевшей. Полные гладкие щеки ее пылали, прядь темных волос с редкой сединой выбилась из повоя – искусно повязанного на голове длинного куска тонкого ипского сукна. Полное ее тело укрывал просторный летник из синей камки, унизанный жемчугом и расшитый золотыми нитями. В ушах красовались золотые серьги с драгоценными камнями. Выпав по вдовьему несчастью, а может, и счастьем, из-под властной мужниной опеки, Марфа полюбила властвовать сама и теперь не отказывала себе в этом удовольствии.

– Мы посулим ему лишь малую толику тех доходов, что даем князю Московскому, – а уж в защите он нам не откажет! – утверждала она. – Да и кого нам бояться? Тверь теперь тише травы сидит, от немцев пусть псковичи сами отбиваются, в крайности – поможем, шведов пока не слышно. Один Иван и остается главный супостат. Неужто, ежели что, с помощью Казимира от него не оборонимся?

– Ты, Марфа, не думай, что Москва так просто от нас отступится, – заметил недавно вернувшийся оттуда Ананьин.

Он действительно находился среди сторонников Марфы и восседал в почетной передней стороне стола неподалеку от хозяйки. Рядом с ней молчал и спокойно наблюдал за происходящим пожилой, седой князь Михайло Александрович, по-литовски Олелькович, брат киевского князя – наместника Семена. Борецкие и их сторонники выпросили его себе у короля Казимира. Случалось новгородцам и прежде для обороны своих земель от шведов и немцев приглашать воевод из Литвы, не прогоняя московских наместников. Но сей случай был особый: Олельковича пригласили специально для устрашения Москвы и для того чтобы скорее склонить народ к союзу с Польско-Литовским королевством. Князь прибыл на службу с множеством панов и князей из Литвы и Польши.

Тут же за столом находился и старший Марфин сын Дмитрий, тот самый, коего только что возвысили в московские бояре. Ему недавно исполнилось тридцать лет. Это был крепкий, широкоплечий круглолицый человек, чем-то внешне напоминающий свою матушку. Он молодился: стриг коротко бороду, носил небольшие загнутые книзу усы и бакенбарды. Его недлинные вьющиеся волосы были сзади зажаты жгутом в небольшой пучок.

– А что нам Москва? Что, у великого князя сейчас, кроме нас, дел нету? – продолжала свою агитацию Марфа. – Да он только что на Казань все силы положил, а теперь, сказывают, Казимир Орду на него подбивает! Да он сам с нами заигрывает – боится! Случайно, что ли, сыну вон моему звание боярина преподнес? Теперь мы имеем честь за одним столом с иноземным боярином сживать! – повернувшись к сыну, с ироническим поклоном произнесла она.

– Да ладно шутить, матушка, – сердито пошевелил усом Дмитрий.

Он, если бы ему самому дали решать и выбирать, был бы не прочь оставить все, как есть, и не связываться ни с какой Литвой. Да и пожалование великого князя льстило ему. Но он был послушным сыном. К тому же отец, завещав большую часть наследства матушке, которая была намного младше его, вплоть до ее кончины, наказывал оставшимся двум сыновьям во всем ее слушаться. Так что особого выбора у Дмитрия не было.

– Впрочем, и вправду, хватит шутить, – продолжила Марфа. – Завтра на Ярославовом дворе собирается вече, где будем решать, как дальше жить Великому Новгороду, кого иметь у себя союзником и покровителем – Иоанна Московского или Казимира Литовского. А если быть точнее, кем мы хотим быть – вольным ли Новгородом, или вотчиной государя Московского?

Присутствующие за столом громкими, подогретыми вином голосами подтвердили:

– Вольным, конечно, вольным!

– И многие в городе так думают. Нам нужен лишь покровитель, коим может стать король Казимир, а не властный хозяин, каким стремится быть Иван Васильевич!

На столь длинные и пламенные речи в пользу Казимира вдову в этот раз вдохновил только что состоявшийся перед обедом разговор с Михаилом Олельковичем. Князь многозначительно и игриво посмотрел на нее и еще раз подтвердил прежнее обещание посланника литовского о том, что после подписания договора с Казимиром тот пришлет сюда солидного вдового наместника, который охотно возьмет Марфу себе в жены, и она, таким образом, будет полной хозяйкой в Новгороде. Оттого посадница была сегодня особенно нарядной и возбужденной.

– А нынче он еще и пугать нас задумал, – продолжала Марфа. – Пусть вон посадник расскажет, какой прием ему оказал наш нынешний покровитель!

– Да что, я уж говорил, – негромко пробурчал Ананьин. – Ничем особенным великий князь не грозил, сказал лишь, что терпению бывает конец. Хотя теперь у меня есть новые вести. Вчера вечером гонец прискакал из Пскова. Сообщают, что Иоанн Васильевич прислал им приказ готовиться к войне против Новгорода – за строптивость нашу. Псковичи предлагают свое посредничество в примирении с Москвой.

– А то мы без своей бывшей вотчины Пскова не разберемся, что нам делать и с кем мириться! – воскликнул еще один участник обеда Василий Селезнев, который сидел рядом с родными братьями Матвеем и Яковом. – Ты лучше скажи, неужто псковичи собираются выступить против нас по приказу Иоанна?

– Они об этом не уведомили, но, думаю, воле великого князя подчинятся. А куда им деваться? – постарался быть объективным Ананьин. – Кто их последние годы от немцев-то, да от Литвы обороняет? Воеводы московские – тут уж ничего не скажешь.

– Хватит панику разводить, псковичей, что ли, мы испугаемся! – заметил до сих пор молчавший Олелькович. – Я вот только в толк не возьму: если вы к Казимиру отходить собрались, почто владыку-то для утверждения на престоле в Москву отправили?

– Так он уперся, мол, ни за что не поедет в Киев к тамошнему митрополиту, как он говорит, изменнику-латинянину, на поставление, – пояснил недовольным тоном ключник Пимен. – А по мне – так и не надо было посылать его никуда. Не хочет – пусть в монастырь отправляется. Меня бы выбрали архиепископом, я бы с радостью хоть к самому папе в Рим отправился.

«Бодливой корове бог рогов не дает», – подумал Дмитрий Борецкий, глядя на помятое с прищуренными подозрительными глазами лицо ключника. – «Противная рожа. За владычный

пост ты на все готов. А еще святой отец! Нашла мать с кем связываться. Хотя он – мешок с деньгами...»

– Завтра, аккурат к началу веча, Феофил должен уже воротиться, гонца с пути прислал. А если поспешит – так и сегодня прибудет, – уточнил ключник.

– Ты, главное, поясни, – обратилась к нему Марфа, – казну-то он у тебя еще не отнял?

– Да с чего бы это? – ухмыльнулся Пимен. – Пока все богатство при мне.

– Тогда ты прямо после обеда отправляйся отсюда к своей казне, да не пожалей-ка для наших ребят денжат. Пусть они сегодня пройдутся по худым вечникам да раздадут им, чтоб завтра на вече за короля Казимира кричали.

– Это будет сделано, на нужное дело разве можно жалеть!

Для Пимена это дело действительно было нужное, он еще не потерял надежду стать владыкой Новгородским, если земля их отойдет к королю. Стало быть, и поставлять владыку придется в Киеве, вот и откроются ему, Пимену, все пути!

– За наш успех! – предложил тост Михайло Олелькович.

– За успех! – прогудели голоса со всех сторон стола, и кубки начали быстро опустошаться.

– А ты что же, отец святой, не пригубишь? – спросила хозяйка широкого в плечах, но худощего, в монашеском одеянии старца, сидящего также на почетном месте неподалеку от нее.

Его голова была обрамлена ореолом совершенно седых, но обильных вьющихся волос. Это был игумен Соловецкого монастыря Зосима, прибывший к Марфе просить покровительства и защиты от ее приказчиков и от жителей Двинской земли, немалой частью которой она владела. Ее люди заезжали на монастырский остров ловить рыбу, нарушали покой монахов. Благодаря хлопотам своих многочисленных почитателей, Зосима получил от Новгорода грамоту на владение Соловецким островом, а позже и приглашение на обед от самой Марфы, которая поначалу, было, не приняла его.

– Видится мне, не к добру эта ваша затея, дочь моя, – сказал, грустно склонив голову, Божий угодник. – Не мое дело судить вас и давать советы, – завтра отправляюсь в свой угол дальше Богу служить, только видится мне, что накличете вы опустошение и страдание на землю вашу...

– Да что ты сочиняешь, отец святой, – изумился Пимен, но Марфа перебила ключника:

– А ты, Зосима, помолись за нас, глядишь, все и обойдется. – Она по-прежнему была в прекрасном расположении духа. – А чтобы вы охотнее молились за наши успехи, я пожалуй тебе и твоему монастырю землю – несколько сел с деревнями. Документы днями же оформлю, и мои приказчики тебе их представят прямо в обитель.

– Благодарю, дочь моя, – сказал, привстав и склонившись, величавый старец.

– Ну что, пора за дела! – подняла как бы в напутствие Марфа свою пухлую руку, и гости начали расходиться.

Начало следующего дня ознаменовалось необычной суетой и бурлением Новгорода. Люди сновали из дома в дом, группами и толпами гужевались на улицах, у храмов, спорили, обсуждали новости одну важнее другой.

С утра стало известно, что ключник Пимен расхитил святительскую казну и много денег роздал на подкуп худых вечников. Прихожане и сторонники Феофила собрались возле кельи Пимена, расположенной в детинце на архиепископском дворе, вытащили его оттуда и крепко «поучили» – таскали в одной лишь черной рясе с непокрытой головой по снегу, секли кнудом, тыкали носом в сугробы, наметенные после расчистки дорожек. Припоминали ему и жадность, и самоуправство, и измену старине. Приехавший как раз вовремя на пименово счастье архиепископ Феофил, утвержденный и посвященный на владычий престол в Москве, насилу отбил

ключника у толпы, но, разобравшись в чем дело, передал его на законный суд правительству города.

Не менее важной новостью стало и само появление владыки – в полном здравии и довольствии, хорошо принятого и обласканного великим князем Московским и митрополитом Филиппом. С Феофилом и тот, и другой передали послания новгородцам с требованием жить по старине, не отступать от православия и великого князя Московского.

Но сильнее всего будоражил умы спор о новгородской вольнице: как жить дальше, кому подчиняться, кем управляться? Марфины сторонники потрудились минувшие вечер и ночь на совесть – то там, то тут шустрые мужички, что есть силы, орали: «Не хотим называться отчиною великого князя, мы люди вольные!», «Не хотим терпеть обиды от Москвы, хватит, натерпелись!», «Хотим за короля Казимира!», «Иоанн нас к миру призывает, а сам псковичей на нас поднимает!»

С такими криками и шли они к Ярославову двору, куда призывал их на вече громкий колокольный звон.

Здесь споры разгорелись с новой страстью. Ибо сюда же собрались и люди, не замешанные в Марфины планы, привыкшие жить по правилам старины и по традициям. Они, конечно, отстаивали свое мнение: «Хотим оставаться с Москвой!», «Не хотим изменять вере своей. Господь того не простит! Быть беде!» Дошли до того, что начали кидаться друг на друга с кулаками. Бранились весь день, да так ничего и не решили.

На следующее утро после службы в Святой Софии и других храмах вече продолжилось. Тут Марфе пришлось не пожалеть и собственных денег. Снова спорили, снова ругались. В конце концов «перекричала» сторона литовская. Свершилось то, к чему так давно, столетиями стремились литовские завоеватели: без огня и дыма, без особых усилий Новгород добровольно решил им отдаться. Земля, которая всегда составляла часть Северо-Восточной Руси и подчинялась уже два века московским государям, задумала изменить свой статус.

Марфа и ее сторонники сочинили послание, и многолюдное пышное посольство с богатыми дарами и предложением, чтобы король Польский и великий князь Литовский и Русский Казимир стал покровителем и защитником Новгородской державы, отправилось в Литву. Грамоту с предложением о сотрудничестве подписали новгородские посадники, тысяцкие, представители бояр, житей их людей, то есть простых жителей, и купцов. Уговорили поставить подпись и Феофила. Тут весьма постаралась сама Марфа, используя все свое обаяние и красноречие. Новому архиепископу пообещали, что его участие в заговоре останется тайной. О его подписи будут знать лишь несколько человек. Во главе делегации отправились посадники Афанасий Евстафьевич да Марфин сын Дмитрий Исакович Борецкий.

Как и ожидалось, довольный Казимир согласился на все условия новгородцев. Подписали своеобразный договор. Новгородцы обязались платить королю дань, принять его тиунов – чиновников для контроля за налогами, и судей, выделить десять соляных варниц в Русе. Казимир обещал им за то дать скорую ратную помощь, если государь Московский пойдет войной на Великий Новгород, посадника назначать только православной греческой веры, не покупать в новгородских землях ни сел, ни рабов, не строить римских церквей, не трогать Немецкий двор. Феофил согласился поставить свою подпись лишь при условии, что король не станет касаться новгородской православной веры – владыка будет поставляться там, где горожане захотят сами, – в Москве либо в Киеве. Разумеется, король согласился и на это. Много раз повторилось в грамоте выражение «вольные люди», коим прежде в договорах с Москвой новгородцы себя не чествовали.

Марфа и литовская сторона торжествовали. Правда, московских посадников с Городища не прогнали, бесчестья им не творили, и те продолжали жить, как прежде, передавая сообщения обо всем происходящем своему государю. Это, казалось, успокаивало граждан, давало

надежду, что великий князь Московский оставит все как есть. Осторожные люди, однако, не уставали напоминать, что не так глуп Иван Васильевич, чтобы отказаться от богатых новгородских доходов в пользу враждебной Литвы. И оказались правы.

Вскоре владыка Феофил и правительство города получили очередные грамоты из Москвы. Иоанново послание привез хорошо знакомый новгородцам посол Товарков. Степенный посадник Василий Максимович Ананьин читал его на Совете правителей в своем посадском приказе в детинце. Послание было небольшим, слушали его молча, без обычных прежде залихватских комментариев не только потому, что понимали серьезность предупреждения, но и потому, что собрались на совет люди в основном солидные: посадники, тысяцкие, бояре и лишь несколько представителей от всех пяти концов города. Моложе посадника – марфиного Дмитрия, пожалуй, никого не было.

– «Люди новгородские! – читал хитроглазый Ананьин. – Рюрик, Святой Владимир и Великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я унаследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы были подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень Отечества».

Больше всего настораживала краткость обычно многословного и велеречивого Иоанна, – еще и потому новгородцы не сразу отреагировали на закончившееся чтение, словно ожидая продолжения.

– Что делать будем? – обратился степенный посадник к коллегам.

– Чего теперь говорить, дело сделано, – заметил Афанасий Евстафьевич, ездивший к Казимиру подписывать договор. – Заново решенное решить – лишь людей насмешить!

– Не думали, что дело так обернется, – рассудил осторожный боярин Никита Ларионов, бывший недавно послом в Москве и довольный приемом Иоанна. – Оно понятно: мы все рассчитывали, что великий князь не дерзнет Русь на Новгород поднимать – все ж таки один народ, одна кровь. У нас ведь по большому счету после Шемяки, почитай, больше двадцати лет не было кровопролития меж князьями русских.

– Так мы ж теперь в литовцы подались! – сострил Дмитрий Борецкий. – Чего теперь за родство кровей прятаться. И не впервой нам тумачи от Москвы получать – прежде думать надо было!

– Да подожди ты панику тут разводять! – зашумели на Дмитрия со всех сторон. – В точности-то еще ничего неизвестно, может, и не решится великий князь на нас с войском двинуться! Да не такие уж мы слабосильные, неужто совсем за себя постоять не сумеем? Опять же Казимир обещал помочь!

– Может, на вече городском это послание обсудить, оно ведь всем новгородцам адресовано? – спросил у собравшихся Никита Ларионов.

– Зачем? – прищурился степенный посадник. – Мало нам свар и споров за последнее время? Не хватает еще, чтобы весь город передрался! Сначала самим надо решить – как быть, что дальше делать. – Он обернулся в сторону архиепископа: – Товарков сказал, что и тебе, владыка, гонец послание от митрополита Филиппа привез, может, заодно прочтешь? – обратился Ананьин к сидящему на почетном месте, одетому в белую мантию, с белым клобуком на голове архиепископу Феофилу.

– Говорил я вам, – молвил опечаленным голосом встревоженный владыка, – предупреждал, не надо спешить, не надо измену ладить – нет, не послушали. И меня, грешного, уговорили, сделали пастырем отступников. Один мне теперь путь – в монастырь, откуда вы меня на позорище выставили.

– Что ты говоришь, владыка? – аж приподнялся со своего главенствующего места Василий Максимович, его обычно блуждающие глаза уставились на огорченного архиепископа. – Как ты можешь в столь трудный для твоих духовных детей момент об отставке говорить, о монастыре? Сейчас самое время в полную силу людей успокаивать, дух города поддерживать. И не думай о монастыре. Ответь лучше – получил ли послание от митрополита? Что он пишет?

– А что хорошего может он нам, отступникам, написать? – архиепископ вздохнул и достал откуда-то из боковой складки своей просторной мантии свернутый в трубочку листок, не спеша развязал накрученную на него витую веревку, положил ее на колени и, столь же медленно расправив бумагу, начал читать ее необычно глухим, полным грусти голосом:

– «Слышу о мятеже и расколе вашем. Горе, если и один человек уклонится от пути праведного, еще ужаснее, если целый народ. Трепещите, и пусть страшный серп Божий, виденный пророком Захариюю, не снизойдет на головы сынов непослушных. Вспомните сказанное в Писании: “Беги от греха, как от ратника, беги от прелести, как от лица змеиного”. Сия прелесть есть латинская: она улавливает вас. Разве пример Константинополя не доказал ее губительного действия? Греки царствовали, греки славились своим благочестием. Соединились с Римом и служат ныне туркам. До сих пор вы были целы под рукой Иоанна; не уклоняйтесь от святой, великой старины, не забывайте слов апостола: “Бога бойтесь, а князя чтите”. Смиритесь и Бог мира да будет с вами!»

Закончив чтение, Феофил при всеобщем молчании свернул свиток, поднял с колен веревку, завязал и убрал его на прежнее место – в глубину своей просторной белой мантии.

– Ну и из-за чего же тут так сильно убиваться? – прервал, наконец, опасное молчание боярин Иван Афанасьев, тоже один из активных сторонников Литвы. – Верно говорит Афанасий Евстафьевич, – дело сделано и нечего людей смешить. К тому же весна на дворе. В эту пору враг к нам не лезет – кругом реки да болота непролазные. А к осени подготовимся к войне как следует, полки Казимира призовем.

– Отвечать-то будем что Иоанну и митрополиту? – спросил у совета Ананьин. И сам же ответил: – Владыка Феофил, пожалуй, сам разберется со своим посланием, а нам пока нечего отвечать. Пусть все остается, как есть. Кто-нибудь не согласен?

Таковых не оказалось. Люди расходились молча, многие ощущали нависшую над всеми опасность.

Глава V

Поход на Великий Новгород

Обычно спокойный и выдержанный посол Иван Федорович Товарков на сей раз явился из Новгорода в Москву взволнованным и категоричным:

– Ни слова, ни грамоты, – доложил он государю, – но один только меч может смирить новгородцев.

Тут же назначил Иоанн заседание расширенной боярской думы, призвав в столицу своих братьев, святителей, бояр, воевод. Обычных мест в его приемной посольской палате не хватило, и потому были установлены дополнительные лавки. Народу набилось столько, что меньшим людям из дальнего конца комнаты приходилось привставать, чтобы видеть происходящее впереди.

Иоанн явился в парадном одеянии – парчовой, унизанной дорогими камнями и подбитой по низу соболями распахнутой ферезее с откидными рукавами. Из-под нее виднелся длинный охабень с огромным количеством пуговиц, поверх которого красовалось ожерелье – пристяжной стоячий воротник-козырь, изукрашенный вышивкой и сверкающими камнями. Стройность его фигуры подчеркивал драгоценный золотой пояс.

Рядом с великим князем сидел столь же нарядный наследник – тринадцатилетний сын Иван Молодой, на первых местах – митрополит Филипп и четыре брата Иоанна: его погодок Юрий, два Андрея – Большой и Меньшой, и Борис Васильевичи. Чуть поодаль разместились московский голова Иван Владимирович Ховрин и его брат-казначей Дмитрий. Тут же – знатнейшие бояре и воеводы: князя Федор Давыдович Палицкий, Иван Иванович Рязполовский с сыном Семеном, Юрий Патрикеевич Литовский с сыном Иваном, дядя Иоанна Михаил Андреевич Белозерский с сыном Василием Верейским, Оболенский-Стрига, достаточно молодой еще и красивый князь Данила Холмский и много других славнейших русских воевод. Прибыли на совет и служившие Москве татары – царевичи Даньяр и Муртаза. Из женщин присутствовала одна только вдовья великая княгиня Мария Ярославна в своем обычном темном одеянии. Рядом с государем и возле всех дверей, замерев, стояли телохранители – рынды.

Иоанн сам открыл совещание, рассказал, как обстоят дела со строптивым Великим Новгородом. Он перечислил обиды, которые причинили новгородцы Московскому княжеству – оскорбление послов и посадников, отказ платить дань, порубежные грабежи. И, конечно, оставил на самом главном:

– Думают, видно, граждане Новгорода Великого, что слабосильное у нас государство, что не можем мы за свои интересы постоять, что нет у нас мочи призвать их к порядку?! Нарушили они все уставы старинные, все правила и традиции, заключили договор с королем Казимиром, по которому признали его своим господином и покровителем, обязались дань платить ему всем народом, наместника и судей от него принимать, доходы его королевства да княжества Литовского приумножать. Пятьсот лет и четыре года со дня крещения были новгородцы за великими князьями русскими, православными. Ныне же, за двадцать лет до скончания седьмого тысячелетия, восхотели отступить за латинского короля. Не иначе как дьявол их попутал! Пытался образумить я изменников – грамоты посылал, уговаривал, увещевал, предупреждал. Все тщетно! Пренебрегли они и моими убеждениями, и митрополита Филиппа, изменили старине, закону, вере нашей православной. Вот и собрал я вас, чтобы предложить на ваш суд измену новгородскую. Решите братья, что делать будем!

Государь закончил речь, откинул назад голову и несильно хлопнул ладонью по ручке своего кресла. Серо-голубые глаза его сверкали, как поверхность отполированного кинжала.

Отовсюду послышались твердые решительные голоса:

– В поход! В поход на Новгород! Да будет война! К оружию!

Выслушав эти голоса, Иоанн властно поднял правую руку, и все замолкли.

– Но вспомним – на дворе весна, сейчас для новгородцев начинается самое благоприятное время, земля их окружена реками и озерами, болотами непроходимыми. Если же еще и лето выдастся дождливым, мы просто завязнем в новгородской сырости вместе с войсками и обозами, никого это не пугает? Может, до осени поход отложим?

– Нет, нельзя откладывать! – послышались опять же единодушные возгласы со всех сторон.

– Не будем здесь новгородского веча устраивать. Я хочу ваши личные мнения услышать. Что ты скажешь, Данила Дмитриевич, тебе идти с передовыми полками, не побоитесь утонуть в болотах новгородских? – обратился государь к князю Холмскому – своему ровеснику и двоюродному брату, молодому еще, но уже прославившемуся во многих походах против татар и литовцев талантливому полководцу.

Холмский встал со своего места, близкого к государеву. На плечи его была наброшена роскошная, отделанная горностаем приволока – длинный боевой плащ, сколотый на груди жемчужной застежкой, под ним виднелся нарядный камзол, затянутый на талии золотым поясом. Данила был столь красив, что женщины на улице заглядывались на него. Высокий, безупречной формы лоб его обрамлялся легкими русыми кудрями. Прямой с легкой горбинкой нос, большие спокойные светло-карие глаза, мужественный подбородок с небольшой, аккуратно подстриженной бородой – все в нем было прекрасно и совершенно, словно природу в момент его создания осенило вдохновение, и она вложила в свое творение не только талант, но и душу. Внешность Данилы соответствовала и его храбрости, и таланту полководческому. Он был находчив, сообразителен, в бою смел и решителен. Воины любили его и готовы были следовать за ним куда угодно.

Данила Холмский был прямым потомком великих князей и тверских и московских. Его матерью была родная сестра великого князя Василия Темного, то есть родная тетка Иоанна, а отцом – внук великого князя Тверского Михаила. Все это прибавляло ему уверенности и достоинства, которые проявлялись во всех его жестах и поступках. Кто видел Данилу в бою, тот знал – там он быстр, резок, тверд. Здесь, в думе, это был совсем другой человек – неспешный, рассудительный, в чем-то безмятежный. Спокойно обведя своим приветливым взглядом присутствующих, да так, что каждому казалось, что Данила именно его обласкал, он заметил:

– Считаю, что откладывать поход нельзя. Во-первых, зло, подобное новгородскому, должно пресекаться сразу. Во-вторых, нас не ждут так быстро, – это дает нам великое преимущество. И Казимир Литовский, даже если захочет, не успеет помочь. Ну, а болота как-нибудь преодолеем. Господь в нашем правом деле поможет нам.

Холмский слегка поклонился сначала Иоанну, потом остальным членам думы и сел на место.

– Что ты думаешь, Федор Давыдович? – обратился Иоанн еще к одному своему полководцу, князю по прозвищу Пестрый из рода Палицких, потомку великого князя Московского Всеволода Большое Гнездо.

Федора Давыдовича Иоанн помнил с детства. Это был один из немногих бояр, служивших еще его отцу. Здесь же находились и двое других старейшин – князья Иван Иванович Ряполовский и Юрий Патрикеевич Литовский, но Иоанн спросил именно Пестрого, так как хотел подчеркнуть его ценность как первого своего полководца.

Поднялся невысокий худощавый пожилой человек с залысинами на большом лбу, с удивленно приподнятыми бровями, глубокими морщинами возле глаз, губ, какие оставляет частая улыбка. Живые темно-синие глаза его выглядели гораздо моложе и говорили о неиссякаемой энергии.

– Я за немедленный поход, – заявил он твердо. – Новгород – слабая держава, и вольность ей только во вред. Постоянно там бунты и междоусобицы, каждый себе господин, потому нет

никакого порядка. А заводилами, как правило, – крикуны. Кто громче кричит – тот и прав. Вот и вся их свобода. Мы с твоим батюшкой дважды на Новгород в походы ходили. И чем кончалось? Чуть силу завидят – хвост поджигают и бегут мириться, выкуп предлагают, в ногах валяются. Батюшка твой, добрая душа, сразу и замирялся с ними. Они на все условия соглашались, землями да серебром откупались. А сейчас, видно, доброту твою и терпимость за слабодушие приняли – надо им место их указать. Новгород – был, есть и должен остаться владением великокняжеским!

– А ты что скажешь, Иван Иванович? – обратился Иоанн, наконец, и к старому боярину, князю Ряполовскому, тому, что в детстве спас его из Троицкой лавры и укрыл в своем имении. Он, как и Федор Давыдович, происходили от Всеволода Большое Гнездо, а стало быть, также приходился дальним родичем государю.

Встал, как и предыдущие воеводы, немолодой уже, почти седой, но все еще крепкий человек с усталым бледным лицом, с припухшими от нездоровья, но все еще пронзительными, умными глазами.

– Я уж свое, кажется, отвоевал, мой государь, – поклонился он Иоанну. – А если б силы были, тоже пошел бы с вами. Думаю, сын мой Семен не подведет меня, верно послужит тебе в походе. Тоже считаю, что откладывать дело не стоит, момент сейчас подходящий, на границах пока спокойно, казанцы, как будто, надолго притихли, ордынцы между собой дерутся, король Казимир – неважный вояка, вряд ли он сразу решится на поход против Москвы. К тому же на каждый свой шаг он должен у сейма разрешение да деньги выпрашивать, согласовывать да кланяться. К тому же он сейчас, после смерти чешского короля Юрия, никак престол его не разделит, хочет там сына своего посадить Владислава, а ради того должен с Матвеем Венгерским воевать, там силы нужны. Не до Новгорода ему. Думаю, более удобного времени, для того чтобы всеми силами двинуться на изменников, у нас еще не было. А отложимся до зимы – трудно сказать, как дело к тому времени повернется... С Богом!

Один за другим вставали бояре и воеводы, и все были единодушны: изменники государства и отступники от Бога должны немедленно поплатиться за предательство. В думе царило небывалое единодушие и вдохновение. Князья, еще недавно кичившиеся своей независимостью, считавшие каждый себя в душе равным Иоанну, здесь внезапно ощутили свое единство и силу. Они оказались под одной властной и праведной рукой, и это не обижало, напротив, вселяло ощущение какого-то общего государственного величия, мощи и рождало гордость от причастия к этому величию, к этой неодолимой мощи.

Сразу же после думы Иоанн собрал дьяков и продиктовал письма для тех князей и воевод, кто не был приглашен или не смог прибыть на заседание думы. Советовался с опытными полководцами, как лучше сформировать полки, кто их возглавит, по каким дорогам кому двигаться. Старым воеводам пути на Новгород были хорошо известны, они стали прекрасными советчиками – и Ряполовский, и Патрикеев, и, конечно, Федор Давыдович Палицкий.

Уже на следующий день, 23 мая 1472 года, новгородцам были отправлены разметные грамоты. В Псков с приказом также послать Новгороду объявление о войне поскакал Якушка Шатобальцев. Псковское войско должен был возглавить сам великокняжеский наместник, воевода Федор Юрьевич Шуйский. Дважды туда и обратно летали в эти дни гонцы в Тверь: Иоанн убеждал союзника Михаила Тверского действовать с ним заодно и получил твердое его обещание помочь. 31 мая, в пятницу, к Вятке с небольшим отрядом отправился воевода Борис Слепец Тютчев, он должен был собрать там тоже рать и идти с ней на Двинскую землю, которая подчинялась Новгороду. Гонцы мчались также в Устюг к тамошнему князю Василию Федоровичу Образцу с наказом отправляться с войсками на Двину, на соединение с князем Бори-

сом Волоцким и вятичами. Остальные князья и наместники спешно выехали в свои вотчины – готовить в поход полки и дружины.

Естественно, забурлила Москва. День и ночь съезжались сюда из ближних и дальних владений князья и служилые люди с полным обмундированием, орудием и войском. Их размещали по московским и пригородным дворам и монастырям, по чинам и званиям – кого и у бояр в самом городе, кого – у простых людей. Основные полки по традиции размещались в пригороде, разбивали шатры. Братья Иоанна имели в крепости собственные дворы – они со своими воеводами и слугами стояли у себя.

На Троицыной неделе, в четверг, 6 июня на рассвете из Москвы к Русе двинулось передовое войско во главе с красавцем-воеводой Даниилом Дмитриевичем Холмским и опытным Федором Давыдовичем Пестрым. Все шло по своему отлаженному порядку. Уходило одно войско – в Москве начинало собираться другое на освободившиеся квартиры, корма. Великий князь сам смотрел, как одеты воины, чем вооружены, не обижены ли кем. Из Городца-Касимова прибыла татарская конница с царевичами Даньяром и Айдаром – сыновьями умершего два года назад Касима из казанских царей. Еще отец Иоанна Василий Темный взял этого Касима к себе на службу – защищать восточные рубежи своих владений от татарских набегов и дал ему в кормление Городец на Оке, куда охотно съезжались жить соплеменники царевича. С их легкой руки к этому поселению вскоре накрепко прилепили новое название – Касимов. Теперь там наместником стал сын покойного царевич Даньяр, и Иоанн был весьма доволен его службой.

Великий князь вместе с Даньяром в сопровождении рынд, но уже без парадных посольских топориков, а с обычными саблями и ножами на поясах, выехал посмотреть прибывшее татарское воинство, расположившееся в специально построенных для них дворах на Ордынке. Здесь останавливались и огромные татарские посольства, и приезжие из Орды купцы с конями на продажу, другие торговцы. Для более знатных татар, для того же царевича Даньяра, был особый двор в самом городе. Оттуда и ехали великий князь с царевичем на смотрины. Гость неплохо говорил по-русски, и хотя сам Иоанн понимал татарский язык, они предпочитали общаться на московском наречии. Кони у касимовских воинов были справными; непоседливые, горячие всадники выглядели веселыми, сытыми и довольными, оружие – кривые татарские сабли и колчаны со стрелами, копыя и бердыши – всего было в достаточном количестве, все готово к походу.

– Ну как, бойцы, хорошо кормят и принимают вас тут? – спросил Иоанн, не слезая с коня, группу татар, что-то оживленно обсуждавших на своем наречии за столами во дворе под ярким июньским солнышком. Они угощались некрепким медом, который, однако, приводил этот и без того живой народ в еще более оживленное состояние.

– Ай, спасибо, спасибо, – узнав прибывших, заговорили они наперебой по-русски.

Вскакивая из-за столов и кланяясь, они снимая по своему обычаю головные уборы – тюбетейки – расшитые круглые шапочки, которые надевали под шлемы и шапки, не снимая даже в жару. – Вся хорошая, хорошая, – добавил один из них.

– Готовы в поход? Все есть для победы?

В ответ посыпались дружные односложные ответы, что все в порядке.

– Что ж, молодцы. Будете хорошо воевать, награду получите – серебро, деньги! А теперь отдыхайте с дороги – скоро снова в путь.

– Поехали, Даньяр, в Кузнецкую слободу, я покажу тебе, как наши мастера военное снаряжение готовят, небось, интересно?

– Да, да, поехали, – согласился его узкоглазый, низенького росточка напарник с плоским широким лицом, с черной короткой бородой и черной же косой, торчащей из-под заломленной сверху шапки.

Они выехали из двора, и на хорошей скорости направились по просторным цветущим московским улицам, где из-за каждого забора выглядывали ветки яблонь и вишен, прикрывающих своей зеленью одно- и двухэтажные деревянные избы и хоромы с многочисленными дворовыми постройками. Из-под ног выпрыгивали, кудахтая, куры и, стараясь не терять достоинства, отбегали важные гуси. Встречный народ, издали рассмотрев ярко одетых рынд, снимал шапки и низко кланялся своему государю. То там, то тут, на всех холмах и пригорках возвышались над деревьями и над всем остальным позолоченные купола многочисленных храмов и колоколен.

Переехали новый деревянный мост через Москву-реку, потом совсем небольшой, но столь же надежный и прочный через Неглинку, и вскоре выбрались на улицу без мостовых и настилов с растущей кое-где травой на дороге, с пылью и чумазыми ребятишками у заборов. Тут зелени было поменьше, а дома стояли плотнее, ближе друг к другу. Все чаще встречался трудовой народ, мастеровые. Послышались удары по наковальне, появились лавчонки с военным товаром. Возле прочного забора, из-за которого виднелась лишь красная крыша, Иоанн остановился, спрыгнул с коня, отдал поводья рынде. Даньяр поспешил сделать то же самое. Их быстро заметили, ворота гостеприимно распахнулись и какой-то мужичок, кланяясь, пригласил войти. Они прибыли в великокняжеские мастерские.

В просторной избе, в центре стояли на отдаленном расстоянии друг от друга две наковальни с печами, вдоль стен – рабочие столы и широкие полки, на них и на полу был навален металл и готовые разнообразные детали.

У одной из наковален шла напряженная работа. Мастер с подвязанным впереди кожаным фартуком левой рукой держал клещами небольшую раскаленную плоскую деталь, второй бил по ней молотом, сплющивая в тонкую пластинку. В стороны отлетали живые искорки. Охладив деталь в чане с водой, мастер кидал ее в большую коробку и тут же из рук подмастерья брал новую, уже разогретую на огне. Этот процесс снова и снова повторялся, завораживая и примагничивая к себе взгляды зрителей. Труженики не замечали высоких гостей, увлеченные своей работой. Посетители здесь были явлением привычным.

У второй наковальни также стоял кузнец средних лет и тихонько постукивал молотком по маленьким разогретым колечкам. За столами у стен, рядом с окнами, еще несколько мужиков, кто стоя, кто сидя на лавках, что-то кропотливо монтировали, клепали. Увидев великого князя с гостем, мастера кланялись, старший тут же приблизился, всем своим видом давая понять, что готов услужить своему господину.

– Показывай, хозяин, как заказ мой выполняешь, чем похвастать можешь перед гостем!

– Пойдемте, мой господин, – снова поклонился хозяин мастерской и повел посетителей через боковую дверь в соседнюю палату-склад, отгороженную от первой капитальной кирпичной стеной.

Даньяр сразу же обратил внимание на то, что это было одно из немногих в Москве зданий, сделанное полностью из кирпича. Словно прочитав его мысли, Иоанн похлопал рукой по перегородке:

– Недавно тут пожар был, погорела старая мастерская, так мы решили новую из камня соорудить. Второй год стоит – удобно, искры не боится. Тут немало ценностей хранится.

Будто в подтверждение его слов они, едва переступив порог отделения, увидели разложенные на полках уже готовые доспехи. Некоторые из них были закреплены на высоких деревянных болванах, напоминавших фигуры воинов.

– Я своих воевод тут в поход обряжаю, – похвастал Иоанн. – Он подвел царевича к одному из манекенов. – Вот простая кольчуга – доспех кольчатый, байдана называется. Видишь, кольца какие крепкие! Каждое на шип закреплено, оттого прочность его особенно высока. Тяжел весьма, зато просто так саблей не разрубишь. Правда, из-за большого размера колец можно попасть копьем внутрь, но это сделать не так-то просто. К тому же на такой доспех сверху

можно еще бляху или зеркало вот такое надеть. – Государь, разглядев нужную ему вещь на полке, достал ее. – Такие пластины крепятся ремнями спереди и сзади, тогда уж и копьем никто не пробьет. А этот доспех колонтарь называется.

Иоанн подошел к следующему болвану, на нем был надет металлический наряд, состоящий из двух половин – передней и задней – без рукавов и иных каких деталей. Прочные металлические пластины, расположенные поперек груди, скреплялись между собой металлическими же кольцами. От пояса и примерно до колен располагались одни только кольца. Сбоку и на плечах он застегивался железными пряжками.

– Думаю, из этого колонтаря парадный доспех себе изготовить, отдам ювелирам, они украсят его золотой насечкой, серебром, гравировкой, цены ему не будет! Впрочем, если хочешь, я тебе и готовый показать могу. Но это перед походом, он в крепости хранится. Такие кольчуги наши ратники уже два века, пожалуй, носят.

Иоанн подвел гостя к еще одному болвану, на котором был надет целый костюм с длинными рукавами и столь же длинным подолом, состоящий из одних железных колец разной величины. Наиболее крупные кольца сцеплялись, образуя на спине и груди воина прочные прямоугольники, способные защитить наиболее важные органы от мощного удара. Рукава и грудь костюма составлялись из более мелких и тонких деталей.

– На такую кольчугу уходит более сорока сороков колец, – сообщил хозяин. – К нему еще есть специальное кольчатое ожерелье – бармица. Она прикрепляется к шлему и крепче обороняет верхнюю часть груди и шею. Делаем мы и кольчужные чулки – нагавицы.

– Я твоему отцу посылал несколько таких доспехов в подарок, ты видел, наверное? – спросил Иоанн Даньяра.

– Да, видел, они есть у нас, – ответил царевич, внимательно разглядывая кольца и способы их креплений. – Много раз видел доспехи, и у меня есть несколько, – рассуждал Даньяр. – А как можно быстро так много колец сделать – не знаю. У нас так мастера не делают, у нас для простых бойцов тегияй готовят – из толстой материи, и пластины внутрь вшивают металлические.

– У нас рядовые ратники тоже тегияй носят, а как кольца делают, мы тебе сейчас покажем, сам люблю этот процесс наблюдать.

Они закрыли дверь склада и подошли к одному из мастеров, который медленно накручивал на специальное приспособление – круглый штифт – толстую металлическую нить. Увидев, что государь с гостем пришли посмотреть его работу, он приостановился, снял с укрепления штифт и, положив его на наковальню-опору, начал топориком рубить плотно накрученную вокруг штифта нить. Получилось множество разомкнутых колечек одинакового диаметра.

– Каждое из этих разрезанных колец мы свариваем – так образуются целые, – мастер подхватил из коробки горсть уже готовых к работе изделий и высыпал их со звоном обратно. – Потом берем четыре готовых кольца и соединяем одним, разомкнутым, которое скрепляем крошечной заклепкой. Получается, сразу пять вместе. Таким образом, и составляем целую кольчугу.

Было видно, что мастер любит свое дело, гордится им. Иоанн похлопал его по плечу:

– Молодец, Степан, вечером пришлю людей из оружейного приказа за готовыми доспехами. Сейчас их много потребуется. Знаете, что к походу готовимся?

Услышав утвердительный ответ, довольно молвил:

– То-то, спешите! А мы поедем дальше, на оружие поглядим.

Еще несколько минут пути – и они оказались на другом большом дворе, где располагалось сразу несколько мастерских. Великого князя везде знали в лицо, встречали без особого страха, но с уважением. Тут тоже раздавались звонкие удары молотов по наковальням, перекликались меж собой кузнецы.

– Покажи-ка, Митяй, нам твое изделие, – окликнул Иоанн мастера. – Как дела спорятся? Мне теперь много оружия потребуется!

– Знаем, государь, что поход на Новгород готовится. Мы с самой зари и до заката трудимся, всем миром, без передыху. Тут и оружейники, и плотники, и по пороховым делам мастера... Все будете глядеть?

– Нет, ты нас на склад веди, покажи гостю готовое снаряжение, что для простого воина и что для воевод мастерите, что для моих дворцовых ювелиров...

– Пожалуй, мой господин, сюда.

Иоанн и сам знал, куда идти, – чувствовалось, что он тут не в первый раз. При виде боевого оружия у Даньяра засверкали его раскосые черные глаза. Он с огромным интересом разглядывал сложенные на полках многочисленные копья, топоры, алебарды, с уважением подержал в руках мощный шестопер – недлинный жезл с ребристым увесистым набалдашником, потрогал острие бердыша. Особый восторг вызвал у него тяжелый самострел-арбалет, уже украшенный позолоченной инкрустацией по всему деревянному ложу и прикладу.

– Такой арбалет с легкостью пробивает с двухсот сажен кольчугу, – видя интерес гостя к оружию, пояснил Иоанн. – Сваливает и коня, и всадника. Хочешь, подарю?

Ответ он прочел на моментально озарившемся радостью лице Даньяра и протянул ему оружие:

– Бери, твое. А хочешь луки со стрелами поглядеть – ваше любимое оружие? Пошли! Хозяин, покажи-ка свои лучшие сагайдаки!

Подшли к полке, где аккуратно друг на друга были сложены несколько комплектов луков, упакованных в чехлы – налучья из кожи и сафьяна. Иоанн осторожно взял верхний в руки, достал из чехла. Длинные упругие изогнутые плечи лука достигали размера распахнутых даньяровых рук. Для усиления упругости плоские его стороны были оклеены костяными пластинами, в сочленениях деталей лук стягивался сухожилиями, промазанными прочным рыбьим клеем. Весь он был блестящим, новеньким, звонким.

– А вот и стрелы. У нас они делаются из тростника, камыша, березы, можно из яблони или кипариса. Это вон – из тростника, – Иоанн примерил к своему правому боку красивый кожаный колчан. – Хорош! Нравится?

И снова царевич безмолвно кивал, лишь сверкая своими повлажневшими от волнения раскосыми глазами.

– Дарю! Для того и привез тебя, чтоб сам себе воинское снаряжение выбрал. Ты того заслуживаешь. Пойдем, хочу предоставить тебе на выбор еще и саблю с ножом. Можно было бы прямо в оружейном приказе из хранилища взять – да тут интереснее!

Иоанна развлекал сам процесс отбора, осмотра, и потому он повел Даньяра в еще одно складское помещение. Тут они увидели богатый выбор ножей, мечей и сабель с кожаными и костяными рукоятками, с чехлами, малых и больших размеров.

– Бери, что понравится, отдадим сегодня же в золотую мастерскую, там за день-два украсят, будет достойная вещица!

Глаза Даньяра, как говорится, разбежались. К тяжелым большим мечам он, правда, особого интереса не проявил, а вот с десятков сабель и ножей перетрогал, перепробовал на вес и ощущения.

– Вот такой короткий нож с двумя лезвиями, – говорил государь, доставая небольшой, но тяжелый нож из отделанных внутри кожей железных ножен, – носят у нас на поясе, зацепляют там крюком и называют «поясным». Этот – более длинный и широкий с одним лезвием привешивается к поясу слева, называют «подсайдашным». А такой – с длинным кривым клинком – носят за сапогом.

– Знаю, знаю, – закивал головой Даньяр, – у нас тоже так носят, и сами делаем.

Пересмотрев все ножи, царевич выбрал сразу два – поясной и засапожный. Оба с прекрасно отточенными стальными лезвиями, костяными рукоятками. К дворцу возвращались, довольные друг другом и проведенным с пользой временем.

Вскоре в сторону Волочка двинулся ещё один передовой полк. Через неделю после него к берегам реки Меты отправился второй – во главе с московским воеводой Василием Ивановичем Оболенским-Стригой, а с ним и многочисленная татарская конница с даньяровым братом царевичем Айдаром. Сам Даньяр с небольшим отрядом остался рядом с великим князем. А в Москву продолжали съезжаться другие дружины, которые готовились выступить уже с самим великим князем.

Тяжелая махина войны была запущена. Со всех концов Русской земли разными дорогами в сторону Новгорода двигались готовые к бою полки. И теперь Иоанн мог передохнуть и сделать то самое важное, без чего не начиналось ни одно серьезное государственное дело в стране: помолиться и раздать милостыню.

Зазвонили колокола в церквах и монастырях, богатые дары преподносили храмам и обителям и сам Иоанн, и его полководцы, их родители, жены, близкие воинов, просили Господа о содействии, о помощи в сражении с вероотступниками. Молились со страстью, со слезами, с исступлением. Получили милостыню и монахи, и нищие, и просто бедные люди.

А еще в эти последние перед походом дни Иоанн хотел чаще видиться с Феодосией. Княжна приехала неделю назад вместе со своим братом, с Анной и племянником. Великий князь Рязанский Василий, прибыв на зов соседа и родича, привез их с собой, чтобы не оставлять без надежной защиты одних в Рязани. Конечно, великий князь Московский не настаивал, чтобы рязанцы непременно участвовали в походе на Новгород. Ведь в случае нападения Большой Орды они были первыми на пути татар к Москве, к Руси и первыми вступали в бой. Доставалось рязанцам и от Литвы. За полтора минувших столетия много раз Рязань истреблялась врагом едва ни полностью, превращаясь в пепел да камни. И каким-то необъяснимым чудом снова появлялись и размножались там люди, возрождая свой город, сады, вознося к небу еще более прекрасные храмы. Были периоды в истории, когда великие князья рязанские враждовали с Москвой, предавали ее, спасая свои земли и свой народ, склонялись на сторону татар или Литвы. Теперь, с укреплением Москвы, Рязань полностью отдалась на волю великого князя Московского. И хоть еще величали по старой традиции Рязанского князя великим, он уже не смел ослушаться Иоанна. Ибо видел в нем не столько грозу, сколь защитника.

Василий Рязанский прибыл лишь с небольшим полком, ибо боялся оставить город без защиты и готовился выступить вместе с самим московским государем.

Сестра Анна, как и в предыдущее посещение, остановилась по приглашению Иоанна в тереме покойной великой княгини. Правда, на этот раз на втором этаже в комнате рядом с Феодосией расположился ее подросток племянник с няней, но влюбленным это не мешало. Феодосия, терзаемая тоской, ревностью и грустными предчувствиями, рассказала Анне о своей беде. К тому же она вынуждена была наконец-то объяснить ей, почему отказывается от замужества: пригожая Феодосия, несмотря на достаточно зрелый для девицы возраст – двадцать лет, оставалась завидной невестой, и к ее брату не раз обращались свахи с лестными предложениями. Но княжна и слышать ни о ком не хотела. То по-прежнему утверждала, что собирается в монастырь, то говорила, что без любви замуж не хочет, то твердила, что ей и с семьей брата живется неплохо. Наконец все объяснила своей подруге-родственнице, открылась в любви к ее брату. И без того уже подозревавшаяся о романе золовки с братом, Анна не осудила подругу, а искренне посочувствовала ей, пожалела. С тех пор молодые женщины стали еще более близкими душевно. У Феодосии появилась возможность излить свое горе понимающему человеку, и жизнь ее сделалась чуть-чуть отрадней.

Знала об их любви и матушка. Мария Ярославна, долго не выдавала ничем своих подозрений, связанных с этим грехом, и лишь однажды упрекнула сына.

– Понимаю, – сказала она ему, – что тебе, молодому и сильному, трудно жить одному, но почему ты приглядел себе именно Феодосию? Сироту, которую я воспитывала и почитала за дочь, за которую перед Богом отвечаю?

Что оставалось делать Иоанну? Покаялся, сказал, что любит. Ни о возможной женитьбе на ней, ни о заморской и пока что отставленной невесте, верная своему принципу не поучать, матушка говорить не стала. Советы взрослым детям надо давать лишь тогда, когда их просят, – справедливо полагала она и ждала, когда придет ее время. Она чувствовала, что сын и сам не знает, как ему поступить. Иначе давно послал бы сватов в далекую Италию. Иван же все медлил.

Феодосия с распущенными светло-русыми волосами не в первый раз разглядывала себя в большое заморское зеркало, купленное совсем недавно государем у немецких купцов специально для опочивальни великой княгини. Зеркало было чуть темноватым, но она видела в нем всю себя до малейшего пятнышка-родинки на левой щеке. Она чувствовала, что все еще любима великим князем, и продолжала надеяться, что в один прекрасный момент он все-таки решится и оставит ее навсегда рядом с собой. Умом она осознавала, что если бы он хотел, то давно бы посватался к ней, но продолжала надеяться на чудо. Хотя надежда эта, случалось, истаивала до тончайшей ниточки, тем не менее, только она давала ей стимул к жизни, к радости. После их размолвки, связанной с приездом из Рима послов и разговорами о заморской невесте, они долго не виделись, и у нее было достаточно времени, чтобы обдумать свою прошлую и будущую жизнь.

В прошлом у нее было хоть и сытное, но сиротское детство, – без искренней материнской и тем более отцовской ласки. Мария Ярославна была сдержанна и со своими-то родными детьми. . . Редкие поездки на молебны в монастыри, в загородный великокняжеский дворец да выходы в Успенский собор на праздничные службы – вот и все основные развлечения, которые позволяла своим дочерям строгая великая княгиня. Естественно, ничем не мог их порадовать и поразвлечь и слепой ее муж – великий князь Василий Темный. Долгие вечера сидели они в своем тереме, шили-вышивали, читали либо выглядывали в окна своих теремов, из которых были видны лишь дворы с редкими снующими мимо слугами. Конечно, учились писать, считать, вести хозяйство, молились. Из всей той жизни единственной настоящей радостью был он – ее Иоанн. И там, в ее новой рязанской жизни тоже был он один, потому что и там для нее оставалась лишь комната с рукоделием и чтением да занятия с племянником, которому и без нее хватало мамок и нянек.

Словом, и там все ее мысли были сосредоточены на одном – на любимом, на тех мгновениях, которые были для нее самым большим счастьем в жизни, самой большой ее радостью и единственным светом. Она корила себя за то, что начала тогда с ним разговор об их браке, что рассердила его. Как же она боялась, что он не захочет повидать ее больше! Что женится. С ужасом и трепетом встречала каждого гонца или посыльного из Москвы, ожидая, что Анна получит от своего брата известие о его свадьбе, о приезде невесты или, пуше того, приглашение на свадьбу.

И приглашение действительно пришло – весной, но на свадьбу брата великокняжеского – Андрея Большого. И они снова встретились, увидели друг друга впервые после долгой разлуки прямо на свадьбе. Господи, как же он был для нее красив! Как хотелось, чтобы он подошел, обнял, прижал к себе. И она видела – он тоже не остался равнодушным. Он старался отвлечься, говорил, делал распоряжения, поздравлял, но его глаза. . . Она чувствовала, видела – они то и дело обращались в ее сторону, он был взволнован, он весь светился радостью. Конечно, за

общей суматохой, весельем и похмельем это можно было принять за естественное состояние человека, чей брат женится, но она-то знала, в чем тут причина. Тогда же она заметила, что еще одна женщина поняла это – та, кто знала его лучше многих других, – его мать. Мария Ярославна почувствовала неестественное состояние сына, проследила за его взглядами и догадалась, что с ним происходит.

Конечно, в тот день Феодосия постаралась быть красивой. Еще дома, думая об их будущей встрече, она заказала для себя дорогое, нарядное платье и сама расшила его искусным узором и лучшими, оставшимися еще от матушки, камнями. Она перетянула свою тонкую талию широким поясом, серьги ее – длинные и сверкающие – подчеркивали красоту шеи. На голову надела диадему – одного комплекта с серьгами – княжна могла еще позволить себе не закрывать волосы. Ну и, конечно, постаралась искусно подкраситься, хотя волнение украшало ее, конечно же, больше всяких красок. Щеки пылали, глаза светились радостью. Она видела, что мужчины засматриваются на нее, но это лишь мешало и смущало, ей хотелось остаться наедине с Ним.

С трудом дождалась Феодосия той минуты. Поздно вечером, когда гости утомнились, он пришел к ней. Она впитывала его ласки, которые возмещали все ее полугодичное одиночество и тоску беспросветную, снова думала, что они скоро расстанутся, но боялась и слово молвить о том, чтобы вновь не огорчить его и не лишиться себя и того, что есть, хоть и редкого, но единственного счастья. Лишь несколько вечеров были они тогда вместе, и она вновь вернулась с братом в Рязань. Государь ни слова не сказал ей об их будущем, ничего не обещал, не удерживал. А потом княжна рассказала все Анне, та слушала ее, жалела. И посоветовала выйти замуж за кого-нибудь, родить детей.

– Вот увидишь, – говорила она вполне искренне, – ты забудешь брата, найдешь свое счастье в новой семье, перестанешь терзать себе душу. И у него эта блажь пройдет. Ну а позор твой как-нибудь прикроем, не волнуйся!

Но Феодосия не могла представить себя рядом с кем-то чужим, не хотела.

И вот новая встреча. Они уже неделю были в Москве, но великий князь лишь дважды смог прийти к ней. Накануне она ждала его почти всю ночь, не задувая свечи, но он так и не появился. Видимо, так уставал, что было не до нее. А может, уж не любил, как прежде? Да нет же, она видела, чувствовала, что еще любима, что он дорожит ею, но сомнения нет-нет да и терзали ее душу.

Как обычно, перед сном Феодосия распустила по плечам свои густые светло-русые волосы, расчесала их и, чтобы не падали на лоб, по привычке надела на голову обруч. Она уже помолилась и готовилась раздеться, но задержалась на минуту, чтобы оглядеть свое отражение в зеркале. Поверх сорочки на ней была одета просторная опашница из голубого шелка, украшенная двумя рядами серебряных пуговиц.

Приближалась одна из самых коротких московских ночей. Несмотря на позднее время, на улице было еще светло, но сумрачная белизна разливалась уже по комнате, предвещая наступление темноты. Однако пока еще и без свечей она прекрасно видела свое отражение в зеркале. Осталась довольна им. Хоть и называют порой люди девушек ее возраста старыми девами, она пока что не видела на своем лице признаков старения. Напротив, ей порой казалось, что никогда не была она столь красива, как именно теперь. Лицо ее окончательно сформировалось, исчезла детская округлость щек, кожа стала идеально гладкой и чистой, глаза строгими и выразительными. В ней не было теперь юношеской неуверенности, стыдливости, жесты стали более плавными, отточенными. Все это, к сожалению, не помогало ей стать незаменимой.

Феодосия вздохнула. Видно, снова господин ее не придет, надо раздеваться, ложиться спать. От таких мыслей слезы уже едва не навернулись на глаза, но тут раздался шум открывающейся двери, и он в своем домашнем просторном халате появился на пороге. Она, хоть и

ждала его третий день, – с того самого момента, как он предыдущий раз ушел от нее, – все-таки вздрогнула от неожиданности и тут же протянула ему навстречу свои руки. Он подхватил ее, прижал к себе, да так, что ноги ее почти не касались пола, поцеловал. Это был долгий, очень долгий поцелуй – за все три пропущенных дня и за многие предыдущие месяцы. Он снял с нее обруч и поспешил стащить верхнее платье, затем сорочку, она помогала ему.

Потом они лежали в широкой постели, старательно задвинув полог, чтобы не мешали надоедливые комары, и он не спеша разбирал ее волосы, снимая с лица и груди и раскладывая их на подушке. Сумрак все более сгущался, но еще можно было разглядеть лица и глаза, – и они любовались друг другом, боясь потерять каждое мгновение.

– Ты не сердчай, что не смог прийти вчера, пришлось выезжать за город: там собрались основные полки – большой и сторожевой – на тверской дороге. Надо было поглядеть, много ли людей, подвезли ли пушки из Коломны. Поздно ночью уж вернулся, не хотел тебя будить, на сегодня радость нашу отложил. Нынче опять дела да дела... Завтра на рассвете до жары надо в путь трогаться.

– И все? И опять долго не увидимся? – жалобно простионала она, прижавшись лицом к его щеке.

– Так жизнь еще не кончается – увидимся, не волнуйся.

Она опять хотела спросить о том, что волновало больше всего на свете, – почему бы ей не остаться навсегда с ним, не попросить разрешения на брак у митрополита, не передумал ли он сватов в Рим посылать? Но пересилила себя, чтобы не испортить их последний перед большой разлукой вечер, удержать еще рядом, и спросила совсем не то, что хотелось.

– Хорошо ли к походу подготовились? Ты всем доволен?

Оказалось, она спросила именно то, чем он жил все последние дни. Он удивился ее проницательности и вниманию и с удовольствием начал делиться тем, чем действительно гордился:

– Да уж так доволен, что и не ожидал. Прошлый-то, казанский поход – и собрались не все, и в пути не об общем успехе думали, а о том, кто главнее и кто кого слушаться должен, вредили друг другу, ссорились. Князя Константина, которого я во главе войска поставил, – не слушали, родством друг перед другом кичились. Пришлось наказать многих по возвращении, кого кнутом на Торгу по чести повеличать, кого и в тюрьме подержали. Урок пошел впрок. Нынче все дружно явились, никто от похода не отказался, не хвалился независимостью. И воевод я теперь сам назначаю не по роду, а по таланту, и никто уж не спорит со мной, не поминает о местничестве. Если и дальше так пойдет, нам никакой враг не будет страшен!

Она слушала и радовалась, что он разговорился, что делится с ней своими проблемами, такого раньше не случалось. Хотя это было, наверное, естественно, – с кем еще он мог так поделиться, погордиться собой! Не с князьями же, которых он хотел считать и считал своими слугами и послушанием которых так теперь гордился! И друзей близких у него не было – положение не позволяло этого. Вот и получалось, что оставался он, по сути, совсем одиноким.

Потом они снова наслаждались друг другом, а насытившись, ненадолго заснули. Пробудились оттого, что за окном засвиристели на все лады птицы, и рассветная голубизна влилась в комнату вместе со струями свежего воздуха. Почти вместе открыли глаза и сразу же потянулись друг к другу, и волны желания вновь соединили их в одно целое. А еще через полчаса он начал одеваться. Пора было готовиться к походу.

Снова он ничего не сказал ей об их будущем. Он понимал, что надо бы что-то ей объяснить, что-то решить. Но он не знал – как. Его все устраивало. Он видел, что долгое общение наскучивает ему, а такие вот редкие встречи дарят ни с чем несравнимую радость. К тому же он пока вообще боялся жениться, боялся, что все станет, как было у него с прежней женой, – скучно, монотонно и однообразно. Хотя, конечно, Феодосия была другой, и он любил ее, но он боялся однообразия. Главнее, важнее всего этого были для него интересы государства, кото-

рые он напрямую связывал с крепостью своей власти. Брак с Феодосией ничего здесь не прибавлял. Брак же с византийской царевной еще более выделил бы его среди родичей, укрепил грань между ними, позволил поднять власть на еще большую высоту. Он хотел этого. Вот и сражались в нем, который уже месяц, чувства и расчет. И он вновь уходил, не ответив на ее главный молчаливый вопрос.

Солнце только поднялось над горизонтом, а уж воеводы со своими ближайшими сподвижниками собрались на главных площадях крепости – Соборной и Ивановской. Казалось, вся русская знать со всех краев достаточно великой уже земли, Руси, облачилась в военные доспехи. Тут были и конные, и пешие, иные явились в шлемах и дорогих кольчугах, сверкающих на ярком утреннем солнце, другие в обычной верховой одежде, ибо боя пока не предвиделось и доспехи до поры могли покоиться в обозах. Тут же развевались русские стяги, среди которых выделялось черное великокняжеское знамя с золотым образом Спасителя на нем.

Сам Иоанн был одет по походному русскому обычаю, естественно, больше для провожающей публики, чем для сражения, которое неизвестно еще когда можно было ожидать. Сам он лично, после его знаменитой победы над татарами на берегах Оки, в сражениях больше не участвовал. Он справедливо полагал, что для непосредственных боевых действий у него достаточно полководцев. На нем был кожух из греческого оловира, обшитый золотыми плоскими кружевами, золотом же шитые сапоги из зеленого сафьяна. На драгоценном поясе была прикреплена редкой красоты сабля. Иоанн по традиции держал под уздцы коня – свою любимую белую Голубку с седлом, покрытым жженым золотом. К седлу был прикреплен колчан со стрелами, украшенными тем же драгоценным металлом.

Не менее дорого и красиво разodelись его полководцы. Особым нарядом отличались татарские воины – в ярких шапках с отворотами, в кафтанах, из-под которых виднелись тонкие шаровары, заправленные в короткие сапоги. На поясах у татар висели кривые сабли и ножи, стрелы в их колчанах казались более короткими и многочисленными, чем у руссов. Тут же неподалеку стояли государевы охранники – рынды и стрельцы в походных кафтанах до колен, со щитами, шлемами, боевыми топориками и пищалями – новым огнестрельным оружием.

В парадной ризе в самом центре площади стоял митрополит Филипп в окружении прочих святителей. Иоанн, оставив коня слугам, приблизился к владыке, и тот торжественно благословил государя на ратный подвиг. Приняв благословение, великий князь распрямылся, поднял вверх руку – и все зашевелилось, затопало, загремело, где-то в толпе заголосили бабы, добавив серьезности и ответственности моменту. Поход начался.

Слезы выступили и на глаза Феодосии, которая смотрела на торжество вместе с Анной и ее матерью с золотого дворцового крыльца. Нет, она не боялась, что ее государя убьют, она была уверена, что этого не случится. Но она чувствовала, что они вновь расстанутся надолго, если не навсегда, и это терзало ее больше всего. Но она постаралась пересилить себя, не выдавая волнение, хотя и женщины, стоявшие рядом с ней, тоже едва сдерживали слезы.

Своего сына Иоанн оставил в Москве под защитой младшего и самого надежного брата Андрея Меньшого Вологодского с татарским царевичем Муртазой. Им предстояло охранять город.

В те же дни из своих уделов с дружинами выступили и другие князья – три родные брата Иоанна: Юрий, Андрей Большой и Борис Васильевичи, дядя, Михаил Андреевич Верейский с сыном Василием. Воеводы тверские Юрий Дорогобужский и Иван Жито присоединились к Иоанну в Торжке. Сюда же, в Торжок, явились и послы псковские с сообщением, что Псков, выполняя повеление великого князя, послал в Новгород разметные грамоты и готовится тоже выступить на изменников.

Двигаясь по новгородской земле, соединенные русские войска, исполняя приказ государя не щадить клятвопреступников, творили страшное опустошение: истребляли все огнем и

мечом, не жалели никого. Отовсюду слышались вопли, стоны, пламя пожирало и бедные лачуги крестьян, и богатые дома их хозяев. Тех, кто успевал выскочить из домов, рубили, кололи, топтали конями, воины видели в изменниках вере врагов хуже ордынцев.

Князь Данила Холмский вел свой передовой полк без длинных стоянок, давая людям лишь хороший ночной отдых, и уже 23 июня добрался до Русы. В тот же день его brave воины захватили и подожгли этот город, попытавшийся оказать сопротивление. Это был, конечно же, не первый поход Данилы, не первое сражение. Видел он и прежде, как горят мирные жилища в пригородах Казани, в оставленных татарами русских селах и городах. Но тут, в Русе, услышав в одном из дворов вопли женщины: «За что?!» и увидев, как воин, заколов ее детей, зверски начал кромсать кинжалом и ее, вдруг, содрогнулся, подумав, что это ведь русские люди убивают своих же, руссов! Не они ведь задумали эту дурацкую измену, не они заключали договоры с латинянами, все ведь не они... Так действительно – за что?

Он замахнулся было своей саблей на воина-убийцу – обычного рыжего мужика, но, увидев, как тот удивленно и испуганно отпрянул от него, резко развернул коня и ускакал прочь, чтобы не прослыть жалостливым по отношению к врагам. И потом целый день видел перед глазами эту растерзанную семью и думал – за что? Справедливо или нет убивать людей, которые не причастны к развязыванию войны? Да, они рожают и растят воинов, воспитывают их – в этом есть вина матерей и отцов. Да, они и потом питают их хлебом и духом. Конечно, разгром городов и убийство его жителей – акт устрашения, который остается в памяти народной и отвращает людей от следующей измены. Но ведь новые и новые войны не они начинают, а те, кто сидят за крепкими стенами, в красивых хоробах и откупятся потом от наказания. А эти страдают.

Красивые ласковые глаза Данилы погрузнели. Он поспешил увести свои полки от разгромленной Русы к берегу озера Ильмень. Здесь он приказал разбить лагерь для ночного отдыха, дождался, пока поставили его шатер, приказал выставить надежные дозоры и пошел к себе. Князь Федор Давыдович звал его вместе отужинать и меду попить, но Холмский отказался, не желая никого ни видеть, ни слышать. В ушах его все стоял предсмертный вопль молодой окровавленной женщины: «За что?!»

Под утро Данила увидел сон. Изящная юная девушка в струящейся одежде зашла в его палату с подносом, на котором дымилась горячая еда – жареный лебедь, пироги с зайчатинной, стакан горячего бульона. «Откуда ты, такая красивая?» – спросил он. «А я узнала, что ты не ел вечером, вот и принесла», – заговорила она нежным ласковым голосом. «Вот хорошо, – обрадовался Данила, – я действительно голоден». Он сел на своем тюфяке и предложил: «Сядь рядом, вместе поедим!» Едва протянул руки за куском, как раздался страшный грохот, поднос упал, еда рассыпалась, а юная девушка превратилась в ту женщину во дворе и начала кричать: «За что?! За что? Враги, подъем! Измена! К бою!». Голос ее, вдруг, превратился в мужской, затем в тревожный перелив трубы, и Данила, наконец, понял, что кричат не во сне, а на улице.

Он с усилием открыл глаза: никакой девушки и никакой еды рядом, естественно, не было. За стеной шатра вопили разными голосами воины, громко призывала к бою труба. Данила вскочил на ноги – он был почти одет, натянул на себя панцирь и сапоги, вставил голову в лежащий наготове золоченый с семейным гербом шлем, схватил в руки пояс с саблей и выскочил из палатки. К нему уже бежал одетый оруженосец, уже стоял с оседланным конем слуга без сапог – босой, лохматый и заспанный, но наготове. Данила, пристегивая пояс с саблей справа и нож слева, слушал подбежавшего сторожа, который докладывал срывающимся от волнения голосом:

– Мы их на земле караулили, а они в судах по туману неслышно подплыли, теперь сюда идут. Там уже наши некоторые с ними схлестнулись.

Данила схватил под уздцы коня, кинулся к соседнему шатру князя Палицкого. Тот тоже был уже одет, они вскочили на коней, к ним со всех сторон стали съезжаться и сходиться ратники. У иных на сонных еще лицах отражался неопиcуемый страх, кто-то крикнул: «Бежать надо, оплошали!»

– Я тебе побегу, сукин сын! – что есть мочи закричал окончательно проснувшийся, молодой, здоровый и вполне бодрый Холмский. – Стройся-я-я! К бою готовься! Пешие – вперед!

Над ухом Данилы просвистела первая стрела, но он даже не пригнулся, лишь взмахом руки дал знак пехоте двигаться навстречу бегущим от берега новгородцам, растянувшимся на многие десятки метров. Оценив обстановку, он скомандовал коннице разделить врага и окружать его с правого и левого флангов.

Началась жестокая сеча. Сначала Данила с небольшим отрядом охраны лишь наблюдал, как идет сражение, но группа новгородцев прорвалась в центр, к месту его стоянки, и ему самому пришлось вступить в бой вместе с охраной, слугами и даже конюхом, который все-таки успел надеть сапоги и доспехи. Стрелы свистели рядом с Данилой, но Бог миловал его, он рубил пеших новгородцев, которым, конечно, трудно было тягаться с конными ратниками. Тут уж Данила не знал жалости. Он видел, как слетела от его удара с плеч врага голова и, брызгая кровью, брякнулась на землю, а тело все еще по инерции стояло с поднятой рукой, в которой была зажата огромная палаша, предназначенная для удара. И уже без головы это большое тело рухнуло на землю. А Холмский продолжал отбиваться от следующего храбреца, хорошо защищенного доспехами, и наконец, отсек ему руку с боевым топором и ногой оттолкнул новгородца в сторону.

Рядом сражались товарищи, и вскоре смелая атака нападающих захлебнулась. Холмский смог дальше наблюдать за боем, который продолжался еще два часа. Новгородцы были полностью разбиты. На глазах у пленников топили их доспехи и оружие, говоря, что великокняжеским дружинникам и своего добра хватает, потом под жуткие вопли резали пленным носы, губы, а иным и уши и отправляли домой, в Новгород, рассказать о том, как сражаются настоящие воины.

На эти процедуры Холмский уже не смотрел, он вместе с Федором Давыдовичем отправился, наконец-то, позавтракать. По пути не преминул сделать выговор командиру дозорного отряда, который чуть не прозевал врага. Тот виновато молчал, и Холмский смягчился:

– Понимаю, что с реки мы не ожидали нападения, хорошо, что все-таки заметили, успели предупредить. Наказывать не стану – поход еще предстоит долгий, но впредь смотри мне. Из-за вашей лени и ротозейства все можем погибнуть. Посылай подальше разведку и гляди в оба. Мы не у мамки в гостях – на вражеской земле!

Пожурив воеводу, Данила вернулся в свой шатер, где уже был накрыт стол и ждал князь Палицкий. Конечно, еда была не столь приятной, какой представлялась она ему в утреннем сне, но оставшаяся с вечера реальная холодная курица, сало, копченое мясо и чаша крепкого меда показали ему неплохой компенсацией за несбывшийся сонный пир. Он ел с чувством человека, вполне заслужившего свою трапезу. Настроение у князей было прекрасным, а после бокала медовухи они начали охотно обмениваться впечатлениями. Худощавый, со своими по-детски наивными молодыми глазами и удивленно вскинутыми бровями седой и чуть польсешивший Федор Давыдович походил на счастливого непоседливого ребенка, который победил в игре своего приятеля.

После сражения, где он не только храбро бился, но и пострадал – получил удар по руке топором, который, к счастью, лишь задел его и пришелся своей основной силой на коня, Палицкий уже пришел в себя. И счастливый от сознания, что мог погибнуть, как его конь, но остался жив, шутил, не переставая, и его вскинутые брови, то и дело, приподнимались еще выше.

– Конь-то мой, как присел от удара и начал заваливаться, я решил: конец мне сейчас – придавит, тут новгородцы меня и добьют. Мысленно уже с жизнью прощаюсь, а тело-то мое жилистое никак того не желает, ноги из стремени сами собой повывлетали! А конек мой, спасибо, так осторожно падал, что я как Ванька-встанька на ноги вскочил да того новгородца саблей-то, как трухлявый пенек, и разделал. А тут и воины мои рядом оказались. Тогда только почувствовал, что рука болит, кровь увидел, да уж это мелочью показалось по сравнению с тем, что могло быть!

– Сейчас-то ноет? – спросил заботливо Холмский.

– Терпимо, левая пострадала, мне ее зельем замазали да завязали. А это не помеха для воина, даже на лечение не отпрошусь, – продолжал шутить, как мальчишка, пожилой воевода.

За кожаными стенами шатра вдалеке слышались возбужденные голоса, вопли страдавших от истязаний пленников, потом все стало затихать, бойцы тоже приступили к сильно задержавшемуся завтраку. А князя сидели на тюфяках, по-татарски подогнув ноги, перед деревянным раскладным столиком и понемногу потягивали из бокалов ароматный медовый напиток. Слуга добавлял им еду, принес и еще кувшин меда. Но Холмский приказал убрать.

– Передохнули, пора дальше в путь собираться. А погулять еще успеем – вот только с делами управимся. Согласен, князь?

– Да, друг мой, верно. Все не перепьешь, не переешь. Всему свое время.

Князья завершили трапезу, встали, распрямили затекшие ноги, вышли из палатки на солнце. Оно уже палило нещадно. Приближались самые длинные дни в году, на небе вот уже который день не было ни единого облачка.

– Ну и жара, – заметил Холмский. – Может, переждем до вечера, пусть народ соснет малость – заслужили, а жара спадет – двинем дальше, к Шелони, ты не против, Федор Давыдович? – спросил своего коллегу Холмский.

– Думаю, что ты хорошо придумал, – каламбурил воевода по-прежнему счастливый тем, что остался в живых.

– Передай трубачу, пусть даст сигнал на отдых, – приказал князь Данила дежурному вестовому.

Он обернулся к Пестрому и тихонько, чтобы не потревожить раненую руку, похлопал его по плечу:

– Пойдем по домам, Федор Давыдович!

Они уже начали было расходиться, как вдруг вместо спокойной мелодии «на отдых» оба услышали резкий, тревожный, разлившийся на все побережье звук трубы, призывавшей к бою. Мигом князья оказались снова рядом, а возле них – те же, кто был и поутру, но на этот раз не заспанные, в полном боевом наряде. Издали бежал вестовой:

– Сторожа сообщили: сюда идут пешие новгородцы – большое войско, большее, чем было утром. Что прикажете делать?

– Как что? – Холмский поглядел своими прекрасными спокойными глазами на Пестрого. – Драться, так ведь, князь?

– Конечно, – не выходя еще из счастливого состояния человека, недавно избежавшего смерти, охотно согласился Пестрый и легонько потрогал свою руку. Она болела. Но князь знал – эта боль до поры, придет нужда, – он ее пересилит и забудет. Тем сильнее и надежнее поработает, коль понадобится, здоровая, правая. И князья поспешили вновь надевать доспехи.

Лишь позже от пленных москвичи узнали, каким образом разворачивались события у врага.

Глава VI

Шелонская битва

«Нет свободы, когда нет силы защитить ее».

Н.М. Карамзин «История государства Российского»

Узнав о наступлении великокняжеских войск, новгородцы пришли в неопишумый ужас. Они никак не ожидали, что Иоанн решится напасть на них летом, – обычно в это время их болота и реки становились непроходимыми. Спешно начали собирать ополчение – всех, кто более-менее умел держать оружие. Таковых было в Новгороде Великом немного. Люди здесь в последние годы предпочитали торговать, заниматься ремеслом, а не воевать. Немало мужей, умевших держать оружие, находились далеко от города в своих имениях либо на промысле, на охоте. Даже дети боярские, и те поотвыкли упражняться в воинском искусстве – предпочитали развлекаться. Но когда возник вопрос, что делать дальше, как быть, принять ли вызов Иоанна или бежать на поклон, – тон этому спору задала Марфа и ее сторонники. Решили сражаться за свою свободу.

Послали гонца к Казимиру Литовскому за помощью, которую тот обещал, погнали человека и к магистру немецкого ордена просить поддержки против Москвы – ниоткуда пока не было не только помощи, но и ответа. А за великого князя, по их известиям, выступила вся Русь, включая и дружественное им Тверское княжество. Литовский «защитничек» князь Михайло Олелькович, сославшись на смерть брата, наместника Киевского, а скорее всего, недовольный не очень-то щедрым приемом и испугавшийся нешуточных угроз со стороны Иоанна, сбежал со своим воинством еще в марте, пограбив по пути Русу. Естественно, больше он в Новгороде не появлялся. Другого своего служилого князя-воеводу Василия Шуйского-Гребенку они отправили защищать Заволочье, боясь, что Иоанн захочет захватить этот принадлежащий им богатый край. И теперь остались один на один со своей бедой. Да еще псковичи навалились на них всеми своими силами во главе с воеводами великокняжескими, осадили Вышгород и вынудили его сдать, грабя все земли окрест на пятьдесят верст. Гонец из Вышгорода молил о помощи.

Переругавшись на очередном вече, новгородцы решили все же обороняться. Начали собирать ополчение и против воевод великого князя и на изменников – псковичей.

Полк, приготовленный против москвичей, разделили на две части, одну рать отправили вдоль берега Ильменя, вторую – по воде, на судах. Рассчитывали, что они будут двигаться рядом, а, встретив противника, нападут вместе. Еще ожидали, что одновременно им на подкрепление подойдет конный отряд архиепископа. Но водная рать опередила. Обманув московскую охрану и разведав, что враг числом невелик, решила напасть одна и все лавры победителей забрать себе. И поплатилась за самоуверенность. Оставшиеся в живых вояки, изувеченные, окровавленные и перепуганные, поспешили вдоль реки домой и по пути столкнулись со второй, сухопутной, частью полка. Пока делились впечатлениями и выясняли отношения, сторожевые отряды Холмского засекли вновь прибывших, прикинули их число и доложили воеводам.

Теперь и те, и другие решали, как быть дальше. Московские воеводы прикидывали, стоит ли нападать первыми или подождать, пока враг приблизится, использовать возможность как следует подготовиться к бою. Новгородцы же принялись спорить. Одни призывали подождать архиепископскую конницу, другие считали, что надо, пока не поздно, бежать. Сторонники новгородской вольницы требовали сражения, говоря, что их теперь больше, а московский полк малочислен. А потому победить его нетрудно, к тому же москвичи наверняка устали в недав-

нем бою. В результате двинулись навстречу друг другу, и новая битва под жарким солнцем закипела с новой силой.

На этот раз Холмский убедил Федора Давыдовича без крайней нужды в бой не лезть, побыть в стороне. Что касается усталости, новгородцы крепко просчитались: утренняя победа окрылила великокняжеских воинов, а несколько часов отдыха и хорошая еда полностью восстановили силы, так что они сражались как львы. Передовой полк Холмского к тому же был прекрасно обучен и оснащен, в отличие от новгородцев, половина из которых никогда не занималась военным ремеслом. Через пару часов боя остатки новгородцев, помнившие, что произошло с их предшественниками, что есть духу бежали с поля боя, унося свои ноги, носы и уши. Архиепископская конница так и не пришла – владыка не решился выставить ее против великого князя.

Московские воеводы теперь лично в бой не вступали, лишь Холмский, скакавший верхом от одного места сражения к другому и направлявший в нужные места конницу, пару раз попал в небольшие стычки. Он не лез на рожон – кто знает, что еще надумают эти предатели и вероотступники, может, через час новое войско пришьют. Силы могли еще пригодиться.

Новгородцы с позором бежали. Москвичи собрали с поля боя убитых, оказали помощь раненым. Потери были небольшими, несколько телег с пострадавшими сразу же отправили в Москву. А к великому князю помчался гонец Тимофей Замытский с вестью о победе.

Сам князь Холмский со своим воинством двинулся дальше лишь на следующее утро, после хорошего и заслуженного отдыха, в сторону Демона-городка, новгородской крепости, которую надо было взять. В пути получили приказ от Иоанна: сменить маршрут, идти к югу от озера Ильмень на соединение с псковичами, за реку Шелонь. Великому князю донесли, что новгородцы готовятся отомстить Пскову, своей бывшей вотчине, за измену, за поддержку Москвы. Потому главные свои силы хотят направить именно туда. Сами же, меж тем, послали к Иоанну гонца просить мира. Таким образом, псковичам грозила беда. И князь Данила Холмский развернул свое воинство в сторону реки Шелони.

Новгородцы действительно собрали ополчение на Псков. Процесс этой последней мобилизации воинства шел с великим трудом. Владеющих оружием в городе осталось совсем немного, и чтобы создать хоть какую-то видимость приличного войска, чтобы хоть припугнуть псковичей его размерами, стали загонять туда всех людей подряд, в том числе и ремесленников, даже купцов, которые отродясь оружия в руках не держали. Те, естественно, сопротивлялись, орали на вече, отказывались повиноваться.

– Я же вас не заставляю обувь точать, – кричал в ответ на уговоры и приказы боярских детей один из новобранцев – сапожник с Людина конца, кудрявый молодец с огромными красными кистями, в одной из которых он держал врученный ему боевой топорик. – Я ж разве этой штукой умею работать? – размахивал он в воздухе своим нехитрым орудием. – Это ваше служилое дело!

Другие «новобранцы», подталкиваемые и насильно стоняемые на сборный пункт боярскими детьми и воеводами – сторонниками Марфы Борецкой, поддержали его истеричными криками и шумом:

– Правильно говорит, наше дело пахать да сеять, гончарить да торговать... Вы эту войну затеяли – сами и расхлебывайте!

– Да мы ж не отказываемся, мы впереди вас двинемся, – оправдывались их конвойные.

Как бы там ни было, в третье ополчение, на псковичей, насобирали около четырнадцати тысяч человек, одели их в кое-какие доспехи, посадили на коней. Убеждали, что даже одна победа может решить участь Новгорода. Доказывали, что псковская рать – слабая, победить ее будет просто и бояться нечего. Мол, разбежится она от одного грозного вида новгородцев.

Словом, на рассвете многотысячное воинство во главе с посадником, молодым воеводой Дмитрием Борецким, окруженным другими знатными воинами, двинулась по берегу озера Ильмень в сторону реки Шелони – навстречу ожидаемому с этой стороны противнику.

Не успели в Новгороде затихнуть разговоры о сборах и проводах, как вновь раздался тревожный гул вечевого колокола. Все, кто имел право представлять от своих сторон и сословий на большом вече, и те, кто не имел такого права, но хотел все знать, побросав дела, поспешили в сторону Ярославова двора. И уже в пути услышали новости одну страшнее другой. Начали прибывать домой наголову разбитые московскими воеводами новгородцы, посланные в сражение первыми. Наконец-то, прибыл гонец, посланный к королю за помощью. Он сообщил, что магистр Ливонский не пропустил его в Литву, к Казимиру, продержав несколько дней в неволе. Магистру, конечно, не нравилось владычество московское над богатой соседней землей, но еще больше ему не нравилась возможность владычества литовского. Гонец добавил, что, судя по всему, ни немцы, ни ливонцы с помощью не спешат – пересылаются грамотами, совещаются, ополчения не собирают. Там же он узнал, что Казимир сейчас занят с войсками на западе – не до новгородцев...

Собравшихся на вече привел в ужас вид явившихся сюда окровавленных, с обрезанными носами и губами людей. Такой жестокости от своих единоверцев, от москвичей, никто не ожидал.

На возвышении, неподалеку от колокола, стояли степенный посадник хитроглазый Ананьин, бояре Иван Афанасьев и Никита Ларионов, ездившие в Литву подписывать грамоты, посадники Афанасий Евстафьевич, Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович и другие. Они тоже смотрели на окровавленных, ободранных, без доспехов и оружия воинов и не находили слов, чтобы успокоить разволновавшийся народ. До бояра доносились проклятия и упреки:

– Где ваши хваленые литовские защитники?

– Допрыгались, накликали беду на Новгород!

– Радетели за свободу! Будет вам свобода! Вот великий князь сюда явится – всех порежет!

Но сторонников Литвы и воли оставалось ещё предостаточно, и они не молчали, защищая свою точку зрения:

– Еще не все потеряно, ополчение только вышло, мы можем еще победить.

– Так то против псковичей, а со стороны Москвы к нам путь теперь открыт: приходи и бери нас голыми руками!

– Да ведь замирился еще не поздно, – откликнулся, наконец, один из тех, кто принимал решения, боярин Никита Ларионов. Обернувшись к выборным, он громко объявил: – Мы послали недавно гонца к великому князю за опасной грамотой для переговоров, и только что ее получили. Теперь можно к великому князю послов отправлять. Решайте, на каких условиях будем мир заключать. Только сдается мне, условия окажутся для нас тяжелыми!

Народ замолк, боясь пропустить хоть слово боярина. Но тут, откуда ни возьмись, на возвышение выскочила сама вдова посадская – полногрудая Марфа Борецкая, как всегда бодрая, свежая, богато одетая, в легком шелковой летнике с широкими рукавами. Зычным, далеко слышным голосом она перебила Ларионова, боясь, что тот, занимая промосковскую позицию, уговорит народ согласиться на все условия.

– Братья-новгородцы! Неужели мы так просто покоримся супостату? Неужели нет у нас стен крепких, пушек боевых, людей храбрых? Неужели я, баба, буду вас мужеству учить? Что, совсем уже не осталось воинов в этом городе? Тогда мы, бабы, юбки на вас наденем, а сами отправимся свой город защищать, на стены полезем! Стыдно вам должно быть, вольные новгородцы! – сказав все это, Марфа тут же куда-то исчезла.

Слова Марфины произвели впечатление. Народ зашумел, задвигался и снова разделился на два лагеря: одни вопили, что надо мириться с великим князем, другие кричали, что Новго-

род – город вольный, а за волю свою стоять надо. Степенный посадник Василий Максимович Ананьин пытался призвать сограждан к спокойствию, заставить слушать себя, чтобы обсудить хоть как-то вопрос и принять законным большинством решение, но народ так распалился, что, кажется, в тот день уже никакого решения принять было невозможно. В нескольких концах толпы вспыхнули потасовки сторонников и противников переговоров. Видя, что вопрос сам собой откладывается, а также зная, что время для решения еще терпит, бояре удалились с веча в великокняжеский дворец, где имелись для вечников специальные палаты, где можно было обсудить проблемы в более спокойном ритме. А народу полезно побурлить, выпустить пар, и подумать, что делать дальше. Марфины сторонники хорошо знали, что время и деньги обычно работают на них.

...После предыдущих двух битв пятитысячный полк Холмского потерял убитыми и ранеными около сотни человек. Новгородцев, только убитых, оказалось более пятисот человек. А раненых и увечных, тех, кто сумел ноги унести с поля сражения, никто и не считал. Передохнув остаток боевого дня и следующую ночь, и получив от государя приказ – следовать к реке Шелони на подмогу к псковичам, отряды развернулись и пошли в указанном направлении, на запад.

Двигались еще несколько дней. Для сбережения сил самую жару пережидали в каком-либо лесочке, обедали, отдыхали. Естественно, вокруг выставляли надёжную охрану, вперед высылали сторожевые посты – урок первого боевого дня, чуть не закончившегося трагически, не пропал даром. 14 июля, после очередного небольшого отдыха, вновь двинулись вперед. Вскоре сторожа подтвердили данные проводников, что река Шелонь совсем рядом – в получасе пути. Народ, томившийся от жары и сухости, охотно двинулся к реке, предвкушая наслаждение от близости воды, от возможности освежиться ею.

Солнце перевалило за полдень и уже склонялось к западу. Жара слегка умерила свой пыл, но слабый ветерок все еще оставался теплым, был пропитан зноем. Князя Данила Холмский и Федор Палицкий шли пешком рядом, в легких боевых поволоках, под которыми виднелись короткие кафтаны из тонких тканей, перетянутые поясами, на них, как положено, висели ножи. Все остальное оружие и доспехи лежали в обозах – не было нужды в такую жару тащить их на себе. То же разрешили сделать и другим бойцам, так как были уверены в сторожах и в охране, в том, что в случае надобности их предупредят, что будет достаточно времени для подготовки к бою. Князя беседовали о породах лошадей, – какие лучше и выносливее, о собаках, об охотничьих соколах и ястребах. Вокруг двигались люди, кони, поскрипывали телеги, слышались спокойные голоса и фырканье лошадей.

Неожиданно это спокойное монотонное шествие прервалось тревожным переливом трубы и пронзительным криком, который подхватили другие голоса:

– Вороги! Вороги! За рекой! Новгородцы!

Дорога впереди вела под гору, об этом можно было судить по уходящим вниз спинам и головам передовых отрядов. Холмский тут же оглянулся, отыскивая глазами своего коня, вскочил на него, собираясь поскакать вперед, чтобы увидеть, что там творится, но этого не понадобилось: уже с коня был виден зеленый берег реки, ее голубая, уходящая вдаль лента и за ней, на противоположной стороне, огромное количество конной и пешей рати. «Не псковичи ли это?» – подумал он, но, тут же, засомневался: те не должны были встретиться так рано, и потом, сторожевые отряды, видимо, разглядели знамя новгородское, которое сам он пока еще не мог различить.

Холмский немедленно приказал трубить боевой сбор, и войско, заслышав переливчатые, пронзительные звуки, на ходу начало облачаться в доспехи, готовить к бою оружие. Сам Данила Дмитриевич снял с обоза и надел шлем, панцирь, латы, прикрепил свою драгоценную, еще отцовскую саблю и вновь вскочил на коня. То же проделал и его старший товарищ Федор Давы-

дович, и все остальное воинство. Обоз – телеги с запасом продуктов, оружия, с шатрами и прочим скарбом замедлили ход, оставаясь в тылу. Отряды по отработанной уже схеме выстраивались боевым порядком: правое и левое крыло с конной ратью, пеший центр. Стрельцы с готовыми к бою, наложенными на рожанцы стрелами выдвинулись вперед, приблизились к самой воде.

Река по берегам метра на два-три, а в иных местах и более, от жары подсохла, затвердела и стала совсем неширокой. Были видны лица противников и, конечно, слышны голоса. Началась уже традиционная в таких случаях перебранка. С одной стороны неслось:

– Предатели, вероотступники, нехристи!

С другой:

– Злодеи! Узурпаторы! Грабители треклятые!

И с обеих желали друг другу скорее отправиться в Тартар, к нечистой силе, обещали обрезать носы и уши и оставить на пропитание волкам и воронам. Новгородцы бранили Иоанна, обзывая его вором и Бог еще весть какими недостойными «титулами». Метали друг в друга стрелы, но те, долетев до противоположного берега, теряли силу и плавно брякались в подсохший песок под ноги вражских коней.

Московское войско все больше распалялось желанием броситься на врагов-вероотступников, а князя в это время совещались с командирами дружин о том, что предпринять. Противник по виду превосходил численностью раз в десять. Правда, князя опытным взглядом оценили уже, чего стоят те бойцы, – даже издали было заметно, как плохо держались многие из них в седлах, как неуклюже волокли оружие, как висели на хилых телах, словно помеха, доспехи. Конечно, были там и воины, выделявшиеся статью и выправкой, но их было немного. Не в характере храброго и горячего в бою князя Данилы Холмского было бояться противника и выжидать, но тут смущала не только его подавляющая численность, но и препятствие – река. Если она глубока – половину его бойцов можно будет уничтожить стрелами при переправе и добивать мокренских и усталых на противоположном берегу. Такую атаку можно позволить себе лишь, как минимум, при равной численности войск. Проводник, правда, божился, что тут неглубоко, и именно здесь он готовился провести полк на другой берег. Но разведать глубину не успели – никто не ожидал столь быстрой встречи с противником.

– Я сам тут переходил недавно, в самом глубоком месте было – во! – проводник показывал рукой чуть ниже пояса и даже умудрился пошутить: – ну, чуть подмочимся – велика беда, на такой жаре – одно удовольствие! И дно крепкое – коней запросто выдерживает. Все я проверил!

Можно было, конечно, постоять, выждать, может, новгородцы сами в воду полезут. Но те, судя по всему, и не собирались этого делать: дразнили и ругали противника лишь в полной уверенности, что он не решится напасть на них, чувствовали себя за водной преградой в полной безопасности.

Заметил Холмский и небольшое преимущество, которое даст ему немедленный бой: высокое, еще яркое солнце, понемногу скатывающееся к горизонту, светило противнику прямо в глаза, ослепляя его, – при атаке это преимущество немалое. И Холмский решился:

– Други мои! – прогремел его зычный голос, обращенный к дружине.

Народ на обоих берегах мгновенно затих. Князь поднял вверх руку с мечом – весь полк, расположившийся на пологом берегу реки, прекрасно видел его статную, словно слившуюся с конем фигуру в сияющих на солнце доспехах.

– Други мои, – еще раз громко повторил князь Даниил. – Пришло время послужить государю и Отечеству! Не убоимся ни тьмы мятежников, ни препятствий! За нас правда и Господь Вседержитель!

Он развернул своего коня и первый направился к воде. За ним с криками и возгласами «ура!» бросились его воины с поднятыми вверх рожанцами для стрел, рогатинами, копьями, мечами.

И вдруг свершилось чудо – это почувствовал и сам князь Холмский. Вода в реке только замочила копыта коня и при дальнейшем движении стала лишь чуть глубже. Дно словно поднялось на поверхность, обратив реку в большую лужу, и воины великокняжеские шли по воде, как сам Христос Спаситель. В оторопевших от неожиданности при виде небывалого чуда, замерших от ужаса и страха новгородцев полетели многочисленные стрелы. Передние кони, раненные их жалами, вздымались от боли вверх и сбрасывали неопытных седоков на землю. Малодушные вояки, не знавшие прежде сражений, в испуге ринулись назад, в тыл, подальше от берега, и начали давить густо стоящих за их спинами товарищей, еще толком не понявших, что же произошло.

Ужас объял новобранцев. Их более опытные воеводы пытались как-то поправить положение, кричали, требовали повернуть коней назад, к бою, но люди, только что столь храбро и решительно извергавшие проклятия в адрес противника, уже превратились в обычных плотников, сапожников, гончаров и пахарей, заглянувших в лицо смерти и вовсе не желавших отдаться ей. Они бежали прочь от нее, побросав оружие, затапывая конями друг друга. Им везде мерещился безжалостно секущий саблей и колющий копьем противник. «Москва! Москва!» – раздавались душераздирающие вопли на огромной площади в двенадцать верст. Воины великокняжеские и действительно не терялись: секли, рубили почти не оказывающего сопротивление врага, преследуя его и разя без жалости, забирая в плен молящих о пощаде. Весь бой продолжался не более часа, после чего москвичи начали собирать к берегу пленных и тех раненых, которые могли сами двигаться.

Дмитрий Борецкий очнулся от того, что кто-то сапогом пнул его в бок.

– Этот тоже стонет, – услышал он голос, – знатный, видать, богатый! Может, очухается! Хорош пленник! Гляди, какие доспехи – с золотом и серебром, а меч-то, меч...

Дмитрий почувствовал, что у него вытаскивают из-под руки его драгоценный меч и инстинктивно схватил его. Открыл глаза и увидел над собой двух пеших и одного конного воина. Тут же вспомнил, что во время боя, когда он попытался оказывать сопротивление, кто-то сзади ударил его по голове то ли палицей, то ли топориком – прочный шлем спас от гибели, но он, видимо, потерял сознание и свалился с коня. Страшно болела голова, хотелось пить.

– Вставай-ка, изменник и сын изменника, – добродушно обозвал его один из воинов, довольный, видимо, благополучно завершившимся боем и потому не имевший особой охоты браниться. – Пошли к нашему воеводе, познакомись! Ты, видно, их круга птица. Вот уж получишь теперь и славы, и почестей по самую макушку, – продолжал балагурить он, помогая новгородскому воеводе подняться, и, видя, что тот шатается, поддержал его левой рукой за плечо. В правой он держал тоже, видно, трофейный дорогой меч; свой болтался у него на боку в ножнах. Второй москвич, молча, шел рядом, поглядывая по сторонам и ища себе новую добычу. Увидев в стороне убитого, хорошо обряженного воина, он забрал у него нож и пояс – законную добычу. Шлемов и другого боевого наряда у победителей было явно достаточно, – они не трогали этот обычно тоже ценимый трофей.

Воины Холмского потихоньку стекались с пленными и с добычей к берегу, на котором немногим более часа назад начинался бой. Сюда уже переправили через реку и обозы – так же легко, как и само войско. Князь Данила с проводником еще раз прошли реку туда и обратно, и даже проводник, исходивший здесь не одни сапоги, удивлялся:

– Надо же, как обмелела?! Отродясь такого не было! Тут обычно летом по грудки бывает. В самую жару – по пояс остается. Но чтоб вот так совсем усохло!? Это уж, точно, Господь на новгородцев прогневался!

Лето действительно выдалось на редкость засушливое. Как ни молили новгородцы дождя-защитника, он так с самой весны ни разу и не закапал. В результате войска великокняжеские шли по обычным болотам, как посуху, переправлялись через реки, как по мосткам, не замечали мест, где в обычное лето разливались озера, засасывали болота. Вот, и Шелонь – одна из самых полноводных рек новгородских – подвела...

Громкий трубный глас возвестил над Шелонью и над усыпанным трупами полем победу, бойцы сошли с коней и, установив рядом со знаменами образа Спасителя и Пресвятой Его Матери, прямо под открытым небом совершили молебен. Подсчитали трофеи. Оказалось, взяли около тысячи семисот пленников, в том числе знатнейших детей боярских и посадников Дмитрия Борецкого, Василия Казимира, Кузьму Григорьева, Матвея и Василия Селезневых и других. Захватили обоз с добром и продуктами. К государю помчался гонец Иван Замятия с радостной вестью, что передовой отряд Холмского фактически решил судьбу всего похода, разбил главное войско новгородское на Шелони, и путь к Новгороду открыт. Пленные и обозы были отправлены к государю в Русу, а Холмский со своим отрядом, не встречая уже никакого сопротивления, двинулся к Нарове, опустошая по пути новгородские села.

Известие о столь быстрой и легкой победе воодушевило Иоанна и его окружение. Как водится, отслужили молебен, отблагодарили Бога за помощь и, с удобствами расположившись в Русе, которая начала уже отстраиваться после пожара, стали ждать вестей из Новгорода, от других своих полков. И вскоре очередной гонец сообщил, что московские воеводы Василий Образец и Борис Слепой разбили на Двине новгородского воеводу Василия Шуйского-Гребенку. Тот же гонец рассказал и о подробностях ожесточенного сражения, которое продолжалось целый день. Москвичи убили трех знаменосцев и захватили новгородскую хоругвь, а сам воевода новгородский, израненный, еле сумел спастись в лодке: бежал с товарищами в Холмогоры, а оттуда в сам Новгород. Таким образом, великокняжеские полки покорили всю двинскую землю, привели ее жителей в подданство Москвы, значительно расширив территорию Руси.

Однако следующая весть возмутила Иоанна. Новгородцы, напуганные жестокостью московских войск, переругавшись и перессорившись, вместо того, чтобы воспользоваться опасной грамотой и начать переговоры о мире, решили обороняться. Пожгли собственные посады, приготовили пушки и ждут нападения. Разозлившись, Иоанн приказал казнить четверых знатнейших своих пленников, активных сторонников Литвы, в том числе марфиного сына Дмитрия Борецкого. Великий князь уже провел расследование, допросил не только своих пленных противников, но и сторонников, которых оказалось тоже предостаточно. Теперь он хорошо представлял, кто из его врагов чем занимался и чего достоин. Шестерых приказал оковать в железа и отвезти в Коломну в заточение, других – в тюрьмы московские, некоторых простых людишек, насильно втянутых в войну, велел отпустить по домам.

Казнь совершили здесь же, в Русе, в присутствии ее жителей и пленных новгородцев – «для науки». Палач по очереди подходил к стоящим на коленях, приготовленным к смерти жертвам и молниеносно опускал топор на их оголенные шеи.

«Эх матушка!» – подумал, склоняя голову к плахе Дмитрий. Последнее, что увидел этот молодой, сильный, влюбленный в жизнь человек, – зеленеющую на земле травинку, а затем яркую вспышку света...

Свершив казни, Иоанн со своим воинством вновь двинулся в путь – к Ильмену, ближе к Великому Новгороду.

Глава VII

Откуп

В Новгороде все еще пахло дымом, по воздуху то и дело парили, словно листья, вздымаемые ветром, куски пепла. Пролитовская сторона победила, и было решено держать оборону. Для этого в первую очередь пожгли посады – жилища, расположенные за крепостной стеной, которые при штурме неприятеля могли стать хорошей дымовой завесой для атакующих. Вече больше не собирали, но и в Посадском приказе, и в Марфином доме жизнь кипела: то собирався Совет господ – посадники и тысяцкие во главе с архиепископом обсуждали дальнейшие планы, то пересылались гонцами, то – жизнь есть жизнь – устраивали сытные обеды, не брезгуя и вином с крепким медом.

В шок привело людей известие о Шелонской битве, но правители догадались направить энергию людей не на возмущение, а, запугав возможностью мести Иоанна всем подряд, на организацию обороны города: укрепляли стены, ставили патрули, чистили и ремонтировали застоявшиеся пушки. Но не обошлось без трагедий. Сторонники государя Московского ночью тайно заколотили железом пятьдесят пять пушек, установленных на стенах для обороны. Одного из изменников, Упадыша, застукали на месте преступления, приказали пытать его, чтобы выдал других, но он, выдержав все муки, ничего не сказал и был казнен принародно на Ярославовом дворе. Часть пушек смогли от того железа освободить, большинство же так и осталось непригодным для обороны.

По одному, по несколько человек возвращались побитые и удрученные вояки с Шелони. У страха глаза велики: рассказывали чудеса. И что-де войска князя великого по воде ходили, и что голос они с неба слышали угрожающий, и что бойцы у государя жестокосердные и бесстрашные, каждый силы исполинской, и оружие у них есть огнестрельное новое – издали бьет. Выяснилось, что многие сотни новгородцев попали в плен. Новости передавали из дома в дом шепотом, боялись сильных друзей Марфиных, говорили, Москву, мол, не осилить. А тут новая весть: Иоанн расположился в Русе, а это значит – жди осады. В крепость набежало полно народа с окрестных сел, напуганных зверствами захватчиков, сжигавших и убивавших не только тех, кто оказывал сопротивление, но и простых мирных людишек.

Город затворился, и буквально на следующий день вздорожал хлеб, вскоре пропала даже рожь – главная пища бедняков. Сторонники Москвы, напуганные было казнью Упадыша и вооруженными патрулями, с голодухи осмелели, тем более что их полку постоянно прибывало, начали на всех углах попрекать литовских сторонников: «Где же ваш Казимир? А государь-то Московский – вот он, под стенами почти стоит! Допыжились, довольничались, а народ теперь отдувается за вас! Не думали о последствиях!» В городе зрело недовольство и возмущение, которое лидерам пока с трудом удавалось сдерживать.

Тем временем Марфа, огражденная от народной стихии крепким забором да прочным теремом на высоких подклетьях, маялась в ожидании вестей от дорогого сыночка. С часу на час ждала она его появления. Убитым его никто не видел, раненым – тоже. Она уж и лазутчика в Иоаннов стан послала, чтобы выяснить, нет ли Дмитрия среди пленных, но и оттуда пока вестей не было.

Она стояла в просторной светелке второго этажа на коленях перед иконой Божьей Матери и упрашивала ее сохранить сына, обещала сделать щедрые пожертвования на монастыри и соборы, если тот вернется живым-здоровым.

– Ты же знаешь, Мать Божия, – шептала она, – что я и так двоих старших потеряла, потонули мои сыночки в море холодном, за что же еще одного отнимать?! Он и не женат еще, жизни не видел настоящей...

В этот момент издали, с улицы, послышались голоса и звон разбитого стекла в какой-то из соседних комнат. Марфа вскочила и подбежала к раскрытому окну. Там, внизу, за высоким забором толпился народ, потрясая кулаками, среди них ей показались и знакомые лица.

– Изменники, предатели народные! – кричали в сторону ее терема люди. – С голоду нас уморить хотите! Вам власти не хватает, а мы издохнуть из-за вас должны?

Из ворот выехали ее слуги на конях и, размахивая саблями, разогнали смутьянов. Происшествие отбило у Марфы охоту молиться дальше, и она села за стол, подперев голову руками. Сомнения одолевали ее. Теперь даже ей стало ясно, что Казимир помощи не пришлет, хотя весть, так или иначе, о нападении Москвы на Великий Новгород до него дошла. Город в осаде долго не выдержит, нет запаса продуктов. О столь быстром и решительном нападении противника не думали, не гадали, и поражения столь стремительного никто предвидеть не мог. Прошлогодние запасы все истощились, нынешний урожай еще не собирали, да и будет ли он при такой засухе – большой вопрос. Может, и без осады народу голодать придется. На иную какую помощь надеяться не приходилось. И сыночка до сих пор нет и нет...

Слезы выступили на ее упругих щеках. Чувствовала она большую свою вину перед Дмитрием. Два раза просил ее сын разрешения жениться, девушек себе из добрых семей приглядывал, да Марфа противилась. Все невесты ей казались недостойными. А честно признаться, хотела его при себе придержать. Очень уж хорош был ее мальчик – добрый, покладистый, понимающий, веселый. А красивый какой! Не было ни у кого такого хорошего сына, как ее Дмитрий! Конечно, и ее младшенький, Федор, неплох, да со старшим разве сравнишь?! Меньшой в отца пошел – с ленцой, да и статью не выдался. Дмитрий же был весь в нее, в их породу – и красив, и умен, и пригож...

Она поймала себя на мысли, что все время думает о сыне в прошедшем времени, и тут же повернулась к образам, начала креститься:

- Прости меня, Господи, грешницу, да что ж это я себе-то позволяю!
- Раздался легкий стук в дверь, и вошла горничная Лизавета.
- Госпожа, к вам посадник, а с ним еще народец!
- Проси, Лиза, в гостиную, я сейчас спущусь.

Она привела себя в порядок, закрыла голову дорогим убором и пошла вниз. Ее уже ждали Василий Ананьин, Никита Ларионов, еще несколько бояр, тут же присутствовал тихий теперь бывший ключник архиепископский Пимен. Присудив выплатить из своего кармана тысячу рублей в казну владыки, правительство новгородское выпустило его из темницы. Лишившись сана ключника, но, не потеряв еще надежды рядом с Марфой стать все-таки владыкой Новгородским, он стал ей активно служить. Ходил по городу, собирал вести, подвизался по старой дружбе и в архиепископском дворе, и при посадском приказе – все знал, обо всем был в курсе, и потому Марфа охотно его выслушивала. Кроме того, хоть Пимен и выплатил огромную сумму в казну, никто не сомневался, что и после того он оставался одним из богатейших людей в городе: хитрый и изворотливый бывший ключник, не боясь Божьего гнева, давно предпочитал свою казну владычьею.

Солидный народ не спеша расселся на лавках вдоль стен, лишь усталый и мрачный степенный посадник Василий Максимович Ананьин тяжело опустился на стул возле стола рядом с Марфой.

– Ну что, плохи наши дела, – констатировал он, тяжело вздохнув. – Видно, надо соглашаться на переговоры.

– Да хоть бы чуток оборону-то выдержать, глядишь и мягче стал бы великий князь, меньше бы с нас откупа затребовал, – не менее мрачно выговорила Марфа, все еще не желая так просто и легко сдаваться. – Неужели, совсем надежды нет? Может, всё-таки Казимир соберется нам помочь – обещал же!

– Это все мечты несбыточные, – жестко отрезал боярин Никита Ларионов, занимавший обычно нейтральную, осторожную позицию. – Я вас и прежде предупреждал, что нам нечего от Литвы ждать добра, не дождемся.

– А я все же считаю, что надо держать оборону, – вмешался ярый сторонник Литвы боярин Иван Афанасьев, полный, солидный человек с длинной нестриженной бородой. – Конечно, свобода усилий требует, сама по себе не приходит, за нее постоянно надо сражаться. Стены у крепости прочные, пушек много, народу полно сбежалось, неужто не выстоим?

– Что ты говоришь? – удивился осторожный боярин Никита. – Да в городе того гляди голод начнется, а ты про оборону!

– Так ведь и противнику продукты с неба не падают. Они все в округе пожгли, а войск – туча, и все тоже есть хотят, они-то разве смогут тут долго простоять?

– Им есть откуда привезти, а нам откуда? – стоял на своем Никита. – Еще один-два дня, и голодный народ все твои собственные амбары разнесет, – тогда посмотрим, как ты сам перед угрозой голода запоешь! Лучше спасись смирением, чем погибнуть от упрямства.

– Так, может, пока не поздно, послать обозы на Север, закупать продукты, денег мы не пожалеем? – осторожно вмешался в разговор Пимен, по-прежнему обряженный в черную рясу.

– Да ты уж, отец святой, сиди да помалкивай, пока тебя назад в темницу не отправили, – обрезал его раздраженный Иван Афанасьев. – Хватит нам самим себе-то врать. Даже если мы и вышлем обозы, пока они вернутся, тут уж войска вокруг стоять будут московские. Сторожа сообщают: со всех сторон сила на нас движется. То-то они тебе спасибо за продукты скажут – поклон отвесят.

– Так есть же у нас потайные подземные ходы, можно по ним что-то доставлять...

– Через эти ходы много не натаскаешь, да и хватит уж о том! Надо решать: будем или не будем собирать посольство к великому князю, если будем, то когда и кого, на какие условия соглашаться – вот сейчас о чем думать надо, а не об обозе твоём, – накинулся на Пимена и Никита Ларионов.

– Может, за владыкой послать? Без него тут не обойдешься!

Словно подслушав их, в дом Марфы явился и сам Феофил. Бояре встали дружно, поклонились ему, хозяйка подошла за традиционным благословением.

Владыка, перекрестив ее, отодвинул от стола свободный стул – так, чтобы было видно всех присутствующих, и аккуратно присел на него, держа перед собой тяжелый, разукрашенный инкрустацией посох.

– Я посылал за тобой, – склонил он голову в сторону степенного посадника, – мне сказали, что ты сюда отправился, ну и я за тобой. Дело срочное. Народ волнуется, требует замирения с великим князем. Я, признаться, склоняюсь к тому же. Никого ведь Иоанн не пощадит, коль не покаемся.

– Может, на вече вопрос обсудить еще раз? – все еще на что-то надеясь, предложила Марфа.

– На вече?! Сейчас только не хватает собрать вместе этот обозленный народ, они тебе весь Ярославов двор разгромят и нас заодно, – заметил до того молчавший посадник Фома Андреевич Курятник – умный, грамотный боярин, сохранявший все это беспокойное время нейтралитет и молчание.

В этот момент раздался тихий стук в дверь, и на пороге появилась взволнованная, со слезами на глазах, служанка Лизавета.

– Госпожа моя, прибыл ваш посольный из Русы с вестями.

Марфа тут же поняла, о чем она говорит, но вовсе не хотела верить мысли, которая пронзила ее: с сыном – беда!

– Что, что случилось? – взволнованно и громко спросила она, но Лиза давилась от слез и молчала. И тогда Марфа почти крикнула не своим голосом:

– Давай сюда посыльного, немедленно!

Лизавета отошла в сторону, и на пороге появился молодой невысокий парень с неприметным лицом, которого она несколько дней назад отправила на разведку. Избегая смотреть на хозяйку и теребя свою шапчонку в руках, он промолвил:

– Несчастье, госпожа, стряслось... – И тоже замолчал.

– Да не терзай ты мне душу, говори, что? Ранен мой Дмитрий? В плен попал? – она все еще надеялась, что он жив, хотя сердце уже подсказывало: хуже, все еще хуже!

– Нет, госпожа, нет больше нашего Дмитрия!

– Неправда, неправда, – шептала Марфа, вставая из-за стола, – неправда, ты ведь мог ошибиться, тебя могли обмануть, ты же сам не видел?!

– Видел, госпожа, в том и дело. Великий князь, узнав, что Новгород не хочет на мировую идти, приказал ему и еще троем нашим воеводам головы отрубить. Я к тому времени как раз до Русы добрался, у родных остановился, всех согнали на казнь смотреть. На моих глазах и отсекли ему голову.

Марфа стояла словно каменная, лишь по лицу ее потекли обильные слезы.

– Уйди, – прошептала она слуге, но едва тот повернулся, чтобы исполнить ее приказ, она остановила его. – Стой! А говорил ли что-то мой Дмитрий перед смертью, как вел себя?

– Ничего не говорил. Молча перекрестился и положил голову на плаху, ему даже руки не связывали. И все.

– Иди, – снова прошептала Марфа и медленно, истекая слезами, села на стул.

– Оставьте меня, бояре, – проговорила она, наконец, обратившись к застывшим вокруг гостям. – Поступайте, как знаете. Мне теперь все равно...

Вновь послали к великому князю за опасной грамотой, которая гарантировала бы сохранение жизни и воли всем послам. Едва дождавшись, начали грузиться на суда. Наконец, в сторону вражеской ставки двинулось многочисленное новгородское посольство во главе с архиепископом Феофилом, наделенное полномочиями для переговоров. Всем городом собирали дары для подношения победителям. Несколько больших судов – учанов заполнили добром чуть не до краев. Немало пришлось раскошелиться и Марфе, как одной из главных зачинщиков смуты. Долго добираться им не пришлось, великий князь со своим воинством был уже у Коростыни, в устье реки Шелони. Посадники, тысяцкие, представители от жителей всех пяти концов Новгорода плыли, молча и сосредоточенно. После известия о казни посадников они могли ожидать от Иоанна Васильевича любых неприятностей. Втайне многие из них побаивались даже и за свою жизнь. Что такое опасная грамота – лишь бумага! Конечно, новгородцы подстраховались: они позаботились о том, чтобы среди послов оказались лишь те, кто держал сторону Москвы и не был замечен в измене.

Пожалуй, ничего не боялся лишь сам Феофил. Он был уверен, что великий князь никогда не узнает о его подписи на письме к королю Казимиру, на копиях ее не было, а в остальном совесть его была чиста, долг он свой не нарушил, перед Богом был прав. К тому же Иоанн Васильевич ничего не мог с ним сделать без церковного суда.

Войско великокняжеское и сам он расположились в устье Шелони. Все пространство, сколько видел глаз, было заполнено шатрами, палатками, обозами, конями и военным снаряжением, в том числе и многочисленными пушками, которые москвичи везли с собой для штурма новгородских крепостных стен.

Доложив сторожам о цели своего прибытия, новгородцы разбили собственный шатерный лагерь, а затем отправились большими группами с дарами и серебром к братьям великокняжеским – просить их заступничества и ходатайства.

Несколько дней с трепетом ждали они решения своей судьбы, все эти дни великий князь не принимал их, являя, таким образом, свое недовольство. Хотя, конечно, на самом деле он

обрадовался такому повороту дел. Ибо хоть и был Новгород укреплен не лучшим образом, однако взять его было бы не так-то просто. При штурме, даже при самом удачном, предстояло потерять немало воинства. Осада – тоже не лучший способ для победы. В любое время могли пойти дожди, а это – упадок духа, грязь, плохие дороги, проблемы с питанием, болезни и снова людские потери. Иоанн дорожил своими воинами, ибо считал их главной силой и опорой в осуществлении всех своих честолюбивых планов. Так что покаяние новгородцев и их добровольное покорение его воле стало бы хорошим завершением этого похода, да и, собственно, главной его целью.

Время требовалось еще и для того, чтобы Стефан Бородатый, везший с собой старые летописи и документы, отобрал из них все, что показало бы новгородцам их неправоту, измены и предательство. Кроме того, Иоанн со своими дьяками готовил грамоты, которые лишь отчасти подтверждали старые новгородские права. Он решал, какие земли можно забрать себе в качестве компенсации за вину новгородскую и как еще наказать изменников, не нарушая старины, сохраняя в глазах народа законы и правила.

Наконец, челобитчикам объявили, что великий князь примет их завтра после заутрени и завтрака. С раннего утра готовились и волновались, как юнцы, почти все эти пожилые солидные люди. Заранее явились к просторному шатру, дождались приглашения, вошли внутрь. На высоком, специально приготовленном стуле перед ними восседал сам Иоанн с грозным, суровым лицом.

Вокруг него стояли многочисленным сонмом в дорогах походных нарядах, но без доспехов, братья его, князья-воеводы, бояре, дьяки и другие сановники. Первым сам Феофил, а за ним и все другие послы-делегаты пали на колени перед великим князем, стали молить пощады Великому Новгороду и его народу.

– Господин князь великий, – сказал Феофил, и на глазах его выступили искренние слезы покаяния. – Утоли гнев свой, утиши ярость, пощади нас, преступников, не потому, что мы молим о том, а ради своего милосердия. Угаси огонь, палящий страну новгородскую, удержи меч, льющий кровь ее жителей!

Иоанн помолчал, глядя на распростертых у его ног новгородцев, униженно молящих со слезами на глазах о пощаде, и молвил, наконец:

– Встань, владыка, и все тоже встаньте.

Пожилые новгородцы, иные и с трудом, поднялись с колен, по-прежнему не смея взглянуть на пронзительные, яркие глаза великого князя. Он протянул руку, и Стефан поднес ему большой исписанный лист бумаги.

– Здесь исчислены все ваши преступления, все законы, которые Новгород, отчина моя и моих предков, нарушил, все измены, которые вы творили, – произнес он медленно и значительно. – Будете ли вы оправдываться передо мной, доказывать правоту свою?

– Нет, господин князь великий, – молвил, вновь склонившись, старый, седой Феофил с непокрытой головой. – Мы согласны со всеми твоими упреками и обвинениями, мы кругом виноваты и не хотим умалять своей вины, хотим платить по всей полноте, требуем лишь твоего милосердия к земле нашей и народу нашему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.